«Заветное желание» — это третья книга в серии «Малым о великом». Книги этой серии рассказывают детям о великом Боге и Его удивительных делах. Прочитав рассказы о жизни верующих детей, можно узнать, как Бог разговаривает с людьми, особенно с мальчиками и девочками, как учит их удаляться от зла и любить истину.

Творец неба и земли — святой и праведный Бог — влечёт к Себе не только взрослых, но и детей, чтобы дать им настоящую радость и вечный мир в сердце. Бог ещё и сегодня спасает от власти зла и греха всякого, кто обращается к Нему. Когда мальчики или девочки, пренебрегая поучениями родителей, начинают прислушиваться к голосу искусителя, Господь Иисус находит пути, как удержать их от гибели. Так было со Славой в рассказе «Спасительная встреча», с Назаром в рассказе «Не готов», с Лизой в рассказе «Ключи».

Прочитав сборник рассказов, читатель узнает, как отвечать добром на зло, как правильно относиться к одноклассникам и учителям, которые нередко не любят верующих. Рассказ «Заветное желание» поведает тайну о том, сколько радости приносит человеку чтение Евангелия и труд в церкви, как это прекрасно — жить среди святых людей и самому быть святым.

Желание издателей — открыть мальчикам и девочкам величайшую истину: Бог наблюдает за каждым из нас, желая помочь нам не упустить возможности спастись от вечной гибели. Он хочет, чтобы мы полюбили Иисуса всем сердцем.

Малым о великом 3

Заветное желание

Малым о великом
Книга 3

Заветное желание

Христианские рассказы
для детей

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2010

Заветное желание
Христианские рассказы для детей
«Малым о великом», книга 3

2010 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Заветное желание

ак что не слушайте ваших отсталых родителей, никакого Бога нет! — голос учительницы звучал твёрдо и уверенно. — Гагарин летал в космос и никакого Бога там не видел!..

Уже немолодая женщина всё больше распалялась и незаметно для самой себя повышала и без того не тихий голос.

В школе Анна Свиридовна была ответственной за атеистическое воспитание. Она должна была проводить антирелигиозные беседы среди школьников. Свой долг она исполняла с особым рвением, стараясь во что бы то ни стало развеять в детских умах «тьму мракобесия» — так атеисты называли веру в живого Бога.

В Дунаевке жило много верующих, и учителям доставляло огромное удовольствие унижать «сектантов» в глазах школьников. Вот и сегодня Анна Свиридовна пришла в класс незадолго до конца последнего урока и, не дожидаясь звонка, приступила к делу. Она знала: если отпустить детей на перемену, то многие из них просто уйдут домой.

Большинство учеников сидели за партами, низко опустив голову. Они хорошо понимали, что эта лекция — не что иное, как очередная попытка преподавателя высмеять веру в Бога и даже Самого Бога.

— Я думаю, что в четвёртом «а» учатся умные мальчики и девочки! — со слащавой улыбкой Анна Свиридовна неожиданно начала хвалить учеников.

Дети невольно подняли глаза, пытаясь понять, что же затеяла учительница. Продолжая широко улыбаться, она добавила:

— Я надеюсь, что вы вместе со всей страной будете строить наше светлое будущее — коммунизм. Вот скажите, пожалуйста, какой праздник мы скоро будем отмечать?

Прищурив глаза, от чего её улыбка сразу стала фальшивой, Анна Свиридовна смотрела на учеников, выбирая того, кто должен ответить.

Отличник Петя Классен, щупленький мальчик с серыми глазами, смело смотрел учительнице прямо в лицо. Не выдержав такого открытого взгляда, она с плохо скрываемой досадой перевела глаза на другой ряд. Петя боковым зрением видел, что там, съёжившись и покраснев от волнения, сидел один из его друзей — Миша. Этому мальчику всегда казалось, что, если он немного наклонится вперёд и сожмётся в комок, его волнение не будет заметно. Но взгляд Анны Свиридовны остановился именно на нём.

— Дик! — резко назвала она вконец растерявшегося ученика. — Выйди, пожалуйста, к доске и скажи всем, какой светлый и прекрасный праздник вы скоро будете отмечать!

Миша поднялся и выпалил:

— Рождество!

— Что?! Что ты сказал?..

Теперь красными пятнами стала покрываться Анна Свиридовна. Вне себя от гнева, она вскочила со стула:

— Что ты сказал? Повтори!

— Рождество... — пролепетал мальчик.

От волнения он не знал, куда деть руки.

— Какое Рождество?! — учительница, казалось, потеряла контроль над собой и почти во весь голос закричала: — Через две недели будет годовщина Великого Октября! А до Рождества ещё целых два месяца... — и вдруг, спохватившись, она стала торопливо исправлять свою оплошность: — Точнее, до вашего Рождества, или как его там... Да и вообще, никакого Рождества не было! Ваш Иисус — бабушкины выдумки. Начитались Библии да всяких там Евангелий, вот и верите чепухе!..

Учительница перевела дух и с новой силой продолжила:

— Скоро наша партия примет решительные меры против ваших фанатичных родителей! Советская власть не позволит туманить головы юному поколению! Скоро будет уничтожена последняя Библия и по телевизору покажут последнего верующего!

Высоко подняв голову, Анна Свиридовна с видом победителя вышла из класса. В кабинете повисла тревожная тишина. С портрета на стене на притихших учеников строго смотрел Ленин. Наконец дети один за другим поднялись и, стараясь не создавать лишнего шума, поспешили к выходу.

Петя подошёл к Мише и, пожав ему руку, тихо произнёс:

— Молодец!

Схватив портфели, мальчики поспешили домой.

Над высокими голыми деревьями ветер гнал тёмные тучи, из которых на ещё не остывшую землю падал мелкий колючий снег. Под ногами шуршали прихваченные осенним морозцем пожухлые листья.

Ненастная погода усиливала неприятное впечатление от последнего урока. Слова Анны Свиридовны вызвали в душе Пети глубокое беспокойство. Он знал, что у многих верующих действительно нет ни Библии, ни Евангелия. А если власти и в самом деле отнимут те

немногие книги, что есть у некоторых? Мальчики ещё не понимали всего, что происходило в мире, но на душе у них было тревожно.

Осень как-то быстро пролетела, и сибирская зима вступила в свои владения. Каждый день шёл снег. Большие пушистые хлопья образовали возле домов огромные сугробы. Деревенские мальчишки прорыли в них коридоры, по которым передвигались от одного двора к другому. Чуть ли не возле каждого дома были сделаны снежные горки. Дети и подростки катались с них, оглашая округу восторженными криками. Когда мороз крепчал, детвора оставалась дома, поглядывая на улицу сквозь мастерски разрисованные морозом стёкла.

В один из таких морозных вечеров в большом доме Классенов у окна толпились пятеро детей. Кто-то сделал ладошкой проталину на обледеневшем стекле, и теперь все по очереди смотрели через неё на улицу. Вот в проталину посмотрел вихрастый десятилетний мальчик. Это Петя. Затем его сменила черноглазая Ира, девочка лет семи с тоненькими косичками. На руках она держала заплаканного карапуза, который тоже хотел посмотреть в окно, не идёт ли папа.

— Почему его так долго нет? — нетерпеливо спросил пятилетний Андрей.

— Я тоже не вижу его! — отошёл от окна Петя.

В оконце снова выглянула Ира.

— Идёт! Идёт! Папа идёт! — радостно закричала она и опустила на пол малыша.

Дети кинулись от окна к двери. Наконец она распахнулась. Вместе с клубами морозного воздуха в дом вошёл отец.

Дети с шумом обступили его. Каждый хотел ему услужить: помочь снять валенки, расстегнуть тулуп, снять шапку. Андрей принёс папе тапочки.

Повесив на вешалку овечий тулуп, папа вошёл в гостиную — как приятно погреться возле тёплой печки!

— Папа, а Пете сегодня учительница написала замечание в дневник,— сообщила новость Ира.

— Какое замечание?

— Да... — нерешительно протянул Петя. — Опять из-за галстука...

— О, из-за этого не стоит расстраиваться! — отец пригладил непослушные волосы сына. — Если страдаешь за добрые дела и за правду, то не надо смущаться.

Холодными зимними вечерами Классены всей семьёй собирались в гостиной, и папа рассказывал им что-нибудь из Библии. Истории о Давиде, Данииле и Есфири захватывали дух. Детей волновали чудеса, которые творил Иисус, когда жил на земле. С замирающим сердцем слушали они о том, как Христос воскресил умершего Лазаря, исцелил слепого Вартимея.

Папа умел рассказывать, и детям всегда казалось, что он обрывает своё повествование на самом интересном месте. Вчера, например, он рассказывал об Иосифе и остановился на том, как братья продали его. Что же было с Иосифом дальше? Петя уже хорошо знал эту историю, но всё равно с удовольствием слушал, как папа рассказывал.

Вот и сейчас дети стали просить:

— Папа, расскажи, что было с Иосифом дальше!

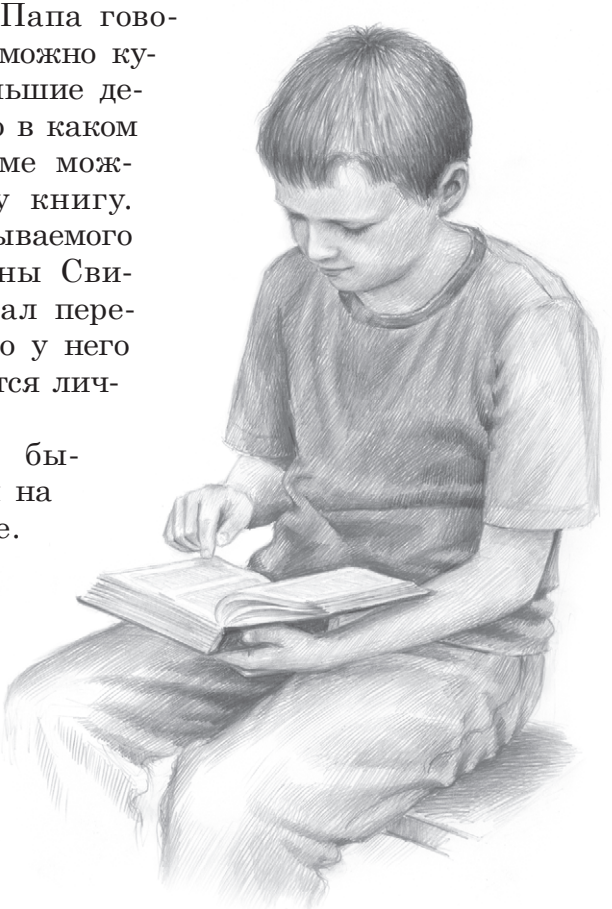
— Хорошо, расскажу! — отозвался отец. — Только сначала мы поужинаем, вы поможете маме навести порядок на кухне, а потом будет продолжение рассказа!

После ужина возле тёплой печки собралась вся семья. Младшие забрались к отцу на колени, старшие расположились на полу. Все внимательно слушали историю о том, как Иосиф оказался сначала в чужой стране, а потом в темнице.

— Иосиф боялся Бога и не согласился сделать грех,—

говорил папа. — В этом нам нужно быть похожими на него, даже если нас накажут за то, что мы храним своё сердце чистым. Вот Пете учительница написала замечание в дневник. Это, конечно, небольшое наказание. Но если бы ему, как Иосифу, например, пришлось оказаться в тюрьме, то и тогда он должен оставаться твёрдым и не соглашаться на грех.

Петя не сводил с отца восхищённых глаз. Ах, если бы он мог прочитать обо всём этом сам! Но Библии на русском языке у них не было. Петя знал, что она считается запрещённой книгой. Папа говорил, что её невозможно купить даже за большие деньги. Очень редко в каком христианском доме можно встретить эту книгу. После того незабываемого выступления Анны Свиридовны Петя стал переживать о том, что у него никогда не появится личная Библия.



У Классенов была старая Библия на немецком языке. Петя часто листал пожелтевшие от времени страницы и просил:

— Мама, научи меня читать эту книгу!

Мама иногда откладывала в сторону свою работу, садилась рядом с Петей и учила его читать по-немецки.

Петя порой открывал Библию сам и долго водил пальцем по строчкам, выискивая знакомые слова. Таким образом он «читал» самостоятельно. И хотя он ничего не понимал из «прочитанного», это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

— Я читал Библию! — восторженно говорил он отцу, когда тот приходил с работы.

В глубине души Петя лелеял мечту почитать Библию на русском языке.

Прошёл ещё один год. Однообразные будни время от времени сменялись маленькими праздниками. Однажды к Классенам приехали родственники. Среди них был Петин двоюродный брат Давид. Он был уже почти взрослым и летом принял крещение.

Когда все собрались в гостиной, Давид достал из сумки маленькую книжечку.

— Что это? Дай посмотреть! — подошли к нему дети.

— Это Евангелие от Иоанна! — степенно произнёс Давид.

— Где ты его взял? — удивлённо спросил Петя.

— Издательство «Христианин» напечатало! — полушёпотом ответил Давид. — В нашей стране есть много церквей, которые служат Богу, не соглашаясь с запретами атеистов. Эти церкви объединились в братство и стали печатать христианскую литературу и Евангелия!

От этой новости у Пети перехватило дыхание. Вот это да! А Анна Свиридовна говорила, что скоро у верующих отнимут последнюю Библию... Нет, Бог позаботится о Своих детях, и у верующих будут книги Священного Писания!

«Когда же у меня будет своё Евангелие? — не переставал думать Петя. — Успеют ли отважные христиане,

которые начали печатать Евангелия, сделать их столько, чтобы досталось и мне? Или придётся ждать, пока стану взрослым?»

Рассматривая небольшую книжечку в простом синем переплёте, все восхищались. Каждому хотелось подержать её в руках и прочитать хотя бы несколько слов.

Пете тоже было интересно заглянуть в это маленькое Евангелие. Он ходил вокруг взрослых, которые стояли кружком, тянул вверх голову, но никак не мог увидеть, что же там написано. Наконец ему удалось протиснуться в середину и увидеть раскрытую книгу. Он скользнул по тексту глазами и бегло прочитал: «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать...»

Круг взрослых опять сомкнулся, и Петя больше ничего не успел прочитать. От счастья у него учащённо забилось сердце. Ещё бы! Он сам, лично, прочитал несколько слов из настоящего Евангелия от Иоанна на русском языке! И хотя он почти ничего не понял, его радости не было конца.

«Обязательно расскажу Мише и другим мальчикам про Евангелие и про печатников,— восторженно думал Петя. — Они ведь тоже мечтают иметь собственное Евангелие!»

С тех пор Петя стал каждый день молиться о том, чтобы Бог послал ему собственное Евангелие. В его сердце вселилась надежда, что Бог обязательно ответит на его молитву. И хотя папа по-прежнему рассказывал им что-нибудь из Библии, Петю никогда не покидало желание самому читать святую Книгу.

Незаметно пролетело два года с тех пор, как Петя впервые увидел Евангелие на русском языке. Приближалось Рождество.

Как-то раз, выходя из дома, Петя увидел привязанный к дверной ручке пакет, похожий на маленькую

бандероль. На нём было написано: «Подарок для Пети».

«Для меня? Подарок? От кого?!» — Петя не верил собственным глазам.

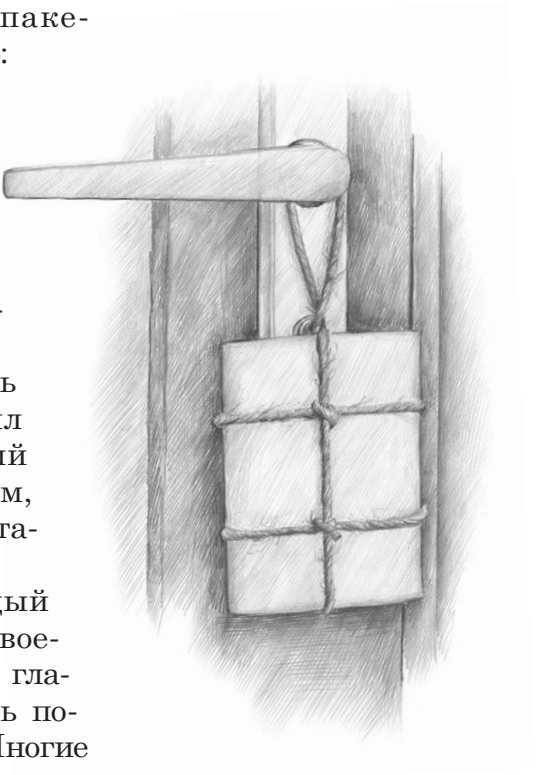
Забежав в комнату, он развернул свёрток и ахнул! Перед ним лежало новенькое Евангелие от Иоанна, выпущенное издательством «Христианин». Петя прижал к груди драгоценную книжечку, ещё пахнущую типографской краской.

— Иисус услышал мою молитву! Теперь у меня есть Евангелие! — прошептал он и кинулся со всех ног на кухню.

— Мама! Мама! Посмотри, что у меня есть!

— Евангелие?! — удивилась мама. — Где ты его взял?

— На дверях, в пакете. Там было написано: «Подарок для Пети».



— Интересно, кто это сделал? — недоумевала мама.

— Не знаю. Может, дядя Коля, наш пресвитер? — предположил Петя.

Но это была лишь догадка. И кто повесил на дверь драгоценный свёрток с Евангелием, для Пети навсегда осталось тайной.

Теперь Петя каждый день прочитывал из своего Евангелия по одной главе и заучивал наизусть понравившиеся стихи. Многие

истины были знакомы ему из папиных рассказов, и он удивлялся тому, что папа так хорошо знает Библию и почти дословно пересказывает написанное.

Конечно же, Петя показал подарок своим друзьям.

— Вот это да! Мне бы такое! — с завистью сказал Гриша и запустил пятерню в свои рыжие кудрявые волосы.

— Я бы тоже не отказался от такого подарка! — поддержал его Миша и немного смущённо попросил Петю: — Дай посмотреть.

— И почему так мало Евангелий? — вздохнул Гриша. — Даже у Максима нет. А он — руководитель подростковой группы!

— Ты разве не помнишь, что говорила Анна Свиридовна? В нашей стране верить в Бога и читать Библию запрещено,— напомнил Миша и, посмотрев на Петю своими большими голубыми глазами, добавил: — Давай будем читать твоё Евангелие по очереди. Неделю ты, потом неделю Гриша, потом я...

Петя не ожидал такого предложения и притих. Но вдруг в его глазах сверкнул задорный огонёк. Так бывало всегда, когда он придумывал что-нибудь новое и интересное.

— Давайте напечатаем Евангелие сами!

— Как?! — вытянул лицо Миша.

— Просто! Сделаем станок и будем печатать. Мне Давид рассказывал, что верующие сами придумали печатную машину. Вот и мы придумаем.

— Давайте! — подхватил инициативу Гриша. — Только сначала надо решить, как и где мы будем работать. И ещё надо сохранить наш замысел в тайне! Если кто-нибудь об этом узнает, нам несдобровать!

— Ясное дело! Никто не должен знать, чем мы занимаемся,— деловито заметил Миша.

— Ещё нам надо подумать, как мы будем печатать...

— А куда мы будем складывать готовые книги? Нужно где-то склад сделать,— сообразил Миша.

— Всё это надо делать подпольно, чтобы никто не узнал,— почти шёпотом добавил Гриша.

— Надо серьёзно подумать,— подражая папе, сказал Петя. — Давайте будем молиться об этом. Завтра после школы соберёмся и поговорим.

Друзья разошлись по домам, воодушевлённые новой идеей. В этот раз она казалась им особенно значительной и серьёзной.

На следующий день мальчики собрались для обсуждения своего замысла.

— Знаете, что я придумал? — заговорщически произнёс Петя, поглядывая по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. — Мы должны построить склад в земле, вернее, под землёй.

— А где? В каком месте? — разом прошептали его друзья.

— У нас во дворе нельзя. Наташа всё проверит и доложит папе,— сморщил лоб Миша.

— У нас тоже,— почесал затылок Гриша. — Мама не любит, когда мы что-нибудь мастерим. Ей всегда кажется, что мы занимаемся глупостями.

— Давайте сделаем «печатную точку» у нас на заднем дворе, где погреб,— предложил Петя. — Если мы выроем яму в том бугре, что за погребом,— никто даже не заметит!

— Всё равно надо как-то закрыть вход в склад, а то твои сестрёнки увидят и проболтаются,— сказал осторожный Миша.

— Мелочи! — махнул рукой Гриша. — Застелем досками и засыплем землёй!

— Нет, так не пойдёт! — отклонил предложение Петя. — Нам же надо будет как-то в него заходить!

— Тогда давайте выроем яму, сделаем в неё лаз, а

чтобы никто не обнаружил её, построим над ней шалаш,— предложил Миша.

— Точно! — подхватил Петя. — Мы оборудуем его под столярку. Сделаем верстак, принесём ножовку, рубанок, молоток, гвозди и ещё какие-нибудь инструменты.

— Здорово! — воскликнул Гриша, потирая руки, и тут же добавил: — Можно положить там несколько досок и пару заготовок для скворечника. Если кто-нибудь заглянет, то подумает, что мы просто столярничаем.

— В шалаше сделаем перегородку, за ней будет печатный цех и лаз в склад,— добавил Петя.

Дождавшись тёплых дней, мальчики вооружились лопатами, молотком, ножовкой, и работа закипела.

Вскоре на заднем дворе у Классенов появился просторный шалаш, в котором мальчики, как и планировали, устроили мастерскую. Родители, думая, что их дети столярничают, радовались тому, что они увлеклись полезным делом, и совершенно не подозревали, чем они занимаются на самом деле.

А мальчики начали конструировать печатный станок. Они смастерили деревянную рамку и прикрепили к ней кусок фанеры. Чтобы закрепить чистый лист на получившемся «станке», к нему прикрутили две деревянные планки.

Для штамповки ребята выстрогали доску, тщательно её отшлифовали и прикрепили к ней ручку. Осталось нанести буквы. Но где их взять?

— Давайте вырежем буквы из книг! — с жаром предложил Петя.

Друзья поддержали это предложение, и каждый принёс из дома по старому учебнику. Работа оказалась сложной и очень кропотливой. Буквы были мелкими, и, чтобы составить только одно слово, ребята потратили целый вечер.

— Надо найти буквы покрупнее... — вздохнул Гриша.

— Может, лучше вырезáть из букваря? Там большие буквы! — вспомнил Петя. — У нас дома есть два. Я завтра принесу!

После долгих мучений подростки наконец-то составили три слова: «Бог есть любовь». Гриша хотел было приклеить их к штампу, но Петя остановил его:

— Подожди! Буквы надо клеить в зеркальном виде, чтобы они отпечатались правильно.

Когда всё было готово, мальчики покрасили буквы чёрной тушью, и Петя со всего размаху опустил штамп на чистый лист.

«Бух!» — раздался громкий удар.

Ребята замерли. Нет, кажется никто не обратил внимания на этот звук. За шалашом было тихо. Петя поднял штамп. На листе образовалась сплошная чёрная полоса. Никаких букв не было видно — всё размазалось.

— Э-э-х! — разочарованно протянул Петя. — Надо было наносить меньше туши! Придётся переделывать.

Мальчики почистили доску наждачной бумагой, прикрепили другие буквы, покрасили. И снова — «бух!».

С замирающим сердцем мальчики подняли штамп.

— Получилось! Получилось! — восторженно закричал Гриша.

— Тише ты! — шикнул на него Миша.

Друзья склонились над листом бумаги, на котором можно было разобрать три слова: «Бог есть любовь». Правда, строчка была неровной, а буквы — очень крупные и размазанные.

— Теперь можно будет напечатать целое Евангелие! — чуть слышно прошептал Миша, разглядывая свою работу.

— Значит, у меня тоже будет своё Евангелие! — воодушевился Гриша.

— Конечно! — подхватил Петя, которому очень хотелось, чтобы у каждого из его друзей был свой Новый Завет.

Вдохновлённые успехом, мальчики вновь принялись за дело. После многочисленных попыток они смогли напечатать на одном листе несколько стихов из Библии.

Однажды Петя пришёл домой из школы позже обычного. Было темно, но он заметил, что у них на заднем дворе стоит какая-то машина. Незнакомый мужчина вместе с отцом вынесли из кладовки мешок муки и положили его в багажник. Следом вышла Петина мама. В руках у неё была тряпочная сумка, в которую вчера она запаковала топлёное масло и пряники. Сумку тоже поместили в багажник.

«Интересно, что бы это значило?» — замедлил шаг Петя. Он подошёл ближе и увидел, что в «москвиче» нет заднего сиденья, а на его месте громоздятся разные мешочки, сумки, сетки и банки. Хозяин машины плотно уложил все эти вещи, а папа застелил всё старыми фуфайками и накрыл сверху одеялом. Мама хлопотала рядом, подавая то одно, то другое. Вскоре отсутствие заднего сиденья в машине стало почти незаметным.

Увлечённые своим делом, взрослые не заметили подошедшего подростка. Но вдруг водитель машины резко обернулся и испуганно спросил на немецком языке:

— Кто это?

Петин отец поднял голову и, увидев сына, почему-то шёпотом ответил:

— Это мой старший.

Приезжий немного успокоился, но от внимательных глаз Пети не ускользнул многозначительный взгляд, которым он указал отцу на него. Родители неловко замялись, потом мама сказала:

— Петя, иди в дом.

— И подожди нас в коридорчике,— добавил отец.

«Что бы это значило? — недоумевал Петя. — Почему они испугались? Чья это машина?»

Он вспомнил, что на этом «москвиче» в прошлом году к ним на праздник Жатвы приезжала группа молодёжи из какой-то дальней деревни. Вспомнил он и хозяина машины — худого высокого брата с приятной улыбкой на лице.

«Как же его зовут?» Петя напряг память, но припомнить его имя не смог. Он зашёл в пристройку и сел на скамью, стоящую в коридоре. Здесь кроме хозяйственной утвари было много вещей, которые всегда привлекали внимание ребятишек. На стене висел большой, как палатка, папин плащ. Папа раньше работал в колхозе чабаном, и в этом плаще, с посохом в руках, был очень похож на доброго пастыря из старинной немецкой Библии с гравюрами. В стороне на сыромятном ремешке висел папин плетёный кнут. Раньше Петя очень любил ходить по деревне и щёлкать им, играя гладкой, отполированной от постоянного пользования рукояткой бича. Его щелчки, резкие, как выстрел, разносились далеко вокруг, отзываясь эхом в близлежащих берёзовых околках. Петя уже давно не брал в руки этот вожделенный для многих мальчишек предмет. Ведь он теперь занят большим делом!

«Мы печатаем Евангелие,— думал Петя. — А щёлкать кнутом — что тут особенного?»

Ему даже неловко было вспоминать, как он хвастался перед сверстниками, что отец доверяет ему такую «взрослую» вещь.

Постепенно его мысли возвратились к незнакомцу с машиной.

«Почему у них был такой вид, будто они тоже делают тайное дело? — Петя озадаченно сморщил лоб. — Ладно мы, мы печатаем Евангелие — запрещённую в нашей стране книгу. А они что? Что особенного в банках с вареньем?! Какой секрет может быть из мешка муки и сумки с топлёным маслом и пряниками?»

Его размышления прервал гул отъезжающей машины. Через минуту дверь открылась, и в проёме показался отец. С каким-то преувеличенным старанием он отряхнул с одежды последние следы мучной пыли. Было видно, что его занимают какие-то серьёзные мысли. Наверное, он думал о том, как начать разговор с сыном.

Наконец папа плотно закрыл за собой дверь и сел на скамью рядом с Петей. Немного помолчав, он поднял голову и пристально посмотрел в серо-голубые глаза сына:

— Ты, сынок, уже не маленький. Скоро тебе будет четырнадцать. Это вполне подходящий возраст для того, чтобы многое понимать и серьёзно оценивать обстановку. Думаю, что тебе можно кое-что рассказать,— папа немного помолчал. — Надеюсь, ты не будешь говорить об этом с кем попало.

Петя подался вперёд и приготовился слушать.

Папа немного помедлил и заговорил:

— Ты уже знаешь, что у нас в стране, несмотря на запреты властей, начали печатать Евангелия. Так вот, недавно группу печатников арестовали...

Петя, казалось, перестал дышать.

«Неужели правда?! Как это случилось?»

Его мысли беспорядочно заметались: «Неужели всё-таки сбудется то, что когда-то говорила Анна Свиридовна? А что будет с нами? Мы ведь тоже хотим напечатать Евангелие...»

— Мы с мамой решили восполнить некоторые нужды их семей,— продолжал отец. — Только прошу тебя, не рассказывай об этом никому. Понял?

— Понял,— кивнул Петя. — Папа, а как зовут того брата, который к нам приезжал?

— Тебе не нужно это знать. Он задействован в очень важной работе. И если милиция выследит, с кем он общается, куда увозит продукты, то...

Отец неожиданно прервал разговор и поднялся.

— Сын, я на тебя надеюсь,— сказал он, положив руку Пете на плечо. Немного постояв, отец молча пошёл в дом.

Тревога в сердце Пети нарастала.

«А что если нас уже выследили?» — думал он.

И вдруг в его памяти всплыл вчерашний вечер и один момент, который тогда показался ему не особо примечательным. В самом разгаре их работы над очередным библейским стихом он должен был сбегать домой и принести кусок наждачной бумаги. Выглянув из шалаша, Петя увидел удаляющегося мальчика. Это был его одноклассник Саша Лаптев. Он оглянулся, помахал Пете рукой и спокойно пошёл дальше по тропинке, проходящей за огородами. Сразу Петя не придал этому большого значения. Но сегодня, под впечатлением взволновавших его известий, он оценил это происшествие совсем по-другому.

«Сашин дядя — участковый милиционер»,— вспомнил Петя, и внутри у него похолодело.

На следующий день, когда друзья собрались на своей «печатной точке», Петя рассказал им о своих подозрениях и с тревогой добавил:

— А вдруг придёт милиция с обыском и нас всех арестуют?

Опустив голову, Гриша сказал:

— Думаю, что нам не миновать тюрьмы...

— Почему? — взволновались остальные.

— Мне кажется,— продолжал Гриша,— что Сашин дядя уже всё знает.

— С чего ты это взял?

— Мы недавно встретились с ним на улице, и, когда я поздоровался, он как-то подозрительно посмотрел на меня. Я прошёл мимо, а потом оглянулся. Он стоял и, глядя на меня, качал головой.

— Да-а... — неопределённо протянул Миша.

— Надо что-то делать,— Петя озадаченно почесал затылок.

— А что тут сделаешь? — грустно спросил Миша.

— Давайте напишем родителям письмо и в нём сообщим, чем мы занимаемся,— предложил Гриша.

— Давайте! — согласился Миша.

— Письмо надо отдать твоему папе,— добавил Гриша, обращаясь к Пете.

— Почему именно моему?

— Потому что «печатная точка» находится в вашем дворе, а твой папа — хозяин.

— Ладно,— согласился Петя, хотя ему совсем не хотелось рассказывать об этом отцу, особенно после вчерашнего разговора.

Прошла неделя, пока ребята составили текст и отпечатали его: «Папа, мы печатаем Евангелие. Если мы вдруг исчезнем, ищите нас в милиции».

Вечером, выждав момент, когда отец остался в комнате один, Петя подал ему свёрнутый вчетверо лист:

— Папа, тебе письмо!

— От кого? — удивился отец, увидев столь необычный текст.

— Мы напечатали.

— Кто это вы?

— Ну, я с Мишей и Гришей.

Папа озадаченно покачал головой.

— А ещё кто-нибудь знает об этом?

— Нет. Мы всё хранили в тайне.

— И где вы занимаетесь своим секретным делом?

Пете пришлось всё рассказать папе, который и не догадывался о том, что происходит у них на заднем дворе.

— Как хорошо, что о ваших проделках ещё никто не знает! — облегчённо вздохнул отец. — Петя, я понимаю, что вам очень хочется иметь Евангелие. Это

хорошо. Но ты сам знаешь, чем всё это может закончиться. Обещай мне, что ты прекратишь заниматься подобными делами без моего разрешения!

Петя предчувствовал, что отец не одобрит их тайные занятия. Ему пришлось согласиться с ним.

Так и не напечатали они ни одного Евангелия от Иоанна, хотя желание иметь его осталось. Друзья продолжали молиться о том, чтобы Господь дал им возможность приобрести Новый Завет.

Прошла ещё одна зима. Ранней весной, после неудавшейся попытки напечатать Евангелие, мальчики опять собрались в своём шалаше и устроили совещание.

Петя, большой выдумщик чего-то нового и интересного, предложил:

— Давайте попробуем переплетать книги! Так неудобно носить несколько тетрадок с песнями! Если мы переплетём их — у нас будут настоящие сборники!

— И правда! — энергично подхватил Гриша. — Купим тетрадей в клеточку, сошьём их, и у нас будут свои сборники!

— Здорово! — воскликнул Миша и осторожно спросил: — А нам не попадёт?

— Это же доброе дело! — не отступал Петя. — Посмотри, сколько песен переписывает наша Ирина! Она хочет переписать себе все «Гусли». А мы возьмём да и подарим ей для этого настоящую книгу!

— А вы не думаете, что за это нас могут наказать? — робко возразил Миша.

— Не бойся! Никто об этом не узнает! — уверенно произнёс Петя. — Наш склад ещё не обнаружили, а тетради мы будем покупать в райцентре, чтобы никто ничего не заподозрил.

В шалаше снова закипела работа. Каждый из мальчиков принёс по нескольку тетрадей, шило, иголку,

нитки, клей и другие мелочи, необходимые на их взгляд. Правда, они снова и снова обнаруживали, что не хватает чего-то, и бежали домой, чтобы украдкой взять то ножницы, то кусок ткани, то ещё что-нибудь.

Наконец первые книги были готовы. Правда, они плохо открывались и были не очень красивыми, но мальчики всё-таки подарили их своим младшим сестрёнкам, приказав никому не говорить, кто преподнёс им такие необычные подарки.

Самая большая трудность заключалась в том, что подростки не знали, как обрезать готовые книжки. Попробовали кухонным ножом, но он часто соскальзывал, и края книги получались неровными и лохматыми.

— Может, взять сапожный нож? — предложил Миша. — Я видел, как дедушка обрезает подошвы, когда подшивает валенки. У него получается так ровно!

— Надо попробовать,— согласился Петя. — Только где его взять?

— Я попрошу у дедушки, он даст.

Со временем у мальчиков стали получаться неплохие книжки, которые они решили дарить в церкви своим друзьям. Конечно, это не осталось незамеченным.

Однажды воскресным утром Классены всей семьёй шли на богослужение. Возле дома, где проходили собрания, Петя вдруг увидел знакомый белый «москвич». Всё тот же загадочный водитель вышел из машины, поприветствовал всех и на несколько мгновений задержал Петину руку в своей руке.

— У меня к тебе есть разговор,— негромко произнёс он. — После служения поговорим.

Что говорили на богослужении, Пете трудно было бы пересказать. Он только запомнил, что все проповеди, стихи и песни, как нарочно, были на тему «Служите Господу». В висках у него стучал один и тот же вопрос: «Что хочет от меня приезжий брат?»

Едва дождавшись конца служения, Петя вышел во двор. Он решил, что разговаривать с братом лучше на улице.

Взрослые и дети проходили мимо, радостно переговаривались, обменивались впечатлениями о прошедшем богослужении. И никто из них не думал и даже не догадывался о том, что творится в душе подростка, стоящего в стороне.

Чтобы не обращать на себя взгляды окружающих и не выдать своего волнения, Петя отвернулся от идущих и подошёл к забору. Он чувствовал, что приезжий брат не случайно обратил на него внимание.

«Он как-то связан с теми, кто печатает Евангелие,— думал Петя. — Может, он привёз мне Новый Завет или даже Библию?»

Эта мысль заставила юное сердце биться быстрее: «Вот было бы здорово! Нет... не похоже, что он привёз что-то для меня. Как-то по-особому он смотрел мне в глаза...»

— Петя! — окликнул его отец. — Иди в машину, покажешь брату, где живёт Мария Ивановна.

Петя поспешил к стоящему за калиткой «москвичу» и сел на переднее сиденье.

— Давай познакомимся поближе,— протянул ему руку приезжий. — Меня зовут дядя Витя, а тебя, кажется, Петя?

— Да.

Водитель неторопливо повернул ключ зажигания. Мотор заурчал, и машина тронулась.

— Нам в какую сторону? — повернулся дядя Витя к оробевшему подростку.

— Прямо, а в конце улицы — налево,— хрипло произнёс Петя. — У тёти Марии маленький домик с палисадником, в котором растут цветы. И ещё один ориентир — зелёная калитка.

— Я слышал, что ты с друзьями занимаешься переплётом,— без всякого вступления перешёл дядя Витя к главному.

Петя смутился. Он никак не думал, что этот брат может знать об их тайне.

— Почему молчишь? — с доброй улыбкой спросил дядя Витя. — Секрет?

— Да не такой уж и секрет, но мы не хотели об этом говорить другим. А как вы узнали?

— Очень просто, брат. В Слове Божьем написано,

что нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

Пете понравилось, что дядя Витя назвал его братом. Это как будто приобщало его, по сути ещё мальчика, к тем, кто печатал Библии. Эти догадки волновали Петю и настораживали, однако ответ дяди Вити показался ему неполным.

— Рассказали мне об этом мои друзья из вашей церкви,— снова улыбнулся дядя Витя, поняв причину Петиного молчания. — Они заметили, что у подростков и молодёжи появились самодельные записные книжки. А так как один из моих друзей — твой папа, то тебе должно быть всё понятно.

Петя испытывал лёгкое чувство досады, которое тут же исчезло, когда он услышал следующее.

— Я знаю, что ты очень хочешь иметь Библию или хотя бы Новый Завет. Слышал я и о том, что ты, получив Евангелие от Иоанна, старался вместе с друзьями напечатать такое же. Скажу тебе откровенно, мне очень нравится то, что вы так сильно любите Слово Божье. Приятно слышать о вашем труде над записными книжками. Это прекрасно! Только пусть моя похвала не станет поводом для гордости. Богу за всё это слава! Меня волнует один очень серьёзный вопрос. Судя по твоим поступкам, ты не мыслишь жизни без церкви, но почему ты до сих пор не принял крещения?

Петя так разволновался, что ничего не смог сказать в ответ.

— Сколько тебе лет? — снова спросил брат, сосредоточенно глядя в зеркало машины.

— Скоро шестнадцать,— осипшим голосом произнёс Петя и глубоко задумался.

— Конечно, это не слишком много, но уже вполне достаточно, чтобы заключить завет с Господом. Ты подумаешь об этом?

Петя молча кивнул.

После этого разговора Петю как будто подменили. Он стал часто уединяться, чтобы почитать Евангелие и помолиться. Он понял, что даже хорошие и добрые дела и желания должны иметь правильное основание. В своих занятиях он теперь видел примесь романтики и любви к приключениям. Он ещё не мог объяснить себе всего, что переживал, что чувствовал, но каким-то неизъяснимым образом понимал, что является участником беспощадной битвы между добром и злом. В этой битве без Бога ничего не добьёшься: не выиграешь ни одного сражения, не сделаешь ни одного дела по-настоящему хорошо и правильно.

Петя снова и снова склонялся на колени и молился. Теперь он ещё острее ощущал нужду в Библии. Ему казалось, что в ней он обязательно нашёл бы ответы на волнующие его вопросы.

Заметив перемену в жизни и поведении Пети, друзья не остались равнодушными.

— Петь, что с тобой? — как-то раз спросил Гриша. — Ты стал какой-то неразговорчивый, всё о чём-то думаешь. Даже переплёт тебя больше не интересует.

— Я думаю... — Петя замялся, но потом решительно произнёс: — Я хочу принять крещение.

— Крещение?! — опешил Гриша.

— Не рано ли нам об этом думать? — несмело спросил Миша.

— Этот вопрос нельзя решать за компанию,— сказал Петя. — Поэтому я и не говорил вам о своём решении. Я понял, что уже пора стать настоящим христианином. Помните, о чём не раз проповедовал дядя Коля: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет»? Так в Евангелии написано. Я очень хочу принять крещение.

— Честно говоря, я тоже об этом много думаю,— попрежнему робко произнёс Миша. — На собрании часто говорят, что церковь, как дом, строится из кирпичей.

Верующие люди — это духовные камни, или кирпичи. Только вот я...

— Что — ты? — настороженно спросил Гриша.

— Я думаю, что очень страшно оказаться испорченным, гнилым кирпичом...

— Хм... Как это — гнилым кирпичом? — с какой-то досадой спросил Гриша. — Где ты видел, чтобы кирпичи были гнилыми? Это же не доски!

— Гриша, не придирайся! — заступился за Мишу Петя. — Ты же понял, что он имеет в виду!..

Наступил день, когда Петю, Гришу и Мишу перевели в молодёжь. Но радость их юных сердец была как будто приглушённой. На их лицах лежала печать задумчивости. Со стороны могло показаться, что между ними произошла размолвка. На самом же деле друзей волновали серьёзные вопросы, и в переживаниях крепла их дружба.

На одном из собраний после заключительной проповеди Гриша встал и громко сказал:

— Братья и сёстры, я хочу заключить завет с Господом!

Эти слова как будто подтолкнули Петю и Мишу.

— Я тоже хочу! — поднялся Петя.

— И я хочу принять крещение! — послышался голос Миши.

Возможно, кто-то подумал, что друзья сговорились. Но каждый из них хорошо знал, что это решение созрело у него в личных размышлениях и молитвах. Друзья пожелали сделать этот шаг, услышав Божий зов.

Три друга по-прежнему были неразлучными. Теперь их влекла друг ко другу не очередная выдумка, не жажда приключений. Они, конечно, могли в разговоре и помечтать, и пошутить, но теперь чаще затрагивали

серьёзные вопросы. Вспоминали проповеди, которые слышали раньше, делились своими переживаниями в связи с предстоящим крещением, рассуждали о жизни молодёжи.

Как-то раз перед молодёжным собранием к Пете подошёл руководитель и сказал:

— В конце скажешь слово.

Петю обдало жаром: «Какое слово? Я же не умею проповедовать!»

Но брат, не поднимая головы, что-то сосредоточенно рассматривал в своих записях и совсем не обращал внимания на растерянный вид Пети.

Машинально листая Евангелие от Иоанна, Петя открыл пятую главу. Его глаза остановились на тексте: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне».

Глубокий смысл простых евангельских слов захватил мысли юного христианина. Разве он не хотел исследовать Слово Божье? Уже не первый год его заветным желанием было иметь Библию. Она была нужна ему не для того, чтобы похвалиться, что у него есть эта редкостная книга. Нет! Он хотел читать её, хотел изучать её, чтобы знать, как строить свою жизнь, как служить Богу, к чему стремиться и чему посвятить себя.

Петя увидел в этом знакомом евангельском тексте именно эти мысли. Библию нужно читать и изучать не для того, чтобы просто знать её содержание. Её исследование может привести к жизни вечной, потому что Слово Божье приводит человека к познанию Бога, приводит к Иисусу Христу.

Да, Петя ещё не до конца всё это понимал, но в глубине его сердца уже был заложен прочный фундамент веры. Он был убеждён, что Бог и Библия неразрывно связаны. И если атеисты пытаются отнять у людей Библию, значит, они пытаются закрыть человеку путь к

Богу. И потому они выполняют волю Божьего противника — сатаны. Таким образом идёт борьба за людские души. В этой борьбе ни Петя, ни его друзья — не посторонние. Они не имеют права стоять в стороне и равнодушно наблюдать, кто же в конечном счёте победит. Им нужно самим познавать Бога и исследовать Писание, чтобы рассказывать о Нём другим. Нужно сделать всё возможное, чтобы у всех были Библии.

Петя стоял перед молодёжью, держа в руках маленькое Евангелие от Иоанна. Иногда сбиваясь и теряя мысль от волнения, он всё же пылко говорил о том, что переполняло его сердце.

После этого молодёжного собрания Петя время от времени стал проповедовать.

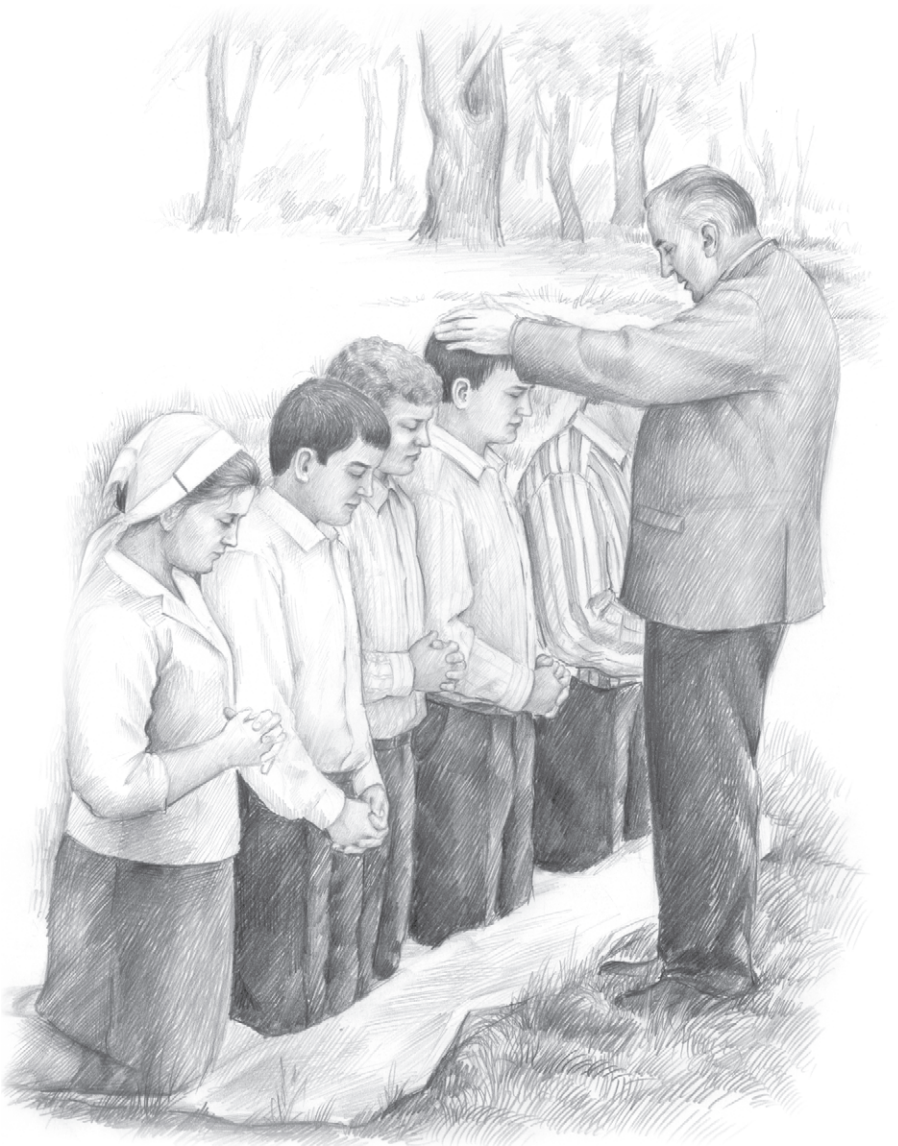
Прошло ещё несколько месяцев, и в Петиной жизни наступил долгожданный и радостный момент.

Ранним весенним утром Дунаевская церковь собралась на тихом берегу реки. В центре стояло несколько человек в белоснежных халатах. Среди них были Петя, Миша и Гриша. Торжественное пение казалось несколько приглушённым из-за тумана, который лёгким облаком висел над извилистой рекой. Розовеющее на востоке небо обещало ясное утро и хороший день.

— Библия говорит: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет...» — начал свою проповедь пресвитер Дунаевской церкви.

Слова служителя вновь и вновь утверждали Петю в том, что он избрал правильный путь. Сегодня он принимает крещение. И делает он это, желая исполнить волю Божью. Петю радовало то, что его жизнь теперь тесно связана с заповедями Святой Книги.

— Верую! — полной грудью выдохнул он слово, которое выражало его внутренний мир, искреннюю убеждённость в истинности Библии и личную веру в Спасителя.



После крещения было торжественное собрание. Уже немолодой служитель с глубоким трепетом молился Богу о каждом, кто решил следовать за Господом.

— Пусть этот юный христианин до конца своих дней сохранит любовь к Тебе и Твоему слову,— проникновенно молился о Пете пресвитер Дунаевской церкви. — Господи, пусть он будет служителем Твоего слова!

Благоговейный трепет объял Петино сердце. По его щекам потекли горячие слёзы.

После молитвы служитель сердечно поприветствовал новых членов церкви и объявил:

— В этот праздничный для церкви день мы, благодаря милости Божьей, можем подарить нашим друзьям драгоценные подарки.

С сильно бьющимся сердцем Петя смотрел, как дьякон церкви бережно разворачивал небольшой свёрток. Через минуту Петя, как и его друзья, прижимал к груди Новый Завет.

Это было не последнее волнующее событие того памятного дня. Когда Петя восторженно смотрел на братьев и сестёр, воодушевлённо поющих благодарственный псалом, он вдруг увидел дядю Витю...

После богослужения дядя Витя вместе с другими братьями приветствовал крещённых.

— Я очень рад за вас! — просто сказал он, крепко пожимая Пете руку.

После вечернего собрания отец попросил Петю задержаться во дворе, а сам ушёл с дядей Витей. Они долго сидели в «москвиче», пока наконец позвали Петю.

Проехав несколько улиц, дядя Витя остановился возле дома Классенов и заглушил двигатель.

— Ну что, друг,— повернулся он к Пете,— ты по-прежнему занимаешься переплётом?

Петя замер.

— В последнее время редко,— проговорил он с плохо скрываемым волнением.

— А хотел бы заниматься чаще? — дядя Витя внимательно посмотрел на едва видное в сумерках отражение

в зеркале, словно пытался заранее узнать, что он ответит.

— Конечно! — улыбнулся Петя. — Мы уже почти всем желающим из нашей молодёжи сделали записные книжки.

— Да? Значит, нужда в твоей работе скоро отпадёт... А если мы поручим тебе переплетать что-нибудь для церкви? — дядя Витя не сводил с Пети глаз.

Петя посмотрел на отца. Тот сидел на переднем сиденье, опустив голову и прикрыв рукой глаза.

— Я... я буду очень рад! — вполголоса сказал Петя, и сердце его затрепетало от радостного предчувствия.

— Значит, Петрович, мы не ошиблись в выборе,— обратился дядя Витя к Петиному отцу. — Помолись и поедем.

Благоговейно сложив руки, все трое закрыли глаза и склонили голову. Слушая негромкую молитву отца, Петя не верил своим ушам. Неужели ему доверяют заниматься переплётом литературы, которую выпускает издательство «Христианин»?!

Тихо сказав «аминь», дядя Витя тоже коротко помолился, затем крепко пожал Пете руку и повернул ключ зажигания. «Москвич» легко завёлся, и они снова поехали по вечерним улицам Дунаевки. Каждый думал о своём. И только когда машина плавно остановилась у знакомой зелёной калитки, дядя Витя сказал шёпотом:

— Вот мы и приехали.

Петин отец бесшумно вышел из машины и направился к домику, в котором не было видно света. Через несколько минут он вернулся и чуть слышно произнёс:

— Всё в порядке. Можно идти.

Дядя Витя подтолкнул Петю к выходу и почти неслышно защёлкнул дверцу машины.

Всё остальное происходило как во сне. Вслед за

отцом Петя вошёл в небольшой коридор, потом они в полумраке прошли через кухню в дальнюю комнату, где горел свет.

Окна в комнате были плотно закрыты ватными одеялами. За столом сидели две незнакомые сестры. Перед ними лежали стопки непереплетённых Евангелий.

— Слава Богу, всё благополучно! — облегчённо вздохнул дядя Витя. — Давайте поблагодарим Господа за то, что Он хранил нас, и попросим благословения на предстоящую работу...

С того памятного дня Петя стал заниматься переплётом литературы, которую печатало издательство «Христианин». К бригаде переплётчиков вскоре присоединились Миша и Гриша. Работали они в основном по ночам. После собрания или спевки каждый старался незаметно дойти до зелёной калитки и проскользнуть в дом Марии Ивановны.

Это было очень увлекательное, но вместе с тем весьма ответственное и опасное дело. В атеистической стране велась нешуточная борьба с религией. Время от времени верующие получали известия об аресте печатников или тех, кто занимался перевозкой и переплётом христианских книг. Поэтому все работы, связанные с выпуском духовной литературы, проводились тайно, в условиях конспирации. И хотя юные христиане не всегда соблюдали правила конспирации, Бог проявлял к ним Свою заботу и милость и хранил их. Присматриваясь к работе старших братьев и сестёр, Петя и его друзья учились не только хорошо трудиться, но и сохранять добрые христианские взаимоотношения.

Петю не смущало то, что они занимаются запрещённым делом. Да, законы страны нужно соблюдать, и все христиане законопослушны. Но в тех случаях, когда законы противоречат Слову Божьему, поступать нужно

по Библии. «Должно повиноваться больше Богу, нежели людям» — эту евангельскую истину Петя воспринял всем сердцем.

Так прошла ещё одна зима, а за ней — весна и лето. Быстро пролетели жатвенные праздники. Дети начали считать дни, оставшиеся до Рождества, и родители с улыбкой отвечали на извечные вопросы о подарках.

В один из декабрьских дней в доме Классенов царило необычное оживление. К ним приехали гости из далёкой Прибалтики. Радостные приветствия сменились праздничным чаепитием и неспешными разговорами за столом. Неожиданно один из гостей слегка хлопнул себя по колену:

— Ну вот, самое главное-то я и забыл!

С этими словами он поспешно вышел из-за стола и открыл свой чемодан. Заинтригованные родственники притихли в ожидании.

— Это я привёз Пете!

Все с восхищением наблюдали за тем, как Петя взял в руки книгу в мягкой зелёной обложке. Открыв титульный лист, он ахнул:

— Библия! Такая маленькая?! Это мне?! — Голос Пети дрогнул, и он тут же начал громко молиться: — Благодарю Тебя, Господи... Ты ответил на мои многолетние молитвы...

Родные поднялись со своих мест и, едва сдерживая слёзы радости и благодарности, стали молиться вместе с Петей.

Все хотели посмотреть и потрогать драгоценность, которую Петя держал в руках. Библия карманного формата удивляла своими размерами и тоненькими листочками.

— Откуда такое богатство? — спросил Петин отец.

— Это очень большая тайна! — многозначительно

посмотрел ему в глаза гость. — Это ответ на молитвы многих христиан. Бог сделал возможным невозможное!

С этого незабываемого дня Петя всё свободное время посвящал чтению Библии. Его скоро должны были призвать на службу в армию. Зная, что не сможет взять Библию с собой, Петя стал заучивать наизусть отдельные стихи и целые главы из Ветхого и Нового Завета.

На прощальном вечере, когда молодёжь провожала Петю в армию, звучало много пожеланий. В основном это были тексты из Священного Писания, и Петя записывал их все в записную книжку, которую хотел взять с собой на службу. Библию он оставил своей сестре, наказав беречь как зеницу ока.

В армии, оторванный от церкви, лишённый христианского общения, Петя не раз с благодарностью думал о том, что Господь, будучи добрым Пастырем, дал ему удивительную возможность до наступления испытаний получить Библию и наполнить своё сердце драгоценными обетованиями Божьими.

Весть о том, что в воинскую часть прибыл верующий, быстро разлетелась среди солдат. В Петином личном деле призывника на титульном листе крупными буквами было написано: «Баптист». Сам Петя тоже не скрывал своих убеждений.

Когда Петя отказался принять присягу, замполит части буквально не давал ему прохода. По малейшему поводу он вызывал молодого христианина на беседы и старался всячески унизить его перед сослуживцами.

Недели через две в казарму к Пете наведались работники политотдела, сделали обыск и изъяли драгоценную записную книжку. Исписанные страницы вырвали, а книжку вернули. Теперь Петя жил тем, что знал наизусть.

Целый месяц ему не отдавали письма, хотя друзья

и родители исправно писали. Письма оставались в политотделе, и Петя не мог их прочитать.

Однажды в часть прибыл человек в гражданской одежде, которого побаивались даже офицеры. Он вызвал Петю на беседу. В разговоре этот человек обронил фразу, из которой Пете стало ясно, что его письма тоже тщательно проверяют.

— Вот ты пишешь своим домой, что враг ополчился на тебя. Это кого, с позволения сказать, ты называешь врагом?

Не раз Пете приходилось идти на беседу с начальством после отбоя, когда все солдаты мирно спали. Утешение и силу он находил в молитве и воспоминаниях о том, что написано в Библии.

Через три месяца службы Петя не выдержал и написал домой: «Мне так хочется настоящего хлеба!» Родители сразу поняли, о каком хлебе идёт речь, и стали готовить посылку. Мама напекла пряников, купила конфет, сгущённого молока, несколько пачек печенья. Одну пачку она осторожно вскрыла, вынула часть печенья и на это место положила Евангелие. Такие маленькие книжечки стали в то время печатать за рубежом специально для солдат и узников, число которых в Советском Союзе постоянно увеличивалось. Заклеенная вновь пачка печенья ничем не отличалась от остальных.

Петя молился, переживал и ждал. И вот посылка пришла. Получив её, он зашёл в кабинет командира части. Все посылки подлежали обязательной проверке. В кабинете сидели два офицера. Выкладывая на стол содержимое посылки, Петя еле сдерживал волнение, взывая к Богу: «Господи, сделай чудо! Закрой им глаза, чтобы они не заметили Евангелия!»

Взяв в руку очередную пачку печенья, Петя безошибочно определил: «Вот здесь — Евангелие!» Эту пачку он положил книжкой вниз. Сердце его трепетно забилось:

«Только бы проверяющие ничего не заметили!»

Офицеры проверили все пачки и только одну не тронули. Слава Богу! Петя, едва сдерживая учащённое дыхание, сложил продукты в коробку и уже собрался уходить, как вдруг один из офицеров сказал:

— Давай ещё раз проверим.

«Неужели что-то заподозрил?» — подумал Петя и снова стал выкладывать на стол продукты. Пачку печенья с Евангелием он придержал в коробке. Другой офицер махнул рукой:

— Да мы же смотрели всё, хватит!

Петя быстро собрал гостинцы в коробку и поспешил на своё рабочее место. Здесь он был один. Первым делом он достал желанную книжечку. Слёзы радости застилали ему глаза. Зрение у него было хорошее, но от волнения он ничего не мог прочитать.

Лишь после молитвы Петя немного успокоился и открыл Евангелие. Изголодавшаяся душа, будто путник, истомившийся по живительной влаге, жадно впитывала каждое слово.

Осмотрев дно тумбочки, которая стояла на его рабочем месте, Петя сделал тайник и спрятал туда своё бесценное сокровище. Теперь он стал каждый день читать Евангелие. В этой же комнате он каждое воскресенье проводил богослужение: проповедовал, пел, молился, читал стихи. Господь благословлял и укреплял его душу. Так продолжалось несколько месяцев.

Однажды к Пете на работу неожиданно нагрянули с обыском. Прапорщик сразу же направился к тумбочке. И вдруг потух свет! Тайник не обнаружили, забрали только письма.

Не раз Петя вспоминал слышанные в детстве грозные слова учительницы: «Советская власть не позволит туманить головы... Скоро будет уничтожена последняя Библия и по телевизору покажут последнего верующего!»

Но теперь он уже по собственному опыту знал, что Бог хранит Своих детей, и никому не удастся отменить написанное в Библии: «...для слова Божия нет уз». Никто из людей не в силах заставить Бога молчать!

Как-то раз на утреннем разводе военнослужащим объявили, что в часть едет генерал — командующий дивизией. Всё пришло в движение. Подгоняемые прапорщиками и офицерами, солдаты тщательно подметали плац, белили стены штаба, красили заборы, скоблили пол в казармах и развешивали новые плакаты и стенды. Было очевидно, что командование части трепещет перед высоким чином приезжающего.

Вместе со всеми Петя приводил в порядок территорию части.

«Если люди так готовятся к приезду человека, у которого звезда на погонах немного больше, чем у них, то как должны готовиться христиане к приходу Господа?» — думал он, старательно работая граблями.

Его размышления прервал крик командира взвода:

— Бегом на плац! Срочное построение! Генерал приехал!

Когда Петя пробегал мимо старшего лейтенанта, тот, злобно сверкая глазами, прокричал:

— Смотри мне, баптист! Чтобы без фокусов!

Стоя в строю, Петя с интересом смотрел на того, перед кем так трепетали командиры. Это был обычный военный. Только мундир у него был понаряднее, да на брюках — широкие генеральские лампасы.

Генерал выслушал положенные приветствия, сказал несколько дежурных слов солдатам и, сопровождаемый командованием части, ушёл в штаб.

Солдат загнали в казармы. В помещениях было непривычно тихо. Младшие командиры, явно нервничая, ходили по коридору и бросали злые взгляды на тех, кто осмеливался издать какой-либо звук.

Через некоторое время в расположении роты, где служил Петя, зазвонил телефон внутренней связи.

— Дежурный по роте старший сержант Кононов! — отчеканил схвативший трубку дежурный. — Есть! — чётко произнёс он и передал трубку командиру роты.

— Капитан Филимонов слушает! — бодро выкрикнул тот, но через мгновение на его лице появились красные пятна, и он неуверенно произнёс: — Да-а-а... Вы знаете, это как бы... — и тут же осёкся: — Так точно! Слушаюсь! Есть!

Офицер положил трубку и нервно выкрикнул:

— Рядовой Классен!

— Я! — чётко, как и положено по уставу, откликнулся Петя.

— Тебя вызывает в штаб командующий дивизией генерал Наумов! — Он сделал паузу и угрожающе добавил: — Смотри, Классен! Чего-нибудь лишнего скажешь — вытряхну из тебя твою сектантскую душу!

Петя побежал в штаб, стараясь унять волнение.

«Что нужно от меня генералу? Я же простой солдат! Наверное, снова будут спрашивать, почему не принял присягу и как смею верить в Бога...»

У двери Петя на мгновение замер и мысленно воззвал к Богу: «Господи! Помоги...»

— Разрешите войти? — постучал Петя и, переступив порог кабинета, увидел всё командование части, двух офицеров, сопровождавших генерала, и самого генерала, который сидел во главе длинного стола.

— Войдите, войдите,— как-то не по-военному произнёс генерал и с некоторым снисхождением, отражающимся на его лице, выслушал уставной доклад прибывшего:

— Рядовой Классен по вашему приказанию прибыл!

— Хорошо, хорошо,— сказал генерал и обратился к присутствующим: — Товарищи офицеры, мы с вами всё

обсудили, теперь оставьте меня с этим воином. Мы побеседуем сами.

Бросая косые взгляды на солдата, офицеры поспешили к выходу. Некоторые явно нервничали, особенно замполит части. На Петю вся эта суета людей в погонах произвела какое-то странное действие. Он совершенно успокоился и с интересом ждал, что скажет генерал.

— Ну что, товарищ солдат, как служба идёт? — генерал избрал для начала разговора стандартный, почти казённый вопрос.

Понимая, что это только вступление и на самом деле генерала интересует другое, Петя ответил:

— Слава Богу, нормально!

Генерал нахмурился и, встав, подошёл к окну. Не глядя на собеседника, он произнёс:

— Так-так... Значит, говоришь — слава Богу... А я подумал, что меня хотят ввести в заблуждение, сообщая, что в части есть солдат, который верит в Бога.

Немного помолчав, генерал резко повернулся к Пете и отчеканил:

— Классен! Неужели ты на самом деле веришь в Бога? Ты ведь не производишь впечатления тёмного, забитого человека. Неужели ты веришь в какого-то Христа и во всё остальное?

— Да, верю!

Петя невольно вспомнил крещение и подумал, что в кабинете командира части ему приходится свидетельствовать о своём уповании точно так, как он делал это на реке, когда вступал в завет с Господом.

— Да... — протянул генерал. — Не ожидал, совсем не ожидал...

Он говорил таким тоном, будто Петя провинился перед ним или не оправдал его доверия.

— Ты просто не понимаешь, что говоришь. Как у тебя дела с образованием? В школе как учился?

— Образование среднее. Учился хорошо.

— И веришь в Бога?

— Верю!

— Знаешь, у меня как-то не укладывается в голове, что человек, который с успехом закончил советскую школу, может остаться в плену религиозных предрассудков. Вам что, не объясняли основы материализма?

— Объясняли.

— И что? Как ты их воспринял?

— Объяснения учителей не повлияли на мои убеждения.

— Вот как! А может, в вашей школе были слабые преподаватели? Если бы ты поступил в институт и начал изучать научный атеизм — от твоего средневекового мышления не осталось бы и камня на камне!

Петя вначале не знал, что сказать в ответ на такое утверждение. Но вдруг ему на память пришла одна мысль о материализме, которая показалась подходящей для беседы.

— Товарищ генерал, разрешите спросить: вы сами материалист?

— Конечно.

— И вы верите, что всё происходящее с нами и в нас имеет материальную природу и души у человека нет?

— Несомненно!

— Тогда получается, что наши мысли тоже материальны?

— Конечно, Классен. Мысли — это просто-напросто биотоки в коре головного мозга. Ты делаешь успехи!

— Значит, я не властен над своими мыслями и над волей? По-вашему, это всего-навсего какие-то электроны в моём мозгу. И если я сознательно нарушаю устав, вы не имеете права осуждать меня, потому что мне достались такие электроны, которые по законам физики взаимодействуют только так и не иначе...

— Классен! Ты мне тут пропагандой не занимайся! Я учился в академии генштаба! Это тебе о чём-то говорит? Я окончил высшую партийную школу и в этих вопросах понимаю больше тебя!

Здесь генерал лукавил. Он понимал, что молодой христианин может задать такой вопрос, на который он не сможет ответить, потому что ему придётся признать существование души. Стараясь сохранить в разговоре инициативу, генерал продолжил:

— Ты веришь в Бога, а я верю в партию, которая строит светлое будущее для всего советского народа. Рано или поздно религиозный дурман будет развеян в сознании людей. Ты даже не представляешь, против чего вы, верующие, идёте! Партия — это такая сила! И мой тебе совет — бросай свою веру! Ты же умный парень! А я, как командующий дивизией, обещаю помочь тебе поступить в высшее учебное заведение.

Наумов подошёл к Пете и, положив руку ему на плечо, спросил:

— Ну что, Классен, договорились?

Петя посмотрел генералу прямо в глаза и твёрдо произнёс:

— Своему Господу Иисусу я останусь верным!

— У-у-ух! — выдохнул генерал.

Слегка оттолкнув от себя Петю, он заложил руки за спину и нервно зашагал по кабинету. Немного успокоившись, генерал ещё раз попробовал переубедить своего собеседника, затем резко остановился и сказал:

— Молодец, Классен! Так и держись! Кто своему Богу изменяет, тот и для страны ненадёжен. Можешь быть свободен!

В казарму Петя летел как на крыльях. Радость победы в этом испытании соединялась в его сердце с благодарностью Богу, Который сдержал Своё слово и не оставил Своего сына в нелёгких переживаниях.

После беседы с генералом Петю сняли с прежнего места работы.

— Слишком хорошо тебе здесь и спокойно! — едко заметил замполит.

Петя стал работать вместе со всеми солдатами. Завернув Евангелие в полиэтиленовый мешочек, он хранил его в кармане кителя. Читать удавалось очень редко и понемногу.

Как-то раз в роте у одного солдата украли часы. Специально созданная комиссия стала искать вора. Когда солдаты вышли на утреннюю зарядку, в казарме сделали обыск. Проверяли все личные вещи, и, конечно же, кители, которые лежали на табуретах. В казарму никого не впускали до тех пор, пока не закончился обыск.

Петя сильно переживал за Евангелие. Когда проверяющие, закончив обыск, уходили, он уловил пристальный взгляд одного из сержантов и всё понял. К счастью, Евангелие оказалось на месте, только завёрнуто было по-другому.

«Значит, обнаружили! — убедился Петя в своих догадках. — Наверно, сообщат в политотдел. Надо срочно спрятать!»

Не медля ни минуты, Петя побежал на прежнее рабочее место и спрятал там свою драгоценность. Когда он вернулся в роту, его уже ждали:

— Тебя срочно вызывает командир!

Допрос был жёстким.

— У нас в стране такие книжки не печатают! — кричал командир. — Ты связан с заграницей! Сейчас же отдай!

— Не отдам.

— Мы всё равно заберём!

— Забирайте.

И снова обыск. Евангелие искали везде, где только могли, искали тщательно. Но не нашли.

За Петей установили сильную слежку. Ходили буквально по пятам. Наблюдали даже ночью: вдруг он будет читать, когда все спят.

Специально подосланные солдаты подходили к Пете и упрашивали:

— Ну дай почитать!

— Покажи Евангелие, никогда его не видел.

— Я тоже хочу знать, что там написано.

Для многих солдат такие поручения были крайне неприятны. Некоторые из них даже предупреждали Петю, что они просто-напросто выполняют приказ замполита.

Не имея никакой возможности читать Евангелие, Петя отдал его земляку, который служил в той же части, только в другом конце города. Но когда тот однажды сидел и читал, сзади неожиданно подошёл командир батальона и забрал у него Евангелие. Солдат очень сожалел, что так случилось. Ему было очень неудобно перед Петей.

Спустя три месяца новый начальник вернул Петиному земляку книгу и сказал:

— Верни Классену и не бери у него больше!

Так Евангелие снова оказалось у Пети. Некоторое время он прятал его, а потом стал читать открыто, даже давал солдатам.

Узнав, что у Пети есть Священное Писание, повариха как-то раз отозвала его в сторону и сказала:

— Я так давно ищу Евангелие! Дай мне на время. Мой муж тоже хочет почитать. Я верну его в целости и сохранности.

Петя отдал ей Евангелие, радуясь, что, несмотря на все старания атеистов вытравить из людских сердец всё святое, в них по-прежнему живёт тяга к Слову Божьему.

Через некоторое время повариха подошла к Пете и печально сказала:

— Евангелие пропало! Уже не знаю, где его искать и что думать...

А через неделю она радостно сообщила:

— Слава Богу, нашлась святая Книга! Оказывается, Евангелие взяла старушка, у которой мы снимаем квартиру. Она брала его тайком, пока нас не было дома, и читала. А в этот раз просто зачиталась и забыла положить на место...

Петя ликовал. Как хорошо, что люди хотят читать Слово Божье! Ему очень хотелось самому жить так, как учит Евангелие, и другим проповедовать заповеди Божьи, чтобы они покаялись и тоже жили по Писанию.

Наконец служба в армии закончилась. Петя с радостным сердцем покинул часть. Евангелие он оставил поварихе.

Петя ехал домой. Дробный стук колёс, казалось, вторил быстро меняющимся мыслям. Всё проходит. Время летит, приближая нас к порогу вечности. Годы пролетают, как полустанки за окном скорого поезда, и недалёк час, когда состоится радостная встреча с Богом.

Вскоре за окном появились хорошо знакомые берёзовые рощи. Белоствольные деревья, окутанные облачками свежей зелени, создавали в душе радостное ожидание чего-то нового, чистого и святого.

Наконец он переступил порог родного дома.

— Петя приехал! Наш Петя приехал!

Радостным восклицаниям, объятиям и приветствиям, казалось, не будет конца. Младшие братья норовили сесть к Пете поближе, потрогать блестящие пуговицы на кителе. Все хотели слушать, спрашивать и снова слушать нескончаемые Петины рассказы.

В своей комнате Петя увидел на столе книгу в мягкой зелёной обложке. Она лежала на белоснежной кружевной салфетке. С трепетным волнением он взял в

руки свою драгоценность и склонился на колени. Из глубины его сердца вырвались слова искренней благодарности Богу.

В тот момент Петя ещё не знал, что через несколько лет эту Библию заберут у него при обыске. Не знал он и того, сколько раз придётся ему отстаивать свои убеждения перед властями. Но он твёрдо знал, что всю свою жизнь он хочет связать с этой Книгой. Он хочет жить, исполняя её повеления, проповедуя её истины другим.

Петя не знал, что через годы он станет служителем церкви и будет много времени проводить вдали от дома, совершая нелёгкий труд. Но он хорошо знал, ради чего стоит жить. Это открыла ему великая Книга, которую он держал в руках и которую сильно любил. Он был счастлив. По-настоящему счастлив.

Ключи

рощаясь с землёй, солнце дарило ей последние тёплые лучи. Утомлённые суетным днём, птички спешили в свои уютные гнёзда. Только одинокий воробей сидел на ветке старой осины и никуда не спешил. Тишина... Лёгкий ветерок иногда шевелил листочки на деревьях, да кузнечик звонко стрекотал, будто забыл что-то сказать своим товарищам днём. Как прекрасна природа именно в это время суток!

Высоко в небе зажигались звёзды, свидетельствуя людям о безграничной любви Божьей и о Его великом долготерпении к грешному человечеству.

— Смотри, как красиво! — легко толкая друг друга, дети не сводили глаз с горизонта, где недавно закатилось солнце.

Они только что вернулись с вечернего богослужения. В дом заходить никому не хотелось.

— А вон там словно раскалённое золото лежит! — с восхищением прошептал Дима.

— А там всё багрово и...

У детей не хватало слов, чтобы выразить свои чувства, поэтому, любуясь закатом, они восторженно повторяли: «Как красиво!..»

— Какая сегодня была замечательная проповедь! — напомнила Инна, самая старшая из девочек.

— О ключах? — уточнил Дима. — Да, мне тоже понравилась!

— И мне понравился рассказ про ключи!

— И мне,— друг за другом оживлённо заговорили малыши.

Перебивая и дополняя друг друга, дети стали пересказывать услышанную проповедь.

А проповедь была о том, как Бог использует разного рода ключи, чтобы открыть наше сердце и в него мог войти Иисус. Чьё-то сердце открывается золотым ключом, чьё-то — серебряным, а кому-то нужен только железный.

Под золотым ключом подразумевалось здоровье, богатство, благополучие; под серебряным — средний заработок, безбедная жизнь; а железный ключ был тяжёлым. Этим ключом могла быть бедность или же болезни, какие-либо трудности в жизни. Бог никогда не ошибается и с большим умением подбирает ключи к сердцу каждого человека, побуждая его принять Спасителя.

— Я думаю, что мне лучше всего подходит золотой ключ,— сказал восьмилетний Боря.

— Все так хотят,— заметила Инна.

— Если бы всем подходил золотой ключ, то все верующие были бы богатыми,— сказал Дима.

— Разве это плохо? — удивилась молчавшая до сих пор четырнадцатилетняя Лиза.

— Не знаю... — протянул Дима.

— Мы же упрямые, нам больше нравится мирское, и мы не хотим идти к Богу, когда у нас всё хорошо,— Инна продолжала вспоминать проповедь.

— Я думаю, что никому из нас не понадобится железный ключ,— заверил всех Дима.

На крыльцо вышла мама. По обрывкам разговора она поняла, что дети обсуждают услышанную проповедь, и подумала: «Да, дорогие, вам ещё предстоит узнать, что Бог в течение жизни будет использовать не один ключ, чтобы открывать сердце и работать с ним. Бывают дни благополучия, но сколько в жизни ненастья! И как важно никогда не терять доверия Господу и вести себя правильно...»

Свежий ветерок заставил маму поёжиться, и она сказала:

— Дети, пора заходить в дом и готовиться ко сну!

Один за другим дети зашли в дом.

А утром в комнате девочек состоялся неприятный разговор.

— Лиза, тебе надо пересмотреть свой гардероб и одеваться так, как прилично верующим,— сказала Инна. — Эта юбка не годится, она короткая и обтягивает тебя...

— Как вы мне надоели! — рассердилась Лиза. — Почему я должна одеваться, как монашка?! Катя и Нина тоже ходят в таких юбках, а почему мне нельзя? И вообще, я не хочу быть верующей!

Последние слова заставили Инну вздрогнуть.

— Зачем ты горячишься? — испуганно спросила она. — Вспомни вчерашнюю проповедь. Не заставляй Бога применять к тебе железный ключ, будет очень больно.

От шума проснулась Алина — пухленькая беловолосая малышка. Её удивлённые глаза, не мигая, смотрели на возмущённую сестру.

— Чего уставилась?! — буркнула Лиза.

Девочка шмыгнула носом и залезла под одеяло.

Весь день Лиза со всеми ссорилась. Ей казалось, что все настроены против неё, что её никто не любит и не понимает.

Лизу нельзя было назвать плохой девочкой. Напротив, она была доброй и общительной. Но у неё, к сожалению, было много неверующих друзей, которые оказывали на неё плохое влияние.

В школе Лизу любили за жизнерадостность и добросердечие. Несмотря на то, что она была из семьи верующих, над ней никто не смеялся. Лизе нравилось быть в центре внимания, поэтому она всегда участвовала в школьных праздниках и мероприятиях. Перед Лизой заманчиво открывалась дверь к известности и славе. Её неудержимо влекло в эту дверь, за которой было

беззаботное веселье, улыбки друзей, музыка. Лиза знала, что Библия называет всё это одним словом — мир, это греховные сети. Но её влекло туда, и убегать от этих сетей ей не хотелось.

Лизе всё чаще стали приходить на память слова из Священного Писания: «Кто любит мир, в том нет любви Отчей», а также: «Не можете служить двум господам...» Но девочка не спешила меняться.

«Я ещё успею. Это стареньким надо торопиться каяться»,— успокаивала она себя.

Так проходили дни за днями. Однажды произошёл случай, который полностью изменил стремления Лизы и её планы.

— Лиза, ты поедешь с нами? — спросила Алина, прыгая вокруг старшей сестры на одной ножке.

— Конечно! — засмеялась Лиза. — Ты же знаешь, как я люблю поле и лес!

Родители вместе с детьми собрались на луг убрать борщевик. Эта трава на корм скоту не годилась, и перед покосом её всегда старались срубить.

— Лиза, может, ты останешься дома? — спросила мама. — У тебя же аллергия на траву!

— Мамочка, я так давно не была на природе! — умоляюще посмотрела Лиза в глаза матери. — Мне тоже хочется поехать со всеми!

— Ну ладно,— неуверенно согласилась мама. — Будем надеяться, что всё обойдётся хорошо.

На лугу все дружно принялись за работу.

— Смотри, какой огромный куст вырос! — кричал Дима. — Сейчас я его уничтожу!

— Ух ты, какой сильный! — смеялась Лиза.

Энергично размахивая тяпками, родители и дети рубили гигантскую, достигавшую человеческого роста траву. Не прошло и часа, как Лиза заметила, что кожа на руках и на ногах у неё стала краснеть и местами появились

волдыри. Потом у неё разболелась голова, стало тошнить. Она молча пошла к машине и присела в тени.

Вскоре к машине подбежал Боря.

— Что с тобой, Лиза? — испуганно спросил он. — Ты вся такая красная!

— Наверно, аллергия,— прошептала Лиза.

Боря помчался к родителям, и около Лизы тут же собралась вся семья.

— Лизочка... тебе плохо?

— Лиза, не плачь...

Дети, как могли, утешали сестру, боясь до неё дотронуться. А Лиза пылала жаром и тяжело дышала.

Родители быстро собрали тяпки, остатки пищи и, усадив детей в машину, поехали домой.

Мама не спускала с дочери глаз, переживая, как бы ей не стало хуже.

По дороге домой Лизе немного полегчало. Но ночью у неё поднялась высокая температура и сильно разболелась голова.

«Нужно разбудить маму...» — подумала Лиза, но, как только открыла дверь в комнату родителей, в глазах у неё потемнело, и она потеряла сознание.

Лиза пришла в себя от холодного компресса, который мама положила ей на лоб. Рядом стоял папа и молился Богу.

«Скорая помощь» увезла Лизу в больницу, и целую неделю она лежала в реанимации. Церковь не переставала молиться Богу о выздоровлении Лизы. Через неделю её перевели в общую палату.

В больнице Лиза много думала о жизни и смерти. Не раз ей приходила мысль о том, что её жизнь могла оборваться в любой момент.

«Я же грешница, непрощённая... Где я оказалась бы после смерти? Думала, что мне рано каяться...»

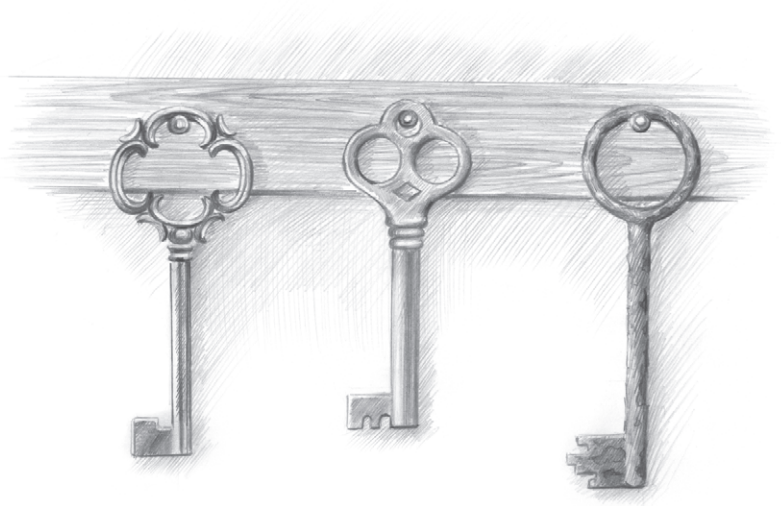
Лиза от страха закрывала глаза и начинала молиться.

— Ты любишь меня, Иисус,— шептала она сквозь слёзы,— а я всегда убегала от Тебя, мне нравилось то, чем гордится мир, мне хотелось развлекаться, модно одеваться, интересно жить... Но теперь я буду служить Тебе, я не хочу погибать вместе с неверующими!

Лиза обратилась к Богу на больничной койке. Она искренне просила прощения за все грехи, какие сделала за свои четырнадцать лет. Ангелы на небе радовались о том, что Лиза присоединилась к числу спасённых.

— Пришлось Иисусу брать железный ключ, чтобы открыть моё чёрствое сердце,— улыбаясь, говорила она родным, когда её выписали из больницы.

С тех пор жизнь Лизы изменилась. Она полюбила Господа, Который дал ей не только здоровье, но и настоящую радость, уверенность в том, что она будет жить с Ним вечно.



Ослик по-новому

После ужина Алла и Настя рассматривали новую книжку с красивыми картинками.

— Алла, ты заметила, что наш Филипп стал какой-то грустный? — спросила Настя, когда их двенадцатилетний брат закрыл дверь в свою спальню.

— Грустный?! Да он просто грубиян! Он не помог мне вчера решить задачу по математике. А сегодня забрал у меня сборник стихов и ещё пригрозил кулаком!

— А мне его жаль,— задумчиво сказала Настя. — Скоро Пасха, а у него совсем нет радости...

Филипп в это время сидел за столом, подперев голову руками. Перед ним лежало раскрытое Евангелие.

«Вот задача! — вздыхал он. — Наверно, надо идти к папе, сам ничего не могу придумать...»

Немного потоптавшись у родительской комнаты, Филипп постучал и, приоткрыв дверь, просунул в щель свою светло-русую голову. Отец сидел за столом и что-то писал.

— Папа, к тебе можно?

— Пожалуйста, заходи,— ответил отец, не поднимая головы.

Филипп быстро прошёл к столу и сел на стул.

— Папа, тебе нравятся ослы? — спросил он.

— Кто? — отец с удивлением посмотрел на сына.

— Ослы... Тебе ослы нравятся?

— Я об этом никогда не думал,— улыбнулся отец. — А почему ты об этом спрашиваешь?

— На подростковом нам читали историю о том, как Иисус Христос въезжал в Иерусалим. Потом всем дали задание по-новому посмотреть на участников этого события. Моим друзьям достались хорошие темы — кому

о Христе что-то новое рассказать, кому о детях, кому об учениках. А мне вот про осла надо. Что нового можно придумать о нём? И ещё надо эти рассуждения к себе применить... Я всю неделю голову ломаю. Помоги мне, папа!

— Да-а,— протянул отец,— задача не простая. Поэтому ты такой сердитый? Аллу сегодня обидел...

— Обидел,— согласился Филипп,— я прощения попрошу.

— Ну, хорошо,— отец отложил свою тетрадь. — Давай ещё раз прочитаем об этом событии. Где о нём написано?

— Евангелие от Луки, девятнадцатая глава, с тридцатого стиха,— отчеканил Филипп.

Отец открыл Евангелие. Он хорошо знал эту историю, но сейчас надо было взглянуть на ослика по-новому. Отец почувствовал, как его самого захватывает интерес.

— Давай сначала помолимся,— предложил он.

Отец и сын попросили Иисуса Христа, чтобы Он благословил их в рассуждениях и по-новому открыл им тему об ослике.

После молитвы отец вдумчиво прочитал историю.

— Первое, что сказано об ослике,— это то, что он нужен Господу.

Филипп задумался: «Он нужен Господу — это интересно!»

— А теперь бери карандаш и записывай всё, что мы вспомним о нём.

Филипп раскрыл свою тетрадь и приготовился писать.

— Во-первых, это животное не такое красивое и привлекательное на вид, как лошадь. Ноги у осла короткие, живот большой, голова и уши тоже несоразмерно большие. Окрас его однообразный и неприметный: пепельно-серый. Ослы не могут ржать так, как кони, они просто хрипло кричат: «Иа-иа!»

Филипп засмеялся:

— Иа-иа! А что ещё, папа?

— Ещё? По еврейскому закону осёл считался нечистым животным, и его мясо запрещалось есть.

Филипп постучал карандашом по пальцу:

— Неужели в нём нет ничего хорошего?

— Есть, конечно! Ослы хоть и упрямы, но очень выносливы. Их и сегодня ещё используют для перевозки грузов. В древности ценилась ослиная кожа — из неё делали пергамент.

Вот такой ослик, да ещё и необъезженный, понадобился Христу, когда Он входил в Иерусалим. Я думаю, это было чудо, что Иисус сел на необъезженного осла и тот вёз Его не сопротивляясь.

— Папа, а что из этого можно взять для нас? — спросил Филипп.

— Думаю, что ослик многому может нас научить. Мы бываем очень похожи на это упрямое животное, однако Господь расположен к нам, мы нужны Ему.

— Чем же мы похожи на него? — удивился Филипп.

— Во-первых, у нас нет особенной красоты. Я имею в виду не внешний вид, а наше невозрождённое сердце. Грех делает нас некрасивыми. Во-вторых, мы крикливы, можем обзывать наших близких. Знаешь как?

— Знаю,— пряча улыбку, наклонил голову Филипп.

— И ещё мы бываем упрямы и непримиримы. Мы очень сопротивляемся, когда нам кажется, что на нас хотят «ездить». И только Господь может смирять нас. При покаянии Он даёт человеку новое сердце и потом учит, воспитывает, смиряет, проявляя к каждому из нас Свою Божественную любовь.

Филипп глубоко вздохнул.

— Все люди нечисты и непригодны для Бога,— продолжил отец,— потому Иисус Христос должен был

умереть за наши грехи, чтобы сделать нас святыми. Только благодаря Христу мы стали нужными Господу, так что теперь Он может пользоваться нами, несмотря на все наши несовершенства.

Некоторое время отец и сын сидели молча. Каждый думал о своём.

— Спасибо, папа,— нарушил молчание Филипп. — Мне досталось интересное задание, но без тебя я с ним не справился бы.

— А ты старайся. Изучение Библии делает нас духовно богатыми. Наклоняй своё сердце к Библии. В ней между строк можно прочитать очень много интересного.

Отец закрыл Евангелие и погладил обложку.

— Давай, сынок, поблагодарим Иисуса за то, что Он помог нам взглянуть на ослика по-новому.

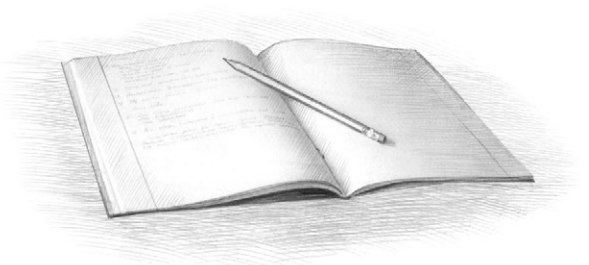
Довольный беседой, Филипп пошёл спать. В небе ярко светила луна. Заглядывая в окна, она разливала по дому голубоватый свет, и всё вокруг наполнялось необыкновенным покоем. Проходя мимо комнаты девочек, Филипп остановился.

«Наверно, уже спят»,— подумал он, но всё же приоткрыл дверь.

Из спальни повеяло сонной тишиной. Филипп улыбнулся и прошептал в темноту:

— Прости меня, Алла!

— Прощаю! — послышался в ответ такой же тихий шёпот.



Осторожно!

прятно одетые дети притихли у порога. Сейчас папа помолится, и они отправятся в молитвенный дом на богослужение.

— Ведите себя хорошо, не разговаривайте. Особенно ты, Аня,— напоминает мама. — Садитесь так, чтобы я вас видела...

— Хорошо! — быстро соглашается Аня и спешит раньше других выскочить за дверь.

«Как взрослым не надоедает повторять одно и то же?!» — думает она, сдвинув брови на переносице.

И родители, и руководители детских групп требовали от детей внимательности. На каждом детском собрании, которое проходило по воскресеньям между утренним и вечерним богослужением, их спрашивали, кто проповедовал утром и о чём. Далеко не все дети могли вспомнить содержание проповедей, потому что были невнимательны, часто отвлекались, разговаривали друг с другом или же просто витали в облаках.

В молитвенном доме Аня всегда старалась садиться рядом со своей подружкой Юлей. С ней было не так скучно сидеть два часа, потому что Юля знала множество интересных историй.

Увидев, что Юля сидит одна, Аня тут же оказалась рядом.

— Привет! — весело поздоровалась она. — Вы сегодня раньше нас пришли! Ты такая нарядная! Тебе очень идёт белый цвет!

Богослужение было торжественным. В этот день церковь вспоминала страдания Господа Иисуса, совершалась вечеря Господня. Для церкви это всегда праздник. Но непослушные даже в праздничный день плохо ведут себя. Они шепчутся во время проповеди, смеются.

Сообщив друг другу последние новости, девочки принялись рисовать.

С кафедры в это время звучало серьёзное слово.

— Горе беспечным на Сионе,— прочитал проповедник текст из Библии.

Он напомнил слушателям, что Сион был крепостью царя Давида. В этом надёжном месте можно было укрыться от врагов. Если крепость в исправном состоянии — ворота на крепких запорах, сторожа в дозоре,— если в крепости достаточно воды и продуктов, тогда всё в порядке. А если жители города будут беспечными и не позаботятся обо всём этом заранее, то при нападении врагов их постигнет беда. Беспечность опасна даже на Сионе.

Проповедник говорил о том, что церковь тоже можно назвать крепостью, где можно чувствовать себя в безопасности, это «Сион», место, где пребывает Бог. В церкви внимательные люди научатся правильно жить и угождать Богу. А невнимательные, беспечные и в церкви ничему не научатся и будут совершать много ошибок в жизни.

Аня с Юлей не слушали проповедника. Они постоянно отвлекались, без конца оглядывались на входную дверь. Взрослые не раз просили их не разговаривать, но это не помогало. Девочки устали от замечаний и с нетерпением ждали окончания собрания.

Наконец все встали, и служитель совершил заключительную молитву. Девочки тут же выскочили за дверь. А когда братья и сёстры стали выходить на улицу, Аня и Юля устремились назад, в зал. Не увидев там руководителя детской группы, они снова выскочили во двор. Узнав, что детского собрания не будет, девочки опять вернулись в зал.

Несколько братьев спустились по лестнице в братскую комнату, и зал совсем опустел. Стало тихо. Все верующие общались во дворе молитвенного дома.

— Аня, ты хочешь попробовать вино? — спросила вдруг Юля, лукаво сверкнув глазами.

Аня посмотрела на стол. Там под салфеткой стояла пустая чаша и тарелка для хлеба.

— Разве можно? — робко спросила она.

— Мы попробуем, совсем чуть-чуть! Смотри, вон на полке стоит графин, в нём осталось немного вина!

— Я боюсь... Вдруг нас накажут!

— Ничего не будет! Нас никто не увидит, не бойся!

— Ну, тогда давай! — согласилась Аня и пошла вслед за Юлей к столу.

Юля оглянулась на дверь, потом подняла графин и отпила из него. Аня быстро взяла протянутый ей гра-

фин, глотнула немного вина и поставила графин на место. Как ни в чём не бывало, девочки вышли во двор.

Домой они шли вместе и всю дорогу молчали. Сладковато-терпкий вкус вина напоминал о сделанном, и неприятное чувство лишало девочек радости, беспокоило совесть.

«Что мы натворили? — с тревогой думала Аня. — Ведь это вино могут пить только члены церкви!..»

— Мы с тобой согрешили,— сказала Аня, нарушив тягостное молчание. — Нам за это попадёт...

— А ты не рассказывай никому! — беззаботно произнесла Юля. — Мы же не будем больше так делать. Просто попробовали один разочек...

И Аня молчала. Но на сердце у неё всё равно было тяжело и тревожно.

Прошли годы. У Ани появились новые подруги. Не раз они вместе вспоминали своё детство, прошлые шалости. Многое казалось им теперь смешным и глупым.

Однажды Аня как бы между прочим сказала своей подруге:

— Представь, какие мы были неуправляемые — один раз решили с Юлей попробовать вино после вечери!

— И что? Попробовали? — удивилась Оля.

— Да.

Аня подробно рассказала историю с вином.

— Ну вы даёте... И вам за это ничего не было?

— Нет. Мы же никому не говорили. Я тебе первой рассказываю.

— Так это правда? — всё ещё не верила Оля.

— Правда,— кивнула Аня. — Я долго мучилась после того случая, мне было страшно, я просто ненавидела себя за это. До сих пор неприятно вспоминать...

— Конечно неприятно. Мне кажется, я на такое не решилась бы... — задумчиво сказала Оля.

Спустя несколько дней после этого разговора Аня, вернувшись из школы домой, увидела в гостиной тётю Лиду — Юлину маму. Она разговаривала с родителями, и вид у них был озабоченный. Аня поздоровалась и уже хотела пройти в свою комнату, как её позвал папа.

— Скажи, Аня, вы с Юлей когда-нибудь пробовали в церкви вино из графина? — спросила тётя Лида.

Этот вопрос застал Аню врасплох.

— Ты помнишь такой случай? — опять спросила тётя Лида.

«Наверно, Оля рассказала своим родителям, а они сказали тёте Лиде»,— поняла Аня.

Скрывать не было смысла, и Аня рассказала о том, что они сделали в тот незабываемый день.

— А я надеялась, что это неправда... — тяжело вздохнула тётя Лида, когда Аня замолчала.

Тётя Лида встала, чтобы уйти, и мама пошла её провожать. Аня осталась с отцом.

«Теперь папа накажет меня,— подумала она, опустив голову. — Я заслужила...»

Но папа не собирался наказывать. Он пристально посмотрел на повзрослевшую дочь и спокойным голосом начал говорить:

— Вечеря Господня — это святыня для христиан. Это заповедь Самого Господа, и мы должны относиться к ней с трепетом и благоговением.

В доме Божьем всё свято. Там нет места шуткам. Мы идём туда, чтобы помолиться живому Богу, поклониться Ему и прославить Его. Он присутствует там, хотя и невидим для наших глаз. Бог — святой, и человек должен благоговеть перед Ним. А вы, дети верующих родителей, ведёте себя очень вольно в доме Божьем. Это неправильно и очень опасно. Мы с мамой переживаем за тебя. Этот поступок очень огорчил нас. Конечно, это произошло давно...

— Папа, я всё время не находила себе покоя! — заплакала Аня. — Я и сама поняла, что так нельзя делать...

Аня искренно сожалела, что была такой легкомысленной и беспечной. Вместе с отцом они склонились на колени. Аня со слезами попросила у Бога прощения, и только после этого воспрянула духом. Она поняла, что проповеди нужно слушать внимательно, потому что непослушные и беспечные даже в доме Божьем могут грешить и огорчать Господа.

Чудо

Утреннее солнце весёлыми бликами освещало кухню, отражаясь в струйке воды, бегущей из крана. Галина мыла посуду и тихо напевала любимый христианский гимн.

Послышался лёгкий детский топот, и в кухню вошёл малыш. Ему было чуть больше двух лет. Он весело улыбался, а когда увидел за окном голубя, залился звонким смехом.

— Ромочка! Ты проснулся? — повернулась к нему Галина. — Доброе утро!

Она поцеловала малыша, посадила его на табуретку и дала разноцветные кубики.

— Поиграй немножко, пока я помою посуду,— сказала она и вернулась к раковине.

Рома высыпал кубики на стол. Галина занялась своей работой. Она продолжала петь и не обращала внимания на мальчика.

Вдруг за её спиной раздался пронзительный крик. Рома стоял на стуле перед шкафом и держал в руках открытую бутылочку с уксусной эссенцией. Галина в одно мгновение подскочила к ребёнку, и тут же в кухню вбежал её муж Анатолий. Почувствовав запах уксуса, он сразу понял, что произошло. Отец схватил сына и метнулся к крану. Холодной водой он стал промывать рот плачущему малышу.

Через несколько минут «скорая помощь» увезла Рому в больницу.

* * *

В палате монотонно гудел аппарат искусственного дыхания. За окном сгущались сумерки, а Галина сидела возле Ромы, всё ещё не зная, что с ним.

Наконец дверь распахнулась и в палату вошёл пожилой врач.

— Кислота обожгла пищевод и попала в желудок,— печально сказал он. — Мне очень жаль, но я должен сказать вам правду: надежды на спасение почти нет.

Галина умоляюще посмотрела в усталые глаза доктора. Она не могла согласиться с мыслью, что её первенец умрёт. Закрыв лицо руками, она зарыдала.

— К сожалению, бывают такие случаи, когда медицина бессильна,— чуть слышно сказал врач. — А теперь... Извините, но вам нужно покинуть палату. В реанимации, сами знаете, нельзя...

* * *

Наступили тяжёлые дни. Отец и мать каждое утро и каждый вечер приходили в больницу и подолгу стояли в коридоре у окна. Они ждали лечащего врача, чтобы узнать, как чувствует себя Рома.

На третий день врач сообщил отцу добрую весть:

— Сегодня вашему мальчику стало лучше, мы перевели его из реанимации в общую палату. Ребёнок маленький, и вам надо находиться рядом с ним.

Анатолий поднялся на третий этаж и зашёл в указанную ему палату.

— Папа! — радостно прошептал Рома и протянул к отцу руки.

Анатолий склонился над сыном и поцеловал его.

— Тут больно,— показал малыш пальчиком на живот.

Отец погладил сына по голове и взял его на руки.

— Ромочка, тебе может помочь только Господь! Давай помолимся Ему.

Анатолий опустился на колени и стал горячо молиться Небесному Отцу. Он просил исцелить Ромочку, чтобы у него ничего не болело.

Когда отец сказал «аминь», Рома тоже пролепетал что-то невнятное. Он ещё не умел хорошо разговаривать, но Господь понял его простую детскую молитву.

— Ну что, сыночек, теперь меньше болит?

Рома кивнул. Отец положил его на кровать, и вскоре мальчик сладко уснул.

Когда у Ромы появлялись боли, он сам сползал с кровати и молился Богу на ему одному понятном языке.

В воскресенье в палату, где лежал Рома, пришли служители церкви. Отец пригласил их, чтобы они возложили на Рому руки и помолились о его здоровье.

— Бог силен исцелить этого ребёнка,— уверенно сказал один из служителей. — Поэтому мы будем молиться и просить у Него милости. А Он пусть сделает то, что Ему угодно.

* * *

— Быть такого не может! — в который раз повторял изумлённый врач, осматривая Рому. — Полость рта совершенно чистая! От ожога не осталось и следа! И это на пятый день! Чем вы лечили мальчика?

— Мальчика лечили вы,— радостно сказал Анатолий. — А мы молились Богу. Это превосходный Врач. Он лечит все болезни. Для Него нет ничего невозможного! Он сделал чудо. — Отец немного помолчал, а потом добавил: — Выпишите Рому, он же здоров!

— Полость рта — это одно дело,— возразил врач. — Но пищевод... Давайте хоть желудок проверим!

— Нет необходимости проверять то, что исцелил Господь,— со всей уверенностью сказал Анатолий. — Если Бог берётся за какое-то дело, Он доводит его до конца.

* * *

— Вы только посмотрите на Ромочку! — шептались старушки во время богослужения, с умилением слушая пение мальчика. — И не скажешь, что пару лет назад родители в глубокой скорби взывали о нём к Богу. Господь не только вернул его к жизни, но и хороший голос подарил! После таких ожогов люди не то что петь — говорить нормально не могут.

Неподалёку сидели родители Ромы. Они тоже смотрели на своего сына и вспоминали, какое чудо совершил Господь в их семье. Их постигла большая беда, и они от всего сердца просили у Бога милости. И Бог услышал их.

Стрелок

еня Стрельников проснулся раньше обычного. За окном было ещё темно. Он тихонько оделся и вышел в коридор. В доме ещё все спали, а он — любитель порыбачить — решил отправиться на озеро. На кухне Женя взял два больших куска яблочного пирога, а в сенях его ждали ещё с вечера приготовленные удочки и банка с наживкой. Осторожно, почти бесшумно, он сбросил крючок с петли и открыл дверь.

Предрассветные сумерки встретили Женю прохладой и свежестью. Мальчик поёжился и поднял воротник старого пиджачка. Не сходя с крыльца, он помолился:

— Господи, благослови меня на рыбалке. Пошли хороший улов.

Дворовый пёс, заслышав Женин голос, высунул из конуры нос. Ему не хотелось покидать нагретое за ночь место. Он лениво зевнул, проводил мальчика сонным взглядом и опять погрузился в сон.

Женя закрыл за собой калитку и лёгким шагом направился к озеру, которое находилось на краю посёлка.

Этот маленький посёлок с необычным названием Сторж располагался в живописном месте. С одной стороны его окружали луга с пахучей травой и цветами, с другой — смешанный лес, изобилующий ягодами, грибами и орехами.

Посёлок в народе называли Святым. В нём было всего тридцать шесть дворов, и почти в каждом третьем жили верующие. Дом Стрельниковых заметно отличался по своим размерам от всех остальных домов. Женин отец строил его с тем расчётом, что в нём будут собираться верующие на богослужения. Так оно и было теперь. По воскресным дням собрания были многолюдными —

приходили верующие из рабочего посёлка, который находился всего в двух километрах от Сторжа.

По извилистой тропинке Женя спустился в лощину. Несмотря на то, что уже заканчивался август, трава в лощине была высокая и густая. Обильно осевшая на ней роса попадала Жене в сапоги. Но мальчик не замечал этого. Он торопился. Скоро будет восход солнца — захватывающее зрелище!

Вот и берег озера. Женя пробрался на своё излюбленное место — на мостки из полусгнивших досок. Он быстро наживил крючки и закинул удочки в неподвижную чёрную воду. Затем он расставил удочки по краям мостков и замер в ожидании.

Небо начало менять свою окраску. Темнота понемногу рассеивалась, уступая место розовеющей заре, которая, разгораясь, разливала по горизонту свой мягкий свет. Через несколько мгновений появился краешек огромного огненного диска, медленно выплывающего из-за деревьев на противоположном берегу озера. Вот оно — большое светило!

«Господи, как Ты велик! — прошептал Женя. — Как прекрасно всё то, что Твоё!»

Клёв был чудесным, и от этого настроение юного рыбака поднялось ещё больше.

Домой Женя возвращался почти бегом. Ему очень хотелось, чтобы мама пожарила рыбу к завтраку.

К этому времени посёлок ещё не разгорячился дневной суетой, только где-то громко крякали утки, перекликались петухи да соседки переговаривались через забор.

Неожиданно на улице появился дед Прокоп — закоренелый атеист. Он вышел со двора и сел на лавочку, ещё влажную от росы. Женя торопливо поздоровался со стариком, не желая задерживаться возле него, но не тут-то было!

— Ну что, Стрелок, много рыбы наловил-то?

— Много!

— Мно-о-го! — передразнил старик. — Небось, коту не хватит.

— Хватит, могу и вашего угостить!

Женя опустил руку в брезентовый мешочек и достал рыбёшку. Кот, сидевший на краю лавки, потянул носом. Учуяв запах рыбы, он проворно спрыгнул на землю, подбежал к мальчику и, став на задние лапы, вопросительно мяукнул. Схватив аппетитное угощение, кот заурчал и убежал в кусты.

Дед Прокоп проводил кота взглядом, усмехнулся и достал из кармана папиросу.

— Вот скажи мне, Стрелок, ты в какой класс пойдёшь учиться?

— В шестой, как и ваш Федя.

— В шестой? — переспросил старик. — Стало быть, ты уже знаешь, как появился человек.

Женя молчал, не понимая, к чему дед клонит. Не получив ответа, старик утвердительно заявил:

— От обезьяны произошёл человек! От обезьяны!

— Нет, дедушка, вы заблуждаетесь! — Женя положил на землю свои снасти. — Человека создал Бог!

— Бог?! Никакого Бога нет! А всё, чему вас учат на ваших собраниях,— это мракобесие! — Старик пригрозил пальцем. — Хотя, если можешь доказать мне, что Бог создал человека, докажи, может, я и поверю!

Женя озадаченно потёр ухо.

— Ничего у нас с вами не получится, вы меня не поймёте!

— Это почему же — не пойму? — слегка забеспокоился старик.

— Потому что меня создал Господь, а вы произошли от обезьяны.

Дед Прокоп вскочил.

— Ах ты, малец! Значит, седину учить надумал?

Макаровна, ты глянь-ка, что делается!

Со двора вышла Раиса Макаровна.

— Ты чего тут разоряешься? — спросила она мужа, глядя вслед уходящему мальчику.

Дед Прокоп закурил наконец свою папиросу и, улыбаясь, подмигнул жене:

— Ну и Стрелок... Грамотей! Как он деда вразумил! Хороший парень, толк с него будет, не то, что наш Федька.

— А что Федька? — подсела к нему жена.

— А то, что курит уже внучек твой.

— Как курит? — всплеснула руками Раиса Макаровна.

— Да так, папиросы у меня крадёт. Я их считать начал. Каждый день не хватает то одной, то сразу двух. Вот поймаю на этом деле — выпорю хорошенько!

Старики ещё долго переговаривались. А Женя пришёл домой и первым делом заглянул на кухню.

— Мам, я рыбы наловил, можно к завтраку пожарить...

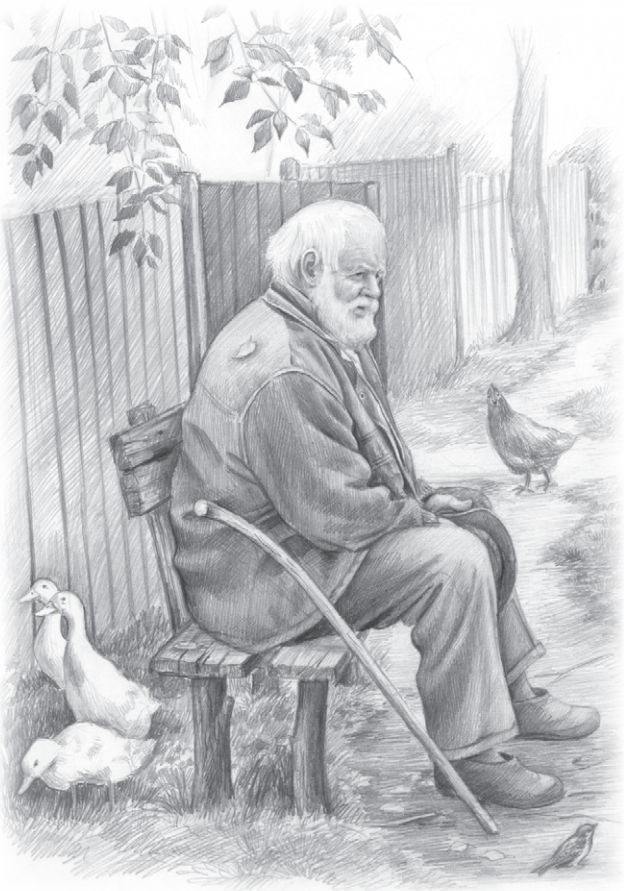
— Хорошо, сынок. Поставь мешок в таз и займи чем-нибудь малышей, чтобы не шумели. К отцу братья пришли. Власти снова запрещают водить детей на собрания... Наверно, усилятся гонения.

Женя сразу сник, его весёлости как не бывало. Неужели опять будут гонения?! Женя знал, что это такое. Он слышал, что в больших городах верующим запрещают собираться и вместе читать Библию и молиться. Некоторых братьев даже в тюрьму посадили за то, что не подчиняются запрету. В их Сторжскую церковь всё чаще стали наведываться представители власти, учителя и даже директор школы.

Женя вздохнул. Он вспомнил, как весной директор пришёл к ним на собрание, а на следующий день перед всем классом комментировал проповеди и пение, которые слышал. Конечно, все смеялись. Хотя друзья Жени

и сочувствовали ему, они всё же не могли удержаться от смеха: с таким жгучим юмором директор преподносил свои рассказы. Женя едва сдерживал обиду, стараясь объяснить ребятам, что у них в церкви всё не так, как рассказывал директор. Но Жене почему-то не верили. Дома Женя плакал и просил у Господа силы, чтобы устоять в этих трудностях.

Пролетели каникулы, и молчаливое здание школы вновь загудело, как улей. Загоревшие и отдохнувшие за лето ученики заметно повзрослели. Женя, как и все его сверстники, погрузился в школьную жизнь, полную новых впечатлений и переживаний.



Как-то раз, возвращаясь после занятий домой, он увидел дедушку Прокопа, который сидел на лавочке возле своего дома.

— Ну что, Стрелок, двоек много нахватал? — встретил его старик.

— Ни одной нет!

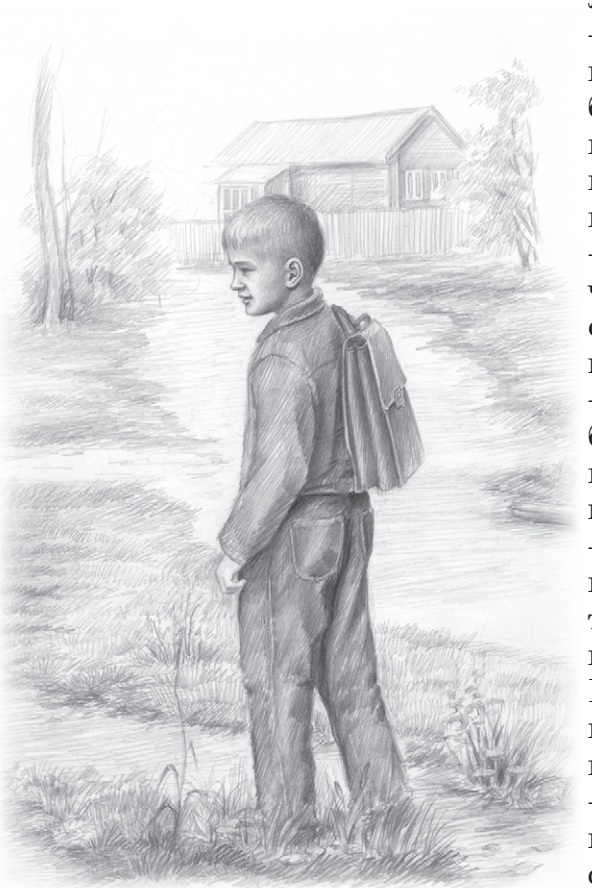
— Неужели? — удивился дед Прокоп.

— Да, мне Бог помогает, я же молюсь Ему, прошу благословения.

— Интересно, а мне твой Бог может помочь? — вдруг оживился старик. — Вот я курю и никак не могу бросить.

— Если очень захотите, и вам Бог поможет.

— А-а! — махнул дед рукой. — Захотите! Из куриного навару даже неумеха борщ сварит.



Женя призадумался.

— Хотите, я попрошу Господа, чтобы Он помог вам избавиться от этой привычки? Даже пост назначу.

— Пост? Это значит, постное будешь есть? — лукаво подмигнул дед.

— Нет, совсем не буду ни есть, ни пить, буду только молиться.

— Ох, герой! Ну-ну, попробуй, посмотрим, что из этого получится.

В пятницу Женя отказался от завтрака и от обеда.

— В чём дело, сынок? — озадаченно спросила мама.

— Я за дедушку Прокопа в посте буду, чтобы он курить бросил.

Целый день Женя молился. Он просил Бога о том, чтобы дедушка не только бросил курить, но и стал христианином.

Вечером Женя решил побыть в посте и весь следующий день. Утром, когда он снова отказался завтракать, мама пригладила его светлые волосы и спросила:

— Хочешь, я тоже буду вместе с тобой молиться за дедушку Прокопа?

— Конечно! — улыбнулся он.

Через неделю по дороге в школу Женя вновь увидел старика на его любимой лавочке. Он сидел с опущенной головой, неподвижно уставившись в землю. Лицо его было бледным, а взгляд — отрешённым.

— Здравствуйте, дедушка Прокоп! — остановился возле него Женя.

— А-а, Стрелок! Какое там здравие... Видать, смерть моя на подходе...

— Что случилось? — испугался Женя.

Старик тяжело вздохнул и посмотрел на небо.

— Заболел я: только закурю — мне сразу худо становится, всего наизнанку выворачивает.

— А вы, дедушка, не курите, и болезнь уйдёт.

— Да я уже и не курю. Помирать-то не хочется. Ну, иди, иди в школу, малец, а то опоздаешь!

Женя не пошёл, а полетел как на крыльях.

«Услышал Господь! — радовался он. — Благодарю Тебя, Боже! Пошли теперь дедушке желание прийти на собрание».

Дед Прокоп смотрел мальчику вслед и, улыбаясь, бормотал в бороду:

— Ишь, герой, намолился на мою голову!

Шло время, и тёплые осенние дни сменились непогодой. По утрам всё чаще случались заморозки.

Однажды в субботу, ближе к вечеру, к дому Стрельниковых подъехал легковой автомобиль. Из него вышел представительный мужчина и вместе с шофёром направился в дом. Женин отец к тому времени уже пришёл с работы.

Мужчина оказался работником горисполкома. Он долго беседовал с отцом в гостиной, а водитель — дядя Гена — записывал их разговор на магнитофон. Дети ещё не видели такого аппарата. Время от времени они с любопытством заглядывали в комнату. Дядя Гена приветливо улыбался им и приглашал подойти ближе. Осмелев, Женя и трое младших братьев подошли к столу.

— Интересная штука... — шептались они, глядя на вращающиеся круги с магнитной лентой.

Дядя Гена остановил запись.

— Хотите себя здесь услышать? — спросил он мальчиков.

Дети неуверенно кивнули.

— Тогда спойте что-нибудь.

Водитель повернул к ним микрофон.

— Что споём? — переглянулись мальчики и решили спеть песню «Пустыней греховной земной».

В просторной гостиной зазвучало звонкое пение. Женя унаследовал от отца хороший голос и слух. Он уже пел в детском хоре. Мальчики усердно старались не отставать от старшего брата. Когда они пропели песню до конца, дядя Гена щёлкнул выключателем и перекрутил ленту назад.

— Ну, теперь слушайте,— улыбнулся он.

Мальчики услышали песню, которую только что пропели. Это было необычно. Каждый прислушивался, стараясь узнать свой голос. Не успели они прийти в себя от восторга, как дядя Гена попросил спеть ещё. Дети вопросительно посмотрели на отца.

— Спойте, спойте,— кивнул он. — Петь во славу Господа всегда хорошо.

Мальчики спели ещё одну песню. Теперь их голоса звучали более уверенно и слаженно. После второй записи мужчины попрощались и ушли, оставив детям массу бурных впечатлений.

Это событие стало для Жени незабываемым. Через две недели, придя в школу, он заметил подозрительное оживление среди учеников. В коридоре его обогнал Федя и, открыв дверь в класс, замахал руками, призывая всех к тишине.

— Идёт, идёт! — сообщил он вполголоса и повернулся к Жене: — Проходи, товарищ Женя, проходи, сейчас будем слушать школьное радио!

Ученики захихикали и стали перемигиваться. Прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Все моментально расселись по местам и притихли.

Обычно по субботам на первом уроке по школьному радио передавали новости школьной жизни. Так было и в этот раз.

— Стрельников! — громко сказала Зоя Павловна. — Будь особенно внимателен к тому, что услышишь, тебе уже пора взяться за ум!

В следующую минуту заработало радио. После короткого вступления пионервожатой послышался приятный голос незнакомого диктора. Он говорил об успехах в воспитании детей и молодёжи в советской стране, о самоотверженной работе учителей и воспитателей, вспоминал о пионерских лагерях и походах.

— Но есть семьи,— продолжал он,— в которых родители заставляют детей читать Библию и молиться Богу. Вместо того чтобы общаться со сверстниками и заниматься общественно-полезным трудом, несчастные дети должны ходить на сектантские собрания. Там их принуждают петь религиозные песни, читать заумные

стихи. У этих детей нет будущего, тогда как многие из них могли бы стать врачами, учителями и даже космонавтами. Послушайте, чему учат дома ученика шестого класса Женю Стрельникова. Его отец — дьякон секты баптистов.

После слов диктора послышалось детское пение. Кто-то прокручивал запись, которую сделал дядя Гена в доме Стрельниковых. В классе поднялся невообразимый шум и смех.

«Так вот почему дядя Гена в тот вечер был такой добрый...» — понял Женя, до боли сжав кулаки, чтобы не заплакать.

Сквозь гул голосов послышался резкий стук. Это Зоя Павловна стучала указкой по столу.

— Тише, дети, тише! — говорила она. — Успокойтесь! А ты, Стрельников, хорошо подумай о своём положении. Ты опозорил нашу школу и посёлок не только на всю область, но и на всю страну!

Женя узнал, что информация с пением звучала по радио ещё раньше, в передаче «Пионерская зорька». Он еле дождался конца уроков и сразу же ушёл домой.

По дороге Жене встретился дед Прокоп.

— Что это ты, Стрелок, дедушке совсем не рад! — попытался пошутить старик, но, заметив неладное в настроении мальчика, переменил тон: — Никак беда приключилась?

— Приключилась,— нехотя ответил Женя. — Спросите Федю, он вам всё расскажет.

— Понятно,— задумчиво произнёс дед Прокоп.

Дома Женя увидел на кухне отца. Это было большой редкостью, так как он всегда приходил домой поздно вечером.

— Как дела, сынок? — спросил он. — Ты почему нос повесил?

Женя поднял голову и посмотрел отцу в глаза.

— Разве ты ничего не знаешь?

Отец обнял сына за плечи.

— Знаю, знаю. На работе ж был. А спрашиваю потому, что хочу успокоить тебя и ободрить.

— Зоя Павловна сказала, что я опозорил нашу школу на всю страну!

— Опозорил? Нет, сынок, прославить Бога на всю страну — это не позор! Это великая честь! — подбодрил его отец. — Твои одноклассники не знают, над Кем смеются, а ты не унывай, ведь ты служишь великому Богу!

Женя с облегчением вздохнул. Опустившись на колени вместе с отцом, он горячо молился о том, чтобы ему никогда не стесняться того, что он верующий, и никому не мстить в школе за насмешки.

В это время вернулся из школы Федя. Войдя в дом, он застал деда Прокопа у окна.

— Что ты там увидел, деда? — спросил он.

— Да вот, тебя поджидаю. Говорят, Стрелок что-то натворил в школе? Расскажи-кась!

— А-а! — рассмеялся Федя. — Начудил Женька со своими братьями. Вздумал на весь Союз песни о Боге распевать: «...я иду и приду к незакатному солнцу любви...» Умора! Представляешь, деда, мы их по школьному радио слушали. Позор на всю страну!

Федя засунул руки в карманы и хотел ещё что-то сказать, но, заметив, как изменилось лицо деда, воздержался.

— Деда, тебе плохо, что ли?

— Плохо, внучек. Мне уже давно плохо. За тебя вот переживаю. Растёшь ты у меня абы как: учишься плохо — раз,— старик загнул палец,— бабушку обманываешь — два, папиросы у меня крадёшь — три...

У Феди похолодело в груди. Он попятился назад, но дед, словно туча, медленно надвигался на него.

— Отец твой и мать целину поднимают, а ты... над

Женькой смеёшься? Да он за своего Бога и в огонь и в воду! Ну, погоди, я все фокусы из тебя выбью. Макаровна! — крикнул старик, взявшись за ремень. — Запри хату, чтоб соседи не слышали!

Раиса Макаровна затворила снаружи дверь и, закрыв ладонями уши, поспешила в сарай.

— Ах, Федя, жалко мне тебя! Но что поделаешь, перешёл ты все границы дедова терпения,— приговаривала она, без надобности переставляя пустые корзины.

В один из воскресных дней дед Прокоп долго не выходил из своей комнаты. Наконец дверь отворилась. Дед Прокоп стоял на пороге с улыбкой на лице.

— Батюшки! Куда это ты нарядился, старый? — всплеснула руками Раиса Макаровна.

Неловко потоптавшись у самой двери, дед одёрнул свой выходной костюм и сказал:

— Схожу-ка я к баптистам.

— В собранье, что ли? — ещё больше удивилась жена.

— Ага, в собранье.

Старик надел поношенную куртку, снял с крючка картуз и, не оборачиваясь, вышел из хаты. Хозяйка растерянно засуетилась вокруг стола. Федя выглянул в окно.

— Точно к Стрельниковым пошёл. Пусть сходит, может, добрее станет, а то чуть что — сразу за ремень...

Раиса Макаровна подошла к окну и задумчиво посмотрела вслед уходящему мужу.

«Как же так, Прокопушка,— спохватилась она,— сам пошёл Богу молиться, а я? Что ж ты меня с собой не позвал?»

Старушка поспешила к шифоньеру. Недолго думая, она сняла с вешалки самое нарядное платье и Федину белую рубашку. Подойдя к внуку, Раиса Макаровна обняла его за плечи:

— Собирайся, внучек, пойдём и мы с тобой...

Необычный сон

линная зимняя ночь наконец уложила спать всех обитателей большого пятиэтажного дома. Погас свет и в квартире Устиновых на первом этаже.

Света безмятежно спала в своей уютной кроватке. В её комнате царил полный порядок. Все вещи и игрушки аккуратно лежали на своих местах. Казалось, что всё вокруг наслаждается ночным безмолвием, и только настенные часы размеренно отбивали: тик-так, тик-так...

Вдруг на лице, обрамлённом светлыми завитушками, отобразилась тревога. Света заметалась в постели и, вскрикнув, открыла глаза. Она спрыгнула с кровати и присела на корточки. Рядом стояла колыбелька, в которой под белым атласным одеяльцем лежала кукла с длинными золотистыми волосами.

Голубоватый свет луны достаточно ярко освещал комнату, и Света, увидев своё сокровище, облегчённо вздохнула. Она поправила одеяльце, покачала колыбельку и вернулась в кровать.

Часы на стене мелодично пробили дважды. Ещё немного, и наступит долгожданный день. Света родилась восемь лет назад, в канун Рождества. Эту красивую куклу ей прислала ко дню рождения родная тётя с Дальнего Востока. Теперь Свете приснился сон, что соседская девочка Альбина вошла в комнату и быстро направилась к спящей в колыбельке красавице.

«Хорошо, что я проснулась и Альбина не успела взять мою куклу»,— подумала Света, сдвинув брови.

Она представила себе наступающий день, праздничный стол, вкусный торт и, конечно же, подарки! Ах, скорее бы прошла ночь!

Света росла в христианской семье. Богобоязненные

родители учили её любить Бога и церковь, быть дружелюбной к друзьям и соседям. В семье у них было только двое деток — Света и годовалый Виталик.

Едва за окном рассвело, Света встала. С радостно бьющимся сердцем она поблагодарила Иисуса за то, что Он посылает ей столько всего хорошего, поблагодарила за родителей, за братика, за добрых родственников и за прелестную куклу, которую она получила в подарок.

Целый день Света усердно помогала маме готовить угощения, мыла посуду, подметала пол. Наконец настало время накрывать праздничный стол.

Вынимая тарелки из буфета, мама спросила:

— Сколько же будет у тебя гостей?

Света перечислила своих подруг.

— А Альбину ты пригласила?

— Нет.

— Почему? — удивилась мама.

— Потому что... она не сможет подарить мне подарок.

Света вдруг замерла и, покраснев, широко раскрытыми глазами посмотрела на маму. Она совсем не хотела говорить это вслух.

Мама поставила посуду на стол и присела на табуретку.

— Разве ты приглашала друзей из-за подарков? — тихо спросила она.

Света опустила глаза.

— Нет, мама... Ты же знаешь, что Альбина недавно переехала в наш город и в церкви с ней мало общаются. Она такая замкнутая и неразговорчивая. И ходит она всегда в одном и том же платье...

Света запнулась и ещё больше смутилась. Мама разочарованно вздохнула.

— У Альбины умерла мама, и, кроме тёти, у неё никого нет. Альбине всего восемь лет, и за свою короткую жизнь она перенесла очень много горя и лишений. А ты

живёшь с папой и мамой, у тебя всё есть, и ты не хочешь порадовать её хотя бы своим вниманием! Как ты думаешь, Иисус доволен тобой?

Света вздрогнула. Нет-нет, Иисусу это не нравится. Она хорошо знала, что Господь, когда жил на земле, уделял внимание бедным и несчастным, с любовью и милосердием относился к сиротам и вдовам. Иисус хочет, чтобы и она так поступала.

Света колебалась: она не против пригласить Альбину, но что скажут девочки? Она посмотрела на маму и, встретив её печальный взгляд, осмелела.

— Я хочу пригласить Альбину. Ещё не поздно? Можно, я сейчас схожу к ней?

Когда часы пробили пять раз, в квартиру Устиновых весёлой гурьбой вошли Светины подруги. Отец именинницы добродушно встретил гостей и помог им повесить на вешалку куртки.

— Все пришли? — спросил он, пропуская нарядных девочек в гостиную.

— Альбины нету... — слегка покраснела Света.

Девочки в недоумении переглянулись. В это время раздался звонок.

— Наверно, Альбина,— поспешила мама к двери.

Через минуту в гостиную вошла Альбина. Слегка растерянный взгляд выдавал её напряжение. Она тихо поздоровалась и опустила глаза. В руках Альбина держала небольшую коробочку.

— Девочки, проходите, пожалуйста, за стол. Мы вместе помолимся и будем ужинать,— пригласил отец.

Он подождал, пока гости займут свои места, и вдохновенно помолился Богу, попросил благословения на пищу и на общение.

После молитвы, оживлённо переговариваясь, девочки принялись за праздничные кушанья. Потом они пели,

читали стихи в пожелание, преподносили Свете подарки. Чего только не подарили имениннице в этот вечер — игрушки, фломастеры, альбом, блокнот... Альбина тоже открыла свою коробочку и достала из неё игрушечного котёнка. Он был сделан из натурального белого меха и был похож на живого.

Котёнка Альбине подарили на память друзья из церкви, когда она уезжала к тёте после похорон мамы. Тётя отговаривала племянницу не дарить котёнка, потому что у Светы много игрушек, и ей лучше подарить карандаши. Но Альбина в благодарность за приглашение решила подарить самое лучшее, что у неё было.

Увидев котёнка, девочки ахнули. Они мигом окружили Свету: каждая хотела подержать котёнка в руках или хотя бы погладить его. Незаметно они вытолкнули Альбину из своего круга, и та, одиноко постояв в стороне, тихонько вышла в прихожую, оделась и ушла домой. И только когда мама поставила на стол торт и пригласила девочек к чаю, все увидели, что Альбины нет.

— Света, почему Альбина ушла? — в недоумении спросила мама.

Света растерялась. Она даже не заметила, что Альбина исчезла.

— Не знаю, мамочка, может, ей было неинтересно с нами...

Девочки переглянулись.

— Она просто гордячка,— тихо сказала одна из них.

— Сама же ушла! — пожала плечами другая.

Мама скорбно покачала головой.

— Девочки, не забывайте, чему учит нас Иисус Христос: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Скажите, кто из вас хочет оказаться на месте Альбины?

Девочки притихли. Где-то в глубине души они чувствовали, что поступили неправильно.

Под конец праздничного общения отец пригласил девочек вместе помолиться. И хотя он не побуждал их просить прощения за невнимательность к Альбине, почти все они в своих молитвах признавали себя виновными в том, что Альбина ушла домой.

Альбине на самом деле было горько.

— Меня никто не любит! — содрогаясь всем телом, жаловалась она тёте. — Со мной никто не хочет дружить...

— Потерпи немного,— утешала её тётя. — Мы будем молиться, и Господь даст тебе хорошую подружку, и с девочками ближе познакомишься, не плачь...

Альбина подняла голову и вытерла слёзы.

— Тётя, давай помолимся, чтобы Господь подарил мне её на Рождество!

— Хорошо, моя девочка,— пригладила тётя её взъерошенные волосы и подумала: «А Рождество-то завтра! Господи, не оставь сироту без милости!..» — Иисус всё может,— добавила она вслух,— и Он разрешает нам просить у Него то, что нам нужно. Надо только иметь веру и терпение, чтобы получить просимое...

Когда гости разошлись, Света перенесла подарки в свою комнату и расставила их в шкафу. Потом она взяла котёнка и стала рассматривать его. Ей показалось, что у него в глазах затаилась грусть.

«Может, он хочет спать?» — подумала Света.

Она положила на подоконник маленькую подушечку и усадила на неё котика.

— Будешь здесь спать! — шепнула она, пригладив шёрстку на спине.

Переполненная впечатлениями, Света в тот вечер быстро уснула.

И только отец с матерью ещё долго не спали. Они молились Богу о своей дочери, молились об Альбине. Им

хотелось, чтобы Света научилась правильно выбирать друзей, была внимательной к ближним и любила их.

А Свете в это время снился сон: будто со стороны улицы к окну её комнаты подошла Альбина и печальными глазами стала рассматривать свою игрушку. Котёнок, увидев её, стал царапать лапками по стеклу. Он очень хотел вернуться к своей хозяйке, но ему мешала прозрачная преграда. Вдруг к Альбине подошёл кто-то в белой одежде. Он что-то шепнул ей на ухо, взял за руку и повёл прочь.

Света проснулась и прислушалась. Что-то и в самом деле царапало по стеклу.

«Котёнок же игрушечный, он не может царапать стекло»,— подумала Света и подошла к окну.

На улице было темно, шёл снег. Котик молчаливо сидел на подушке, а по стеклу стучали ветки дерева. Напрягая глаза, Света всматривалась в ночную темноту, но ничего, кроме густых хлопьев снега, не увидела.

«Может, то был Ангел? — вспомнила Света свой сон. — Надо рассказать маме».

Она снова легла в постель, а утром первым делом побежала к маме:

— Представляешь, мне приснилось, что Альбина дружит с Ангелом!

Мама в это время одевала Виталика.

— Я бы не удивилась, если бы услышала, что так было на самом деле,— мама серьёзно посмотрела на дочь. — Альбина любит Иисуса, и Ангелы охраняют её. Я бы очень хотела иметь такую подругу!

Света долго молчала. Ей тоже захотелось подружиться с девочкой, которую охраняют Ангелы.

— Мама, я хочу дружить с Альбиной,— лицо Светы озарилось улыбкой. — Я верну ей котёнка и подарю свою любимую куклу в колыбельке. У неё же нет игрушек, а у меня много...

Суровый отец

ето. Школьные каникулы. Кто из детей не вспоминает это беззаботное время с особой радостью? Кажется, тогда и солнце светило ярче, и птицы пели звонче, и люди были добрее, а дни были длинными-предлинными.

В жизни Вани это были уже вторые каникулы. Стояла середина лета. По утрам городская детвора играла на детской площадке в тени многоэтажек, а ближе к полудню, когда солнце начинало припекать, ребята тянулись к реке, которая протекала неподалёку, сразу за городом.

Ваня охотно копался в песочнице, гонял мяч со своим другом Колей и другими одноклассниками. Но когда друзья уходили на речку, Ване сразу становилось скучно. Играть с малышами-дошкольниками ему было неинтересно.

Родители не разрешали Ване ходить на речку без взрослых. Ване всегда казалось, что мама отпускала бы его, если бы не папа... Папу Ваня побаивался и считал суровым и требовательным, потому что он под страхом наказания запрещал сыну ходить на речку.

Конечно, Ване, как и другим мальчикам, нравился его отец. С ним было гораздо интереснее, чем с мамой или бабушкой. Ваня с удовольствием ездил с отцом в лес по грибы и ягоды или на рыбалку.

Отец часто рассказывал интересные истории из Библии и учил Ваню любить Бога и держаться подальше от греха. Ваня знал, что дети должны слушаться родителей, что Бог любит послушных и хранит их от зла. Но слушаться не всегда получалось.

В этот день солнышко светило так же ярко и ласково, как и в прежние дни, и мальчики постарше снова

собрались на речку, прихватив с собой удочки и ласты с масками. В этот раз они взяли даже хорошо накачанную камеру.

«Вот они сейчас вдоволь накупаются! — с завистью думал Ваня, с досадой поглядывая на окно своей квартиры. — И почему меня родители не пускают? У Коли папа добрый, всегда разрешает ему ходить на речку. А у меня...»

— Ваня, идём с нами купаться! — позвал Коля.

— Папа не разрешает... Говорит, что я плавать не умею...

Мальчики подошли к Ване.

— А мы научим! Раскачаем тебя и бросим на глубину — поплывёшь, как миленький! — рассмеялся Антон. Он всегда выдумывал какие-нибудь шалости, за что мальчики уважали его и даже немного побаивались. — Вот Коля тоже не умеет плавать, но ходит с нами, не боится. А ты — трус и маменькин сынок!

— Идём, Ваня! — подхватил Коля. — Не будешь купаться — на берегу посидишь. Посмотришь, как Антон с разбега ныряет и выныривает уже около другого берега. Идём, мы недолго будем! Пока твой папа на обед придёт, мы уже вернёмся!

Мгновение — и шумная ватага была уже на берегу. Ваня сел поближе к воде, а Коля стал плескаться на мелководье, он ещё только учился держаться на воде.

Вдруг Коля выскочил на берег и подбежал к Ване.

— Знаешь, что я придумал?! — восторженно закричал он. — Давай попросим у мальчишек камеру и нарвём вон тех лилий! Принесёшь домой, знаешь, как мама обрадуется!

Ваня оживился. Через несколько минут мальчики поплыли за лилиями.

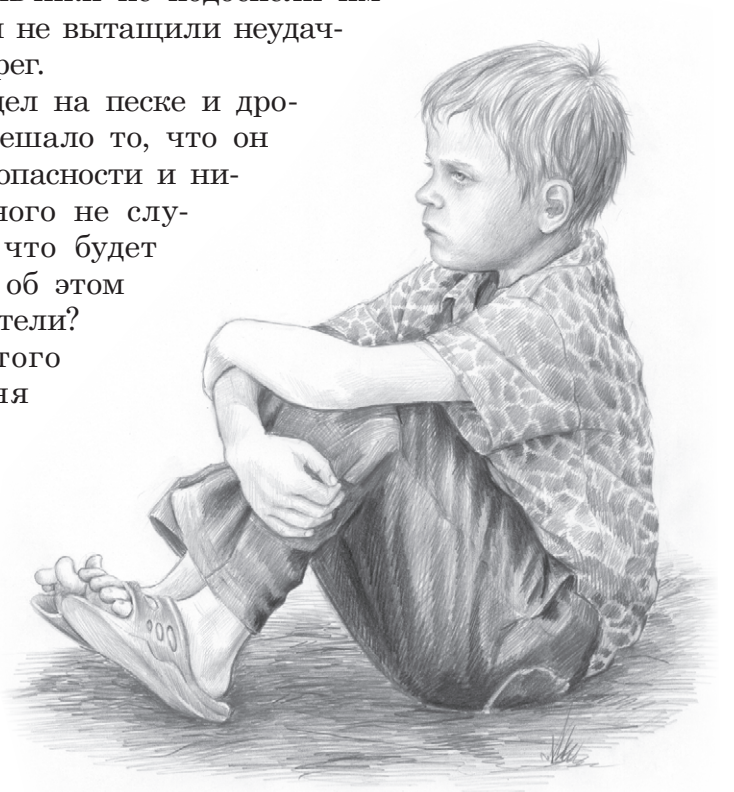
Держась одной рукой за баллон, Коля достал из воды несколько бело-жёлтых цветков. Ваня тоже сорвал штук

пять лилий. Они уже повернули к берегу, как вдруг около них вынырнул Антон.

— Давайте, я перевезу вас на ту сторону, видите, сколько там лилий!

Не дожидаясь ответа, он стал толкать камеру на середину реки. Ваня заволновался, но сказать что-то против не посмел.

Антон решил тоже сесть на баллон. Он подтянулся, но баллон наклонился и перевернулся. И Ваня, и Коля в одно мгновение оказались под водой. Потом они вынырнули и в страхе ухватились за Антона. Антон растерялся. Ваня и Коля мешали ему плыть, и он тоже стал тонуть. Несколько минут они барахтались в воде, пока старшие мальчики не подоспели им на помощь и не вытащили неудачников на берег.



Ваня сидел на песке и дрожал. Его утешало то, что он теперь в безопасности и ничего страшного не случилось. Но что будет дома, когда об этом узнают родители?

После этого случая Ваня уже не считал своего отца суровым. Оказывается, не зря отец запрещал ему ходить на речку!

Приговор к смерти

небольшом чукотском посёлке, на берегу пролива, целый день загружали восьмиметровую баржу — большое плоскодонное судно. На него вначале закатили вездеход, а потом погрузили несколько двухсотлитровых бочек с бензином. Тут же суетились люди, готовые отправиться на барже в посёлок Уэлен. Среди пассажиров был и Валерий — высокий мужчина средних лет. Он был благовестником и переехал с семьёй на Чукотку, чтобы рассказать чукчам о Христе.

Валерию хотелось посетить небольшую группу христиан в Уэлене. Именно туда направлялась грузовая баржа. Как и другие люди, Валерий уговорил владельца судна, чтобы тот взял его в качестве пассажира.

День отправления радовал летним теплом. На загруженной барже разместилось около двадцати пассажиров. Радостные и довольные, они расположились кто на чём: одни устроились прямо на полу, другие — на бочках с бензином. Валерий и несколько мужчин взобрались на вездеход.

Валерий радовался возможности попасть в посёлок Уэлен. Пройдёт каких-нибудь пять часов, и он встретится с уэленскими христианами. Как они обрадуются! Потом соберутся неверующие, и он будет рассказывать им о любви Божьей, о прощении грехов, о новой жизни во Христе, а в конце подарит им «Слово жизни».

Напряжённо пыхтя, баржа тяжело отчалила от берега. Ей предстоял долгий путь по Берингову проливу. Провожающие махали руками и, перекрикивая друг друга, в последние минуты ещё что-то выясняли, уточняли, напоминали. Только один мужчина в тёмно-синей куртке спокойно стоял на берегу. Когда баржа тронулась, он

снял кепку и слегка наклонил голову. Холодный морской ветер теребил его густые, тёмные, с лёгкой проседью волосы.

«Юра, брат мой дорогой! — подумал Валерий, глядя на стоявшего на берегу. — Он молится, просит благословения на мой путь. Раньше мы совершенно не знали друг друга, а теперь стали такими родными... Слава Господу!»

Юрий с семьёй жил на Чукотке уже несколько лет, а Валерий приехал сюда недавно. Братья сдружились, вместе совершая служение вдали от родных общин.

Баржа всё дальше и дальше удалялась от берега, а Юрий стоял на опустевшей пристани и махал кепкой, подняв её высоко над головой.

«Переживает за меня...» — подумал Валерий.

Солёный ветер обдавал путешественников множеством мелких брызг. Валерий не чувствовал холода. На нём были резиновые рыбацкие сапоги и тёплая болоньевая куртка с широким капюшоном. Всё это дал ему Юра, предупредив, что погода бывает непредсказуемая и одеваться надо теплее.

Вскоре берег слился с горизонтом. Кругом, куда ни глянь, была вода. На необъятном голубом небе — ни облачка, только далеко-далеко, где-то над самой водой, нависла длинная тёмно-сизая полоса.

«Господи, благослови мой путь! — мысленно молился Валерий. — Благослови меня послужить людям, которые погрязли в пьянстве и оккультизме. Научи, что сказать им, чтобы они поверили в Тебя. Благослови также и мою семью. Сохрани их, Боже, от всякого зла...»

Валерий уже успел познакомиться с бытом и культурой местных жителей. Эти простые люди порабощены идолопоклонством и пьянством. Отчаянные охотники и рыбаки, они становятся совершенно бессильными перед своими божками. Чукчи трепещут перед ними и

тщательно хранят их в своих ярангах*. Валерий не раз уже видел этих идолов, сделанных из дерева или моржовой кости. Это самодельные, несколько уродливые, пузатые, с большим ртом и узкими глазами «пеликены». Чукчи всегда стараются задобрить божков и приносят им в жертву самые лучшие куски оленины и рыбы.

Валерия, как и других благовестников, печалило то, что этот простой, бесхитростный народ находится в рабской зависимости от нечистых духов. Благовестники постоянно заботятся о том, чтобы как можно яснее и понятнее рассказать несчастным грешникам, что поклоняться и служить надо только живому Богу, Который любит людей и не желает их гибели. Он спасает душу от ада и избавляет от вечной смерти.

Погружённый в думы о чукчах, Валерий всматривался в горизонт, где море сливалось с небом. Совершенно неожиданно небо стало серым и невзрачным. Подул шквалистый ветер, и через короткое время разразился шторм. Грозные волны безжалостно обрушивались на баржу. Казалось, что они или вот-вот накроют беззащитное судно, или без сожаления опрокинут его.

Привыкшие к непредвиденным морским капризам, чукчи словно не замечали разыгравшейся стихии. Они быстро привязали себя к неподвижно закреплённому на барже грузу и, как ни в чём не бывало, опять стали смеяться и разговаривать, пытаясь перекричать рёв волн. Глядя на их спокойствие, Валерий тоже старался успокоиться, но у него это почти не получалось.

Дул сильный ветер. Разъярённые волны обрушивались на баржу то слева, то справа. Словно пушинку, волны высоко поднимали её, а потом с неимоверной силой бросали вниз. Казалось, судно вот-вот погрузится на дно. Море слилось с небом в одну кипящую тёмно-фиолетовую пучину.

---

* Яра́нга — переносное жилище народов Севера.

Наконец чукчи встревожились. На барже началась паника. Люди завопили, в отчаянии закрывая лицо руками.

Валерию стало плохо. Его мучила не только морская болезнь. Смерть вдруг показалась ему такой близкой и реальной, что он не переставал взывать к Богу о милости.

На какое-то мгновение Валерий открыл глаза и посмотрел на штурвального. Тот, совершенно пьяный, всем телом опирался на штурвал и, глядя в никуда, едва держался на ногах. От увиденного у Валерия похолодело внутри.

— Господи! Спаси нас, погибаем! — взмолился благовестник, превозмогая сильную головную боль. — Боже, спаси и помилуй нас!..

Чукчи от отчаяния закурили. Некоторые из них сидели на бочках с бензином, и Валерия охватила ещё бóльшая тревога: «Если нас не поглотит морская пучина, то мы погибнем от взрыва...»

Буря не утихала.

«А что если в этой чёрной воде оборвётся моя жизнь?..» — подумал Валерий, и перед его глазами предстал милый образ жены, родные лица малышей.

«Готов ли я умереть? — спрашивал себя Валерий и тут же отвечал: — Нет... Господи, только не сейчас!.. У меня четверо ребятишек... Я ещё не всё сделал... Продли мою жизнь! Я не успел сказать этим людям о спасении...»

Валерий знал, что Богу не трудно успокоить любую бурю. Но есть ли на это Его воля? Зачем Он допустил это ненастье?

«Боже, я не имею права выбирать день и место моей кончины,— начал смиренно молиться Валерий. — Если Ты захочешь именно здесь прервать мою жизнь, пусть исполнится Твоя воля! Я — Твой, поступи со мной, как угодно Тебе. Приготовь меня, Боже, к встрече с Тобой...

Я верю, что и мою семью Ты не оставишь, позаботишься о ней. Помоги моей жене правильно воспринять нашу разлуку. Утешь её... Помоги воспитать детей. Благослови дорогую церковь...»

Казалось, что Валерий приговорил себя к смерти. И только после этого его сердце постепенно успокоилось.

— Господи, да будет на всё Твоя воля... — сказал Валерий вслух.

В это время рядом с баржей вынырнул большой, блестящий, с горбинкой на спине чёрно-серый кит. Его крупная широкая голова с маленькими глазками чуть ли не касалась баржи. Валерию впервые довелось так близко увидеть это морское животное.

«Вот, оказывается, какой кит на самом деле!» — подумал он.

Наблюдая за китом, Валерий отвлёкся от удручающей обстановки на барже, и ему стало немного легче. А кит недолго сопровождал путешественников. Он исчез так же неожиданно, как и появился.

«Господи, если мы выживем, это будет чудо,— молился Валерий. — Без Твоего вмешательства невозможно остаться в живых. Уже не один корабль утонул в этой пучине... Боже, Ты можешь запретить неукротимым волнам бушевать, и только Ты можешь успокоить их так, как успокоил моё сердце...»

Валерий стал вспоминать апостола Павла, который тоже однажды попал в сильный шторм. Великий проповедник Евангелия был озадачен тем, как донести весть спасения до погибающих в грехах людей. У Валерия была такая же цель. Именно для этого он приехал на Чукотку, для этого держал путь в Уэлен.

Внезапно ветер утих. Волны потеряли силу и теперь лениво перекатывались через баржу, напоминая о недавней буре. На небе кое-где стали просматриваться чуть заметные просветы. Измученные морской болезнью

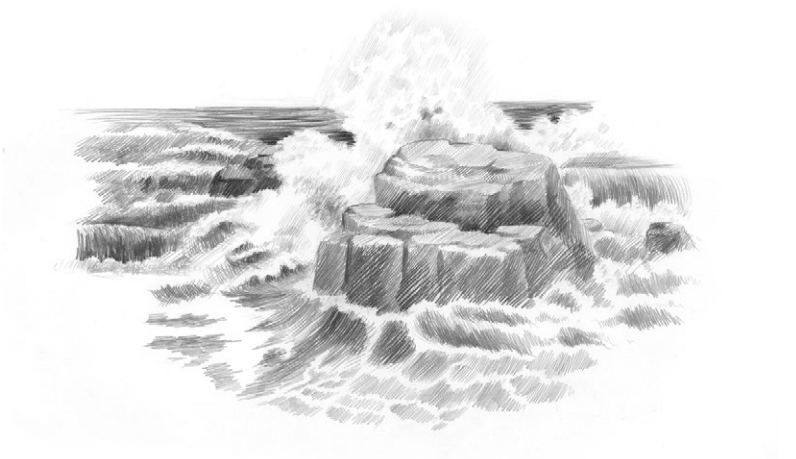
пассажиры оживились, когда вдалеке наконец показалось пятнышко земли.

«Это Уэлен! Слава Богу! Желанный берег уже недалеко!» — воспрянул Валерий.

Изнуряющий путь подходил к концу. Баржа уверенно шла к пристани. Вскоре она причалила к берегу. Утомлённые тревожным путешествием люди устремились к трапу.

Валерий покинул баржу последним. Ступив на каменистый отлогий берег, он присел на мокрый камень и ощупал себя: «Не сон ли это? Я на самом деле жив! Нет... это не сон... Если бы не Господь... Если бы не Ты, Боже, мы все погибли бы...»

Валерию вспомнились слова апостола Павла, которые он написал в письме верующим в Коринфе: «...не надеялись остаться в живых, но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мёртвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и ещё избавит».



Проходи, баптистка

етом, когда у Тани начались каникулы, мама взяла отпуск. В этот раз они решили никуда не выезжать и отдохнуть в родном городе. Таня с мамой почти каждый день придумывали для себя всевозможные развлечения. Они ходили на речку, гуляли по красивому парку, катались на каруселях, посещали музеи и выставки. Таня радовалась, что наконец-то им не надо разлучаться: маме не нужно идти на работу, а ей — в школу. У Тани, кроме мамы, никого больше не было.

Новый день выдался жарким. После завтрака Таня с мамой направились в парк.

Недалеко от главного входа толпились люди.

— Что там продают? Пойдём посмотрим! — Таня потянула маму за руку.

Они удивились, когда увидели на небольшом столике разложенные книги.

— Можно купить всё, но только не вечную жизнь,— говорил молодой человек пожилому мужчине, который держал в руке голубую брошюру.

Таня протиснулась вперёд и с интересом стала рассматривать книги. Они с мамой ещё не всё купили из того, что требовалось по программе для пятого класса. Может быть, здесь есть что-то нужное.

Но это оказались не учебники. «Добрые посевы», «Выбор», «Любовь измеряется жертвой», «Евангелие от Иоанна»... — Танин взгляд скользил по обложкам незнакомых книг.

— Девочка, ты любишь читать? — прервал её мысли чей-то приятный голос.

Таня подняла голову. На неё приветливо смотрела светловолосая девушка.

— Да,— кивнула Таня, ища взглядом маму.

— Тебе знакомы эти книги? — спросила девушка.

— Нет,— уже смелее ответила Таня.

— Хочешь почитать? — девушка подала Тане небольшую книгу.

На зеленоватой обложке были нарисованы мальчики и девочки, держащие плакаты с интересными надписями. Книга называлась «Это нужно знать всем детям!».

— Возьми почитай,— предложила девушка.

Таня замешкалась:

— Мама, дай деньги.

— Сколько стоит эта книга? — поинтересовалась Танина мама.

— Мы книги не продаём,— сказала девушка. — Если хотите узнать о Боге, о вечной жизни — возьмите почитать бесплатно.

— Как это бесплатно? — в недоумении переспросила Танина мама.

Название книги вызвало интерес, и она взяла её.

— А вам я предложила бы вот эту почитать,— подала девушка синюю брошюру. — Вы когда-нибудь читали Евангелие?

— Нет, никогда,— как-то виновато произнесла Танина мама.

— Возьмите, пожалуйста. Эту книгу надо читать внимательно и вдумчиво,— посоветовала девушка. — Здесь написано о том, как можно получить вечную жизнь.

Общительность и открытость девушки располагали к беседе, и уже через короткое время Танина мама разговаривала с ней, как со старой знакомой.

— Приходите на наше богослужение,— пригласила добродушная девушка. — Вот здесь, на обложке, указан адрес молитвенного дома...

И Таня с мамой пришли. Богослужение им понравилось, и они стали ходить на собрания постоянно. Дома

они читали Евангелие, и весть о спасении всё больше и больше наполняла сердце и мамы, и дочери.

Первой покаялась Таня. Вслед за Таней к Богу обратилась и её мама. Господь Иисус простил им все грехи. Таня с мамой ликовали.

Осенью Таня снова пошла в школу.

— Почему ты такая грустная? — спросила как-то раз мама за ужином.

— В моём классе ещё никто не знает, что я стала верующей,— подавленно ответила Таня и отодвинула пустую тарелку. — Я не знаю, с чего начать, как об этом рассказать.

— Да, об этом надо сказать, но как — я и сама не знаю,— призналась мама и задумалась.

Она сама ещё многого не знала. Для неё христианская жизнь тоже только началась.

— Давай, доченька, будем молиться, и Господь научит нас, как свидетельствовать о Нём,— предложила мама. — У меня на работе сразу узнали, что я стала верующей, потому что я пришла в косынке. Они теперь о многом спрашивают, а я порой не знаю, как правильно ответить...

И мама с Таней каждый день стали просить у Бога мудрости, чтобы знать, как им вести себя и что отвечать на вопросы.

Перед уроком немецкого языка Танины одноклассники толпились у кабинета. Когда прозвенел звонок, учительница открыла дверь, и все ринулись в класс. Таня отошла в сторону, чтобы пропустить самых бойких и нетерпеливых. Скоро в коридоре осталась она и ещё один мальчик.

— Проходи, баптистка! — с наигранной вежливостью поклонился он, пропуская её вперёд.

Таня улыбнулась и вошла в класс. На её щеках появился лёгкий румянец.

«Знают! — обрадовалась она, и сердце её взволновалось: — Теперь мне надо всегда поступать по-христиански, чтобы не опозорить имя Бога...»

Не лишний

Лучше бы этого Илюшки не было вовсе! Зачем только он родился? Всё время дерётся! Без него было бы лучше... — недовольно бурчала шестилетняя Катя. Поджав под себя одну ногу, она раздражённо барабанила другой по ножке стула.

Мама с тревогой посмотрела на Катю. Уже не первый раз она слышала от старшей дочери эти слова. Катя исподлобья поглядывала на плавающих в аквариуме рыбок. Прямые светлые волосы упрямо выбились из двух коротких косичек и торчали в разные стороны. Синие в белый горошек банты трепетали в такт размеренного стука ногой.

Мама отложила в сторону шитьё и подсела к дочери. Серьёзно, будто разговаривает со взрослой, она спросила:

— Катя, ты правда так думаешь?

Девочка нахмурилась и недовольно опустила голову.

— Илюша младше тебя, а ты часто ссоришься с ним, обижаешь,— продолжала мама. — У тебя не получается уступать ему, а вот больно щипать — получается... Конечно, это очень плохо, что он рассердился и ударил тебя. Но ведь ты уже большая девочка и должна учиться прощать. Я знаю, что ты любишь братика. Это правильно. Господь Иисус хочет, чтобы мы любили друг друга, заботились о младших, уступали им.

Катя молча слушала маму, капризно поджав губы. Она считала себя маминой помощницей. Ей нравилось подметать пол на кухне, нравилось, стоя на маленькой табуретке перед раковиной, мыть посуду. Она уже сама заправляла свою кровать и вешала платья в шкаф. А вот малышей ещё много чему надо научить. И ей, как

главной маминой помощнице, надо во всём показывать пример. И младшие всегда должны её слушать.

Илюша часто не соглашался с Катиными «правилами» и иногда старался досадить сестрёнке: щипал её, дёргал за косичку. И тогда Катя жаловалась маме на непослушного и вредного Илюшку.

— Ты можешь себе представить, что у нас вдруг не станет Илюши? — снова заговорила мама. — Нам будет очень плохо без него. Поэтому, доченька, не говори больше так. Плохие слова бьют сильнее, чем руки. А вдруг Илюша и правда подумает, что он нам не нужен, что он у нас лишний?

Нет, этого Катя не могла себе представить. Илюша знает, что папа с мамой любят его. Поэтому он так не подумает. Только вот почему ей трудно уступать братишке? Катя искоса посмотрела на маму. И почему она её не понимает?

— Давай помолимся,— поднялась мама,— попросим Иисуса, чтобы Он помог тебе исправиться и не говорить про Илюшу такие слова.

Катя знала, что Иисус слышит молитвы: уже не раз получала она от Него то, что просила.

— Прости меня, Иисус, за то, что я говорила плохо про Илюшу. Помоги мне исправиться...

Папа с мамой переживали за Катю и каждый день молились о ней Богу.

Наступила зима. В холодном голубом небе ослепительно сияло солнце. Снег искрился и манил детвору на улицу. Тут и там появлялись снежные горки, и дети весело съезжали с них кто на санках, кто на ледянках.

Катя с Илюшей тоже катались с горки.

— Катя, пора обедать! — позвала мама, выглянув из окна. — Только сходи сначала за хлебом, вот тебе сумочка и деньги.

Мама бросила сумку с кошельком прямо Кате в руки.

— Поймала! — засмеялась Катя, подхватив сумку. Она любила ходить в магазин.

— Мама, можно я пойду с Катей? — спросил Илюша.

— Иди,— немного подумав, разрешила мама и попросила Катю: — Доченька, возьми Илюшу за руку.

Дети весело зашагали в булочную, расположенную на соседней улице, а мама, закрыв окно, принялась накрывать на стол.

Неожиданно откуда-то из подъезда раздался пронзительный крик. Мама тревожно прислушалась и через мгновение выскочила на лестничную площадку. По ступенькам поднималась Катя и истошно кричала.

— Что случилось? — кинулась ей навстречу мама.

— Нашего Илюшу кто-то забрал... — захлёбываясь от рыданий, проговорила она. — Какой-то дядя... на машине увёз...

У мамы потемнело в глазах. В голове одна за другой пронеслись тяжёлые мысли.

— Боже!.. — простонала она и опрометью бросилась вниз по лестнице.

Толкнув дверь, мама чуть не сбила с ног малыша, который стоял у подъезда.

— Илюша! Сынок! — Она крепко обняла его и расцеловала. — Где ты был? К кому ты сел в машину?

— Дядя Лёня меня катал! — восторженно сказал мальчик. — Он сам позвал нас. Мама, дядя Лёня дал мне порулить!

Крепко сжимая тёплую ладошку сына, мама поднялась с ним в квартиру. Катя стояла в коридоре и безутешно плакала. Увидев Илюшу, она вытерла слёзы и жалобно спросила:

— Илюша, кто тебя увёз?

В ту же минуту дверь широко распахнулась, и в квартиру вошёл их любимый дядя Лёня со своей женой, тётей Верой. Катя посмотрела на них с недоумением.

— Лёня, вы так сильно напугали мою Катю! — воскликнула мама.

— Напугали? — удивился дядя Лёня. — Я же позвал их обоих. Илюша сразу прибежал, а Катя почему-то не захотела, убежала домой,— смущённо объяснил дядя Лёня. — Мы заехали в магазин, и сразу к вам.

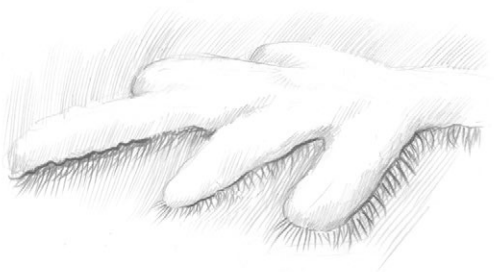
— Катюша, ты не узнала нас? — наклонилась к ней тётя Вера, ласково вытирая мокрое от слёз лицо. — Прости нас, миленькая, ты и в самом деле напугалась, бедняжка! — поцеловала она племянницу и помогла ей снять куртку.

Катю в тот день словно подменили. Она была готова отдать Илюше свои самые лучшие игрушки.

Вечером, когда гости ушли, а детям наступило время ложиться спать, мама прочитала им рассказ, и они вместе помолились.

После молитвы Катя прижалась к маме и жалобно всхлипнула:

— Мама, а если бы Илюшу и правда увёз от нас чужой дядя... Как это страшно! А я когда-то хотела, чтобы его у нас не было. Прости меня за это!



Не говори плохое о других

ечерело. Из небольшого деревянного дома торопливо вышла высокая девушка. В накинутом на плечи полушубке она перебежала по узкой тропинке на другую сторону улицы. Под ногами игриво скрипел снег. Девушка толкнула низкую калитку и тут же остановилась, заметив неподалёку в снегу что-то большое и тёмное. Её сердце неприятно вздрогнуло, и она торопливо зашагала по прочищенной дорожке к крыльцу.

— Тётя Люба! — кинулись к ней малыши.

— Папа дома? — спросила она с порога.

— Да! — кивнул коренастый мальчик. — Позвать? — И, не дожидаясь ответа, бросился в соседнюю комнату.

Это был Вася, старший из детей. Несколько дней назад ему исполнилось двенадцать лет.

Малыши сразу обступили гостью. Один показывал ей свою новую книжку, другой теребил за руку и просил что-то почитать. Дети любили тётю Любу. Она была родной сестрой их отца и часто бывала в их доме.

— Приветствую, сестрёнка,— радушно улыбнулся вышедший из комнаты мужчина высокого роста с живыми глазами и лёгкой проседью на висках.

— Олег, у вас под забором в сугробе лежит что-то непонятное,— с тревогой сказала Люба. — Может, посмотришь, что там?

— Можно я пойду с тобой? — тут же спросил Вася, готовый на всё.

— Я тоже! — оживился Семён, который никогда и ни в чём не хотел отставать от старшего брата.

— Пойдёмте, посмотрим,— кивнул отец.

Опережая отца, мальчики побежали к калитке. Выскочив на улицу, они в нерешительности остановились.

Под забором в сугробе действительно лежало что-то тёмное и большое.

— Папа, может, это человек? — шёпотом спросил Вася, не сводя глаз с непонятного предмета.

Семён шагнул вслед за отцом и тут же оказался по пояс в снегу.

— Это человек! — тихо произнёс отец.

Вася мгновенно оказался рядом.

Отец попытался поднять лежащего, но тот беспомощно повис у него на руках. Когда его шапка упала в снег, Вася испуганно воскликнул, узнав соседа:

— Это Игорь!

— Игорь? — в недоумении переспросил отец, пытаясь поставить молодого человека на ноги.

— Что с ним? — тревожно спросил Семён.

— Он пьяный,— печально сказал отец.

Вася оторопел. Он ещё ни разу не видел Игоря пьяным. Мальчики учились в одной школе, только Игорь был намного старше и ходил уже в девятый класс. Он никогда не обижал Васю с Семёном и часто по-соседски помогал им ремонтировать их старый велосипед.

Взвалив Игоря себе на спину, отец понёс его домой. Мальчики пошли следом. Увидев сына в таком состоянии, родители очень расстроились, и Васе с Семёном стало их жалко.

Вернувшись домой, отец сказал:

— Семён, никому не рассказывай о сегодняшнем случае. Понял? И ты, Вася, наблюдай за своим языком. Родители Игоря — порядочные люди. Будет очень плохо, если из-за нашей болтливости о происшедшем узнают в селе. Нам нужно и в этот раз проявить любовь к соседям. Не надо разглашать о неблаговидном поступке Игоря.

Рано утром дети со всего села собрались на автобусной остановке. В ожидании школьного автобуса маль-

чики бросали снежки в столб, соревнуясь в меткости. Наконец из-за поворота выехал автобус, и в считанные минуты ребята, толкаясь, втиснулись в него. Автобус тронулся и покатил по заснеженной дороге. За окнами, разрисованными морозом, потянулась вереница одноэтажных домов.

— Вася! Василий! — басовито позвал краснощёкий семиклассник Яша, протискиваясь к нему поближе. — Вася, спроси Игоря, что он делал вчера вечером под вашим забором!

Яша бесцеремонно дёрнул Васю за рукав.

Вася неуверенно мотнул головой и искоса посмотрел на Игоря. Тот сидел возле заледенелого окна и припухшими глазами задумчиво смотрел в размороженный пятачок.

«Мне нужно молчать,— подумал Вася. — Папа предупреждал вчера...»

Яша заметил нерешительность Васи и настойчиво повторил:

— Ну, спроси!

— А что там было? — заинтересовались мальчики.

Вася с трудом сдерживался. Папа строго предупредил его, чтобы он бодрствовал, следил за своим языком. И всё же, оказавшись в центре внимания, Вася самоуверенно произнёс:

— Игорь, что ты делал вчера у нас под забором?

Игорь резко обернулся. Слегка прищурив глаза, он пригрозил:

— Замолчи, а то получишь!

Ребята притихли. Яша сдавленно хихикнул и, лукаво подмигнув Васе, отвернулся.

А Вася потерял покой. Он пытался оправдаться тем, что Игорь на самом деле валялся у них под забором пьяный и для Яши это не было секретом. Да и ничего плохого он не сказал Игорю. Просто спросил, что он делал у них под забором. Однако, как ни пытался Вася оправдать себя, на сердце легче не становилось.

Вдвойне тяжелее было думать о том, что скажут родители. С затаённой тревогой Вася пришёл домой.

После обеда отец позвал Васю в сарай:

— Пойдем, вывезем с тобой навоз.

Мальчикам нравилось работать с отцом. У него всё так ладно получалось, будто он играл, а не работал. Однако в этот раз Васе совсем не хотелось идти с отцом. Лучше бы он взял с собой Семёна...

— Ну, как у тебя прошёл день? — спросил отец, нагружая навозом тележку.

Вася молчал. Привычное «хорошо» не подходило. Сегодня ничего хорошего у него не было.

— Как ты расцениваешь то, что произошло в авто-

бусе? — спросил отец и присел на тюк сена.

— Я... я не хотел говорить... Яша уже всё знал...

Вася мрачно смотрел себе под ноги.

— Я предвидел это, и потому предупредил тебя,— вздохнул отец. — А ты всё же поступил бессовестно...

Вася не знал, куда деться.

«Зачем я поддался искушению?!» — укорял он себя, пониже натягивая шапку на лоб.

Не понимая серьёзности разговора, телёнок пытался лизнуть своим шершавым языком край Васиной куртки.

— Наши слова должны содействовать миру и добру,— продолжил отец. — А ты посеял неприязнь, вызвал зло в сердце Игоря. Тебе надо как можно скорее наладить с ним отношения.

— Я завтра... попрошу у него прощения,— тихо проговорил Вася.

— Нет,— возразил отец,— просить прощения надо сегодня. Это дело нельзя оставлять на завтра. Завтра у тебя не хватит сил, потому что дьявол опять обманет тебя так же, как обманывает сегодня. Это он останавливает людей, чтобы они не каялись, не исправлялись. Освобождаться от грехов нужно сегодня, а не завтра. Мы не знаем, что будет с нами завтра. Жизнь может неожиданно оборваться, Христос в любой момент может прийти за Своими детьми. Он возьмёт только тех, кто не запятнан, не связан грехом.

Отец пошёл к соседям вместе с Васей.

— Игорь, прости меня... что я сегодня в автобусе... так сказал... — смущённо попросил Вася.

— Что? — переспросил Игорь с напускным равнодушием.

— Он просит у тебя прощения за то, что говорил в автобусе,— пояснил Васин отец.

— Да ничего особенного! — махнул Игорь рукой и опустил голову. — Не стоит вспоминать об этом...

Украденный подарок

апа, папочка, а что ты мне привёз? — шестилетний Давид нетерпеливо дёргал отца за рукав.

Алексей не спеша открыл дорожную сумку и подал сыну игрушечный автомобиль.

— Этот грузовик, как настоящий! — с восхищением воскликнул Давид. — И колёсики крутятся, и дверцы открываются!

Алексею приятно было видеть радость сына. Он обнял жену и пригласил домашних помолиться Богу. Все вместе они благодарили Господа за Его заботу о семье, за охрану в пути и благословения.

На прошлой неделе Алексея вместе с несколькими сотрудниками направили в командировку на большой завод в областной центр. С работой справились быстро, и Алексей радовался, что смог вернуться домой до начала сенокоса.

Молодая христианская семья жила на окраине небольшого городка. Отец работал на заводе, а мать воспитывала детей и, как все, вела хозяйство.

После короткого отдыха Алексей принялся за работу: надо было наточить косу и хотя бы немного накосить травы.

Тем временем соседские мальчишки окружили Давида тесным кольцом. Каждому хотелось не только посмотреть, но и немного поиграть новой машинкой. Мальчики дружили и часто играли вместе во дворе то у одного, то у другого.

Чаще всех у Давида в гостях бывал его ровесник Никита. Отец Никиты — известный на всю округу пьяница — не баловал сына ласками и вниманием. Из-за его пьянства семья Никиты бедствовала. Родители Давида

нередко угощали Никиту сладостями, а то и просто кормили его, как своего.

Прошло несколько дней с тех пор, как Алексей возвратился из командировки. Стояла сухая жаркая погода, и с сенокосом справились быстро. Сено успело высохнуть. Алексей стал перевозить его на сеновал.

Давид ходил за отцом по пятам. Он по-прежнему не расставался со своим игрушечным автомобилем, задавал отцу множество вопросов и очень хотел помогать. Но отец не мог доверить маленькому мальчику взрослую работу.

На следующий день, придя с работы, Алексей застал сына заплаканным.

— Что с тобой, Давид? Тебя кто-то обидел?

— Нет моей машинки... — всхлипнул Давид.

— Как нет? Куда она могла деться?

— Не знаю... Вчера была... — горько заплакал Давид, закрыв лицо руками.

— Пропала? — Алексей присел на крыльцо и обнял сына. — А с кем ты вчера играл?

— С Никитой...

«Неужели Никита украл?» — подумал Алексей, пытаясь успокоить сына.

О Никите говорили, что он мог взять чужое без зазрения совести. Поэтому соседи не очень охотно пускали его к себе. Алексей же никогда не запрещал мальчику приходить к ним, и он охотно пользовался таким расположением.

— Пойдём, сынок, спросим у мальчиков, может, кто-то взял поиграть?

Давид вытер слёзы и охотно последовал за отцом. Неподалёку под липой сидело несколько мальчиков.

— Ребята, вы не видели новую машинку нашего Давида? — спокойным голосом спросил Алексей.

— Нет, не видели! — дружно отозвались мальчики.

Алексею показалось, что Никита виновато опустил голову.

«Нужно поговорить с ним отдельно, не при всех»,— подумал Алексей.

На следующий день, увидев Никиту одного на улице, Алексей позвал его:

— Подойди ко мне на минутку!

Никита испуганно посмотрел соседу в глаза и юркнул в свой двор.

«Убегает, боится меня,— отметил Алексей. — Значит, виноват. Похоже, это он украл машинку!»

Алексей поговорил с женой и решил не трогать мальчика. Рассказывать об этом родителям Никиты ему не хотелось. Во-первых, не было веских доказательств, что именно он украл машинку. А во-вторых, его отец мог разозлиться и избить мальчика, не выясняя, прав он или виноват.

Никита с тех пор стал всё реже и реже приходить в гости к Давиду.

Прошло время, и пропажа машинки стала забываться. Мальчики играли в основном на улице.

Незаметно пролетело лето. Осень пришла со своими заботами: уборка урожая, заготовка продуктов на зиму, школа... В церкви прошёл праздник Жатвы, которого Давид всегда ждал с нетерпением. Он и Никиту приглашал на праздник, как и на все другие торжественные собрания, но тот не пришёл, хотя и обещал.

Вслед за дождливой осенью пришла снежная зима.

Как-то раз, очищая сеновал от остатков прошлогоднего сена, Алексей зацепил граблями какой-то предмет. Это оказалась та самая машинка, которую он привёз Давиду из командировки!

— Вот она, пропажа! — удивлённо проговорил Алексей. — А мы думали, что Никита украл...

— Нашлась моя машинка! — запрыгал от радости

Давид, увидев почти забытый им автомобиль.

Алексей сразу вспомнил тот день, когда он укладывал сено, а Давид крутился у него под ногами. Тогда он, по-видимому, и потерял свою машинку...

— Сынок, а мы, оказывается, напрасно подозревали Никиту,— задумчиво сказал Алексей. — Ты сам оставил здесь машинку, а я не заметил и присыпал сеном. Мы осудили Никиту, а он был не виноват. Нам надо попросить у него прощения.

В тот же вечер Давид пригласил Никиту к себе в гости. Алексей рассказал ему, как нашлась пропавшая машинка, и признался, что они подозревали Никиту в воровстве. В знак примирения отец с сыном решили подарить машинку Никите.

На следующий день Алексей после работы застал Давида с Никитой вместе — они увлечённо играли с «украденным» подарком.

Тётя Рита

Тома проснулась от непонятного дребезжащего звука. Она выскочила из-под тёплого одеяла и выглянула в окно. Оказывается, в их огороде работал экскаватор! Тома внимательно оглядела двор. Возле забора стоял отец и наблюдал за экскаватором. Тома отодвинула шпингалет и открыла окно.

— Папа! — позвала она.

Отец оглянулся и удивлённо спросил:

— Ты почему так рано проснулась?

— А что делает этот экскаватор? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась девочка. — Почему он заехал к нам в огород?

— Он роет траншею для фундамента,— улыбнулся отец.

Теперь Тома всё поняла. Она вспомнила, что родители не раз говорили о предстоящей стройке. Их большая семья уже не помещалась в маленьком доме. Они долгое время молились о том, чтобы Бог помог им построить новый дом. И вот наконец стройка началась!

Господь благословил работу, и помогать в строительстве приходили многие верующие и даже неверующие, которые уважали богобоязненного многодетного отца.

К началу осени дом был уже почти готов, оставалась только отделочная работа. Штукатурить взялась одна сестра из церкви — тётя Рита. Она была мастером своего дела.

Родители разрешили Томе помогать тёте Рите после занятий в школе. И Тома делала это с большим удовольствием. Ей уже исполнилось двенадцать, и она чувствовала себя обязанной участвовать в строительстве нового дома. Она носила воду для раствора и убирала мусор.

Однажды Тома, как обычно, пришла из школы, переоделась, пообедала, сделала домашнее задание и пошла на стройку к тёте Рите. Но работать ей в этот день не хотелось, и она решила устроить себе выходной.

Тётя Рита, как нарочно, попросила её прибрать в одной из почти готовых комнат. Тома посмотрела на кучи мусора и разочарованно вздохнула: «Совсем не хочется работать! Как надоела мне уже эта стройка!»

Она взобралась на мешки с цементом, которые лежали под окном, и стала рассматривать соседский сад.

Через какое-то время в комнату заглянула тётя Рита.

— Ты ещё не убрала здесь? — удивилась она.

От неожиданности Тома вздрогнула. Она совсем забыла, что тётя Рита может прийти и проверить.

— Я... я сегодня не буду убирать,— Тома стала отчаянно искать причину, чтобы объяснить тёте Рите, почему она не хочет ничего делать. — Я не могу... у меня мозоли.

— Но убрать всё равно нужно!

Тома сердито посмотрела на тётю Риту и показала ей ладонь:

— Вот мозоли, я натёрла их сегодня веником в школе!

Увидев едва заметные красные пятнышки, тётя Рита поняла, что Тома просто ленится и хочет увильнуть от работы.

— Сейчас я принесу бинт и перевяжу твои мозоли,— сказала тётя Рита, выходя из комнаты.

Тома не ожидала такого поворота.

— Я не хочу убирать! — заупрямилась она и отвернулась к окну.

Тон её голоса только подтвердил то, что она действительно ленится.

Тётя Рита вернулась и протянула Томе веник:

— В таком случае я прошу тебя всё же послушаться. Чтобы через десять минут здесь было чисто!

Тома вскипела. Наговорив тёте Рите грубостей, она выскочила из комнаты.

— Я больше никогда сюда не приду! — крикнула она, хлопнув входной дверью.

На крыльце Тома остановилась.

«Что я натворила? — испуганно подумала она. — Нельзя же так разговаривать со старшими! Зачем я подняла столько шума из-за пустяков?!»

Томе захотелось вернуться и исправить свою ошибку, но другая мысль остановила её: «Тётя Рита сама виновата! Зачем она заставляла меня? Неужели ей самой трудно было убрать мусор?!»

Тома спрыгнула с крылечка и пошла домой. В её сердце закралась неприязнь к тёте Рите.

Прошло несколько дней. Томе хотелось пойти поработать в новом доме, но там была тётя Рита!

Родители заметили перемену в настроении дочери, и отец спросил, почему она перестала помогать тёте Рите.

«Наверно, она пожаловалась папе!» — подумала Тома и выпалила:

— Я не виновата!

— Да? А кто виноват?

— Конечно тётя Рита!

— И в чём же она виновата?

Томе пришлось рассказать о том, что произошло в новом доме несколько дней назад. В конце своего рассказа она повторила, что во всём виновата только тётя Рита. Отец долго смотрел на возбуждённую Тому, но она не поднимала головы.

— Тётя Рита любит тебя,— наконец сказал он. — Это же она попросила нас, чтобы мы разрешили тебе помогать ей. Иначе мы не отпустили бы тебя. Тётя Рита жертвует своим временем и здоровьем, чтобы сделать для нас такое большое дело, а ты так нехорошо отнеслась к ней! Ты огорчила не только тётю Риту, но и нас с

мамой, и Господа. Тебе нужно у всех попросить прощения.

Слушая отца, Тома соглашалась с ним. Да, она поступила неправильно. Но просить прощения... Тома не могла забыть, с каким упрямым видом она покинула тогда ошеломлённую тётю Риту. А теперь идти и просить прощения?.. Нет! Лучше она пойдёт и уберёт во всех комнатах в том доме! Только как убедить в этом папу?

— Неужели обязательно просить прощения? — жалобно спросила Тома.

— Нет, не обязательно,— ответил отец. — Но тогда ты никогда не сможешь открыто посмотреть в глаза тёте Рите. Очень долго, если не всю жизнь, ты будешь чувствовать себя виноватой, тебе не дадут покоя угрызения совести. Даже если ты будешь бесконечно мыть, чистить и убирать, помогая тёте Рите, ты и тогда не освободишься от угнетающего душу чувства вины. Только прощение сделает тебя свободной и счастливой.

«Папе легко говорить,— переживала Тома. — А вдруг тётя Рита не простит? Я ведь наговорила ей столько всяких колкостей! А может, и простит, но не будет больше любить так, как раньше...»

— Папа, пошли со мной.

Тома умоляюще посмотрела на отца. Но тот отрицательно покачал головой:

— Тебе нужно учиться самой просить прощения.

С тяжёлым сердцем Тома дошла до порога нового дома, но зайти внутрь так и не осмелилась. Несколько минут она топталась у самой двери, а потом повернулась и пошла домой. Лицо её было угрюмым, и отец без труда понял, что у неё не хватило смелости.

— Ты не попросила прощения?

Тома заплакала.

— Иди,— решительно повелел отец,— как только ты примиришься, тебе сразу станет легче!

Тома ушла, но скоро вернулась вся в слезах.

— Я боюсь,— снова заплакала она.

— Давай помолимся, попросим у Господа смелости, чтобы ты смогла победить себя,— предложил отец.

После молитвы Тома опять пошла в новый дом.

Как ни странно, дверь показалась Томе такой тяжёлой, что она еле открыла её. Тома зашла в первую комнату — ту самую, в которой ещё несколько дней назад ей было так трудно убрать мусор. Комната оказалась чисто выметенной. Тома растерялась: «Нет, теперь я вообще не смогу подойти к тёте Рите! Мне ужасно стыдно! Что я ей скажу?»

Тома тихо прошла по коридору и заглянула в дальнюю комнату. Она думала, что там никого нет, и от неожиданности вздрогнула: там работала тётя Рита! Тома закрыла лицо руками и горько заплакала.

— В чём дело, Тома? Кто тебя обидел? — удивлённо спросила тётя Рита.

Она спрыгнула со стола, на котором работала, подошла к девочке и обняла её за вздрагивающие плечи:

— Томочка, не плачь, не плачь!

Почувствовав теплоту в голосе тёти Риты, Тома заплакала сильнее. Тётя Рита долго гладила её по голове, стараясь понять причину слёз.

Наконец, подняв заплаканное лицо, Тома виновато посмотрела в добрые глаза тёти Риты:

— Простите меня... Я не хотела вам помогать... Я наговорила много плохих слов... Я такая нехорошая...

— Конечно же прощаю! — растроганная тётя крепко обняла Тому. — Я так ждала тебя!

У Томы словно крылья выросли. Оказывается, она напрасно мучилась и не попросила прощения сразу!

Счастливая Тома поцеловала тётю Риту и выпорхнула из комнаты. Она хотела поделиться с родителями радостью о том, что Господь помог ей переступить через своё гордое «я» и попросить прощения.

Рождество — это праздник святых

увим сильно продрог, пока дошёл из школы домой. Теперь он сидел в тёплой кухне и с наслаждением ел горячие щи. Напротив присели на скамью родители, и он стал рассказывать, что произошло в школе.

— Сегодня Ирина Леонидовна сказала, что к новогодним праздникам наш класс должен подготовить постановку. Третий «а» и третий «в» уже готовятся. Она сказала, что специально выбрала рождественскую тему, чтобы я мог участвовать. Мне дали роль пастуха. Учительница раздала слова, их надо выучить на завтра. Но я не хочу участвовать.

— Почему не хочешь? — испытующе посмотрел на Рувима отец.

— Я же верующий! А верующим нельзя участвовать,— пылко ответил Рувим.

— Почему?

— Не знаю...

— А хочешь знать? — улыбнулся отец.

Рувим кивнул.

— Сейчас вся наша церковь и даже дети готовятся к празднику. Скажи, чем вы занимались на последнем детском собрании?

— Повторяли стихи и песни.

— У хористов в понедельник была дополнительная спевка,— напомнила мама.

— А Таня сняла шторы в молитвенном доме, чтобы постирать их,— вспомнил Рувим.

— Сынок, а зачем всё это делается, для кого? — спросил отец.

— Для Бога.

— Правильно. Дети Божьи соберутся и будут вспо-

минать о рождении Иисуса Христа. Он будет в центре нашего собрания. Мы будем благодарить Его и прославлять за наше спасение. И потому мы так готовимся. Хотя важнее всего — приготовить своё сердце, чтобы оно было чистым.

— Ещё всем детям и подросткам будут дарить подарки! — вспомнил Рувим.

— Да, будут подарки. Они должны напоминать нам о том величайшем подарке, который Бог подарил всем людям. Он подарил нам Своего Сына, Который стал Спасителем для всех, кто поверил в Него.

А теперь давай подумаем, как ваш класс будет отмечать праздник Рождества Христова. На этом празднике не будет Господа, это точно. Ирина Леонидовна раздаст вам подарки и пожелает счастья и здоровья, совсем не вспомнив об Иисусе Христе. Никто вам не скажет, для чего родился Христос. В общем, ваш класс соберётся, чтобы просто повеселиться.

«Как хорошо папа объяснил! — радостно думал Рувим. — Я не буду учить слова и участвовать в постановке. Я буду рассказывать стихи в собрании, где будет Иисус, где все будут Его прославлять...»

На следующий день Рувим пришёл домой в слезах.

— У нас вместо чтения была репетиция,— рассказал он отцу. — Ирина Леонидовна ругала меня за то, что я не выучил слова. Она сказала, что специально выбрала такую тему, чтобы и я мог участвовать, а я упираюсь. Ещё она сказала, что никуда я не денусь и всё равно буду участвовать...

Отец слушал внимательно. Рувим всхлипнул и с печалью добавил:

— Все выучили свои слова, а я читал... Папа, я не хочу участвовать. Что мне теперь делать?

— У Бога есть выход из любой ситуации. Он может тебе помочь,— отец взял в руки Библию. — Вот через

эту святую книгу Господь учит нас, как поступать. Ты хочешь слушаться Бога?

Рувим кивнул.

— Я прочитаю тебе, что здесь написано. Слушай:

«Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику». Рувим, Бог поддерживает тех, кто хочет жить праведно и кто свои заботы перекладывает на Него. Давай помолимся Богу и расскажем Ему о том, в какое затруднительное положение ты попал.

Рувим охотно преклонил колени вместе с отцом и искренне помолился:

— Дорогой Иисус, Ты знаешь, что я не хочу участвовать в постановке вместе с неверующими. Но учительница будет ругать меня, и я боюсь. Господь, Ты видишь, что мне не хватает смелости. Помоги мне! Аминь.

Утренник в школе должен был состояться накануне Рождества.

В то утро мама разбудила Рувима:

— Вставай, сынок, посмотри в окно!

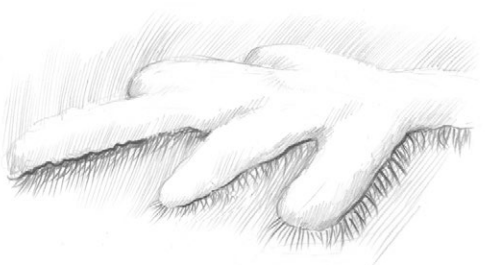
Рувим отодвинул штору.

— Ого! — воскликнул он. — Сколько снега!

— Сегодня тридцать восемь градусов мороза, занятия в школе отменили,— сказала мама.

— Значит, утренника не будет?! — отпрянул от окна Рувим.

— Да, видишь, как удивительно Бог отвечает на наши просьбы! — радостно заметил отец, входя в спальню. — Не забывай, сынок, обращаться к Богу в трудных обстоятельствах. Он всегда поможет тебе!



Муки совести

Деревня, в которой жила четырнадцатилетняя Марина, утопала в зелени. На окраине огороды многих жителей упирались прямо в лес. В деревне было не только красиво, но и мирно — в ней жило много верующих.

Марина тоже была верующей. По воскресеньям она вместе со своими родителями, братьями и сёстрами ходила на богослужения. А между утренним и вечерним собранием подростки обычно посещали больных или ходили на прогулку в лес.

В один из воскресных дней девочки собрались на лужайке. У самого леса они нашли огромную поляну цветов и принялись плести венки. Потом они играли в догонялки, пока кому-то не захотелось пить.

Не сговариваясь, девочки пёстрой стайкой побежали вдоль леса к колодцу, стоявшему у дороги. Они умело достали полное ведро кристально-чистой воды и с наслаждением напились.

— Смотрите! — кивнула одна девочка в сторону леса.

На опушке показалась группа неверующих мальчиков. Все они учились в одной школе с девочками, но жили на другом конце деревни.

Мальчики о чём-то оживлённо спорили.

— На рыбалку собрались,— догадались девочки, увидев рыболовные снасти.

— Лягушатники, привет! — выкрикнула вдруг самая бойкая из девочек.

Мальчики обернулись и кто-то из них погрозил кулаком.

Девочек это подзадорило ещё больше.

— Лягушатники! Мы вас не боимся! Что вы нам сделаете? — закричали они наперебой.

Марина вначале молчала. Ей не нравилась эта деревенская дразнилка. Да и что эти неверующие мальчики будут думать о верующих? В то же время Марине было стыдно перед подружками: подумают, что она трусишка... И она несмело, пересиливая себя, вместе со всеми крикнула:

— Лягушатники, привет!..

Её неуверенный голос растворился в девичьем разноголосии.

— Ах, вы так?! — угрожающе закричали не на шутку разозлившиеся мальчики и кинулись через луг к девочкам.

С визгом и криком подружки помчались в лес. Пёстрые юбки, платья и банты замелькали среди белоствольных берёз. Перепуганные девочки спрятались за старым, поваленным бурей деревом. Никто не заметил, в какую сторону побежали мальчики. Через несколько минут, осторожно выглянув из-за высокого пня, заводила полушёпотом оповестила:

— Ушли...

— А может, они спрятались где-нибудь недалеко? — озираясь по сторонам, предположила Марина.

— Нету их! — уверенно заявила та же девочка. — Пойдёмте! Это они просто так, спугнуть нас хотели!

— Точно, их нигде нет! — убедились остальные и смело вышли на свою поляну.

Почувствовав себя в безопасности, девочки решили нарвать по букетику ромашек и пойти домой. Вдруг, откуда ни возьмись, на лужайку выскочили мальчики. По лесу раскатилось писклявое эхо. Девочки врассыпную пустились наутёк. Только Марина осталась на месте. Она так растерялась, что не могла сдвинуться с места. Наконец, сообразив, в чём дело, она кинулась вслед за подружками. Но было уже поздно. К Марине подскочил коренастый мальчик.

— Попалась! — победно выкрикнул он, крепко схватив её за руку.

Это был Кирилл из восьмого класса.

— Я не обзывалась... — испуганно пролепетала Марина, глядя в глаза запыхавшемуся мальчику.

— Правда? — недоверчиво переспросил он, и его пальцы разжались.

Других девочек никто не догнал, и на этом всё закончилось. Скоро о воскресном происшествии все забыли. Все, кроме Марины. Она не забыла, что сказала неправду.

С той поры прошло не одно лето. Марина покаялась и стала готовиться к крещению. Ей казалось, что она не дождётся того торжественного дня, когда перед многими свидетелями заключит завет с Господом и пообещает Ему хранить свою совесть чистой. Посвятить себя Христу на служение — что может быть лучше?!

И только одно омрачало тихую, трепетную радость Марины: она не могла забыть, как обманула Кирилла.

«Господи, прости меня за ту неправду... Освободи от осуждения и терзаний совести...» — не раз просила Марина в молитве. И всё же покоя в её душе не было.

На собраниях Марина не раз слышала о том, что освободиться от греха, который мучит совесть, можно только через исповедание.

Но Марина сопротивлялась.

«Нет, я не могу сказать об этом Кириллу. Я же не обзывалась! Подумаешь, один раз крикнула. И вообще, он тот случай давно уже забыл...»

Чем больше Марина уговаривала себя, тем больше ослабевала её уверенность в собственной правоте. Она не находила себе покоя.

Однажды мама застала её всю в слезах.

— Что случилось? — сочувствующе спросила она.

Марина поведала ей о своих мучениях.

— Дух Святой говорит с нами через совесть. Надо со всей честностью подойти к этому и выяснить истинную причину тревоги,— посоветовала мама. — Совесть успокоится, как только ты выполнишь её требования. Как правило, Дух Святой показывает выход.

— Что же мне делать? — спросила Марина, выжидающе глядя на маму.

— Надо рассказать Кириллу всё, как было, и попросить у него прощения.

Марине стало ещё тяжелее. Именно это она и не хотела делать, потому что боялась.

— Не похоже, что у тебя скоро крещение,— как-то раз заметила Лариса, соседка Марины. — Почему ты бываешь такая грустная?

Лариса была чуть старше Марины и уже заключила завет с Господом. И хотя они не были близкими подругами, Марина открыла ей своё сердце.

— Зачем ты себя мучишь?! — удивлённо воскликнула Лариса. — Пойди, расскажи всё Кириллу, и будешь свободна!

— Нет, я боюсь, мне неудобно.

— Пойдём вместе! — не отступала Лариса. — Тут ничего страшного нет. Давай помолимся и прямо сейчас пойдём!

Вечерело. Девушки медленно шли на другой конец деревни. Лариса что-то рассказывала Марине, но та ничего не слышала. Она сгорала от стыда и всё ещё боролась со страхом.

— Давай пройдём мимо, я немного успокоюсь... — попросила Марина, увидев дом, в котором жил Кирилл.

Но Лариса уверенно зашла во двор.

Отец Кирилла колол дрова.

— Здравствуйте, дядя Митя. А Кирилл дома?

— Дома, уже пришёл с работы.

— Позовите его, пожалуйста! — попросила Лариса.

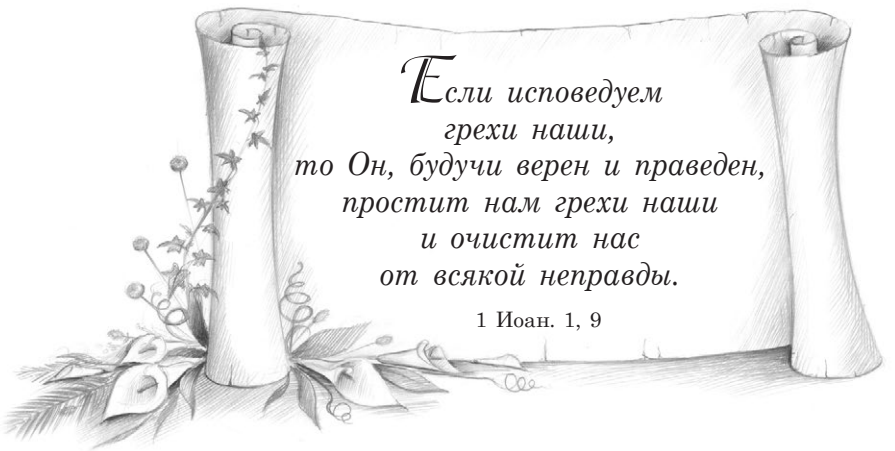
— Сейчас! — радушно ответил он, вогнав топор в чурбан.

Выслушав сбивчивый рассказ Марины, Кирилл добродушно рассмеялся:

— Это же мелочи! Не стоило из-за этого переживать. Я давно уже всё забыл. Да чего только мы не вытворяли в детстве!..

Марина не заметила, как они с Ларисой подошли к дому. Как легко ей было на душе! О, если бы она знала это наперёд, то давно бы уже попросила прощения!

Пройдёт совсем немного времени, и Кирилл тоже станет христианином. А Марина гораздо позже узнает, что её послушание истине произвело большую работу в сердце Кирилла.



Больно и надолго

ло воскресное богослужение. В молитвенном доме все слушали проповеди, вместе пели и прославляли Господа, а Егору почему-то было скучно. Слово Божье он не слушал, и его мысли улетали далеко за пределы молитвенного дома.

«Сегодня хороший денёк, солнечный,— думал Егор,— а собрание так долго тянется...»

Он дёрнул за рубашку сидящего впереди Сергея.

— Что? — прошептал тот, повернувшись.

— Давай выйдем! — так же тихо прошептал Егор, и мальчики направились к выходу.

На улице они оживились.

— Уф, сегодня так жарко, а собрание, как нарочно, затянули,— недовольно сказал Сергей.

— Пойдём лебёдку посмотрим,— предложил Егор.

Собрания проходили в большом зале, недавно пристроенном к дому, в котором жил Егор со своими родителями. Основные строительные работы уже закончились, но во дворе ещё лежали стройматериалы и кое-какие инструменты.

Ручная лебёдка стояла в стороне. Это было простое приспособление из зубчатых колёс и троса. С помощью лебёдки во время строительства поднимали наверх цементный раствор и другие тяжести.

Мальчики подошли к лебёдке и принялись по очереди крутить ручку. Им было весело.

— Сейчас я принесу зерна, и у нас получится настоящая мельница! — придумал Егор.

Он побежал в сарай и принёс в банке зерно.

«Мельница» заработала. Сергей крутил ручку, а Егор сыпал зерно между зубьями лебёдки. Мелкие кусочки

зёрен падали на землю, и мальчикам было интересно наблюдать за этим. Егор так увлёкся, что не заметил, как его рука коснулась колеса, и тут же один из зубьев зажал указательный палец. Острая боль пронзила Егора с головы до ног, и он закричал. Сергей испугался, но сообразил крутануть ручку в обратную сторону. Егор выдернул раздавленный палец. Из раны горячей струёй текла кровь.

Собрание подходило к концу. Служитель совершал заключительную молитву, когда с улицы донёсся отчаянный крик.

Каждая мать может узнать голос своего ребёнка, особенно если он кричит от боли или страха. Мама Егора тут же выбежала на улицу. В углу двора она увидела плачущего сына с вытянутой вперёд рукой. Из раненого пальца текла кровь.

В медпункте фельдшер промыл рану специальным раствором, смазал мазью и забинтовал руку.

— В другой раз будь осторожней,— посоветовал он на прощание. — Так можно не только палец, а всю руку покалечить!

По дороге домой Егор не проронил ни слова. Палец сильно болел. Егору было не только больно, но и стыдно. Ему уже исполнилось десять лет, и он хорошо знал, что за непослушание наказывают не только родители. Бог тоже может наказать.

«Я плохо сделал,— судил себя Егор. — Надо было слушать, о чём проповедуют братья, и учиться побеждать, как любит повторять папа. А я снова поддался искушению...»

Дома Егор с сожалением признал:

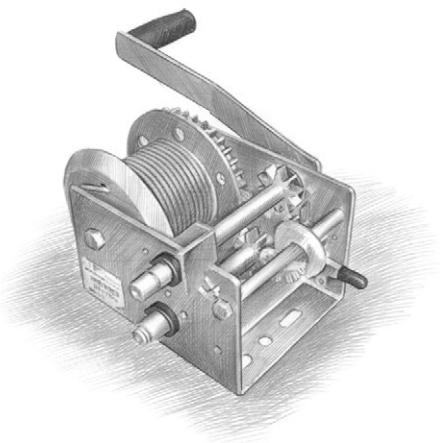
— Папа, я сам во всём виноват. Ещё и Сергея позвал за собой...

Отец долго смотрел то на забинтованную руку сына,

то на его печальное лицо. Ему понравилось то, что Егор не оправдывался. О, если бы этот драгоценный урок он запомнил на всю жизнь!

— Да, Господь нас очень сильно любит,— вслух сказал отец. — Он учит нас не только в молитвенном доме, но и за его пределами. Только уроки эти очень разные. В молитвенном доме Господь учит через Своё слово — слушай, запоминай и поступай так, как написано в Библии. А вот за пределами молитвенного дома уроки бывают другие. Иногда Бог вынужден причинять нам боль, чтобы мы исправились.

Егор кивнул. Он понял, что во время собрания лучше находиться в доме молитвы, а не гулять во дворе. Он просил прощения и у родителей, и у Господа. А шрам на указательном пальце остался на всю жизнь как напоминание о том, что нельзя пренебрегать богослужением и словом Божьим.



Слепое желание

пятом «б» классе на уроке истории учительница рассказывала, как из мохнатой обезьяны постепенно «получался» человек и показывала плакаты, на которых был изображён процесс эволюции.

Рассказ учительницы прервал стук в дверь. Не успела она выйти в коридор, как класс оживлённо загудел. Самые смелые в одно мгновение оказались у доски и, изображая нарисованных животных, принялись ходить на четвереньках. Некоторые с любопытством стали перелистывать классный журнал. Вдруг из последнего ряда полетел бумажный самолётик, на крыльях которого красными чернилами было написано: «Религия — опиум для народа». Самолётик упал на третью парту, чуть ли не в руки Сони, любительницы всяких выдумок.

— Девчонки! — подскочила Соня. — Давайте пометим нашу Лену! Давайте мелом напишем на спине: «Богомолка»!

По классу прокатился дружный хохот.

— Давайте! — тут же отозвались некоторые, готовые поиздеваться над невысокой смуглой девочкой, спокойно сидящей за первой партой.

Лена замерла в напряжённом ожидании. Ей часто приходилось переносить всякие колкости и оскорбления от одноклассников. Она знала, что девочки на самом деле могут написать её прозвище на тёмном свитере. А мел потом не так просто стереть. Лена запереживала и стала мысленно просить у Бога милости и защиты.

— Да что вы к ней привязались? — вдруг заступилась за Лену самая высокая и боевая девочка. — Что она вам плохого сделала?

— Богомолка она!

— Ну и что? Пусть богомолка! Зачем издеваться над ней? — не унималась заступница. — Соня, ты придумала бы что-нибудь поинтересней. Всегда одно и то же!

— Тогда давайте...

Соня не успела предложить новую идею: в класс вошла учительница, и урок продолжился.

После занятий Лена шла домой одна. События прошедшего дня навевали ей грустные мысли: «Как хорошо Олесе и Наде! — с тайной завистью уже не в первый раз вспомнила она верующих девочек, которые учились в параллельном классе. — Их никто не обижает, не обзывает. А меня чуть ли не каждый день унижают, обсмеивают... Как было бы хорошо учиться с ними в одном классе!..»

На занятиях в воскресной школе и дома Лена не раз слышала, как в молитве некоторые говорили Богу: «Да будет воля Твоя». Так когда-то молился Иисус. Она понимала, что эти слова означают: пусть будет так, как хочет Бог.

Лена очень хотела перейти в другой класс, но не знала, хочет ли этого Бог. Поэтому в своей молитве она не говорила: «Да будет воля Твоя». Она просила:

— Господи, Ты видишь моё желание перейти в параллельный класс. Прошу Тебя, сделай так, чтобы меня перевели. Я не хочу, чтобы надо мной постоянно смеялись...

Летние каникулы принесли Лене много радости, но почему-то очень быстро пролетели. Воспоминание о школе лишало Лену хорошего настроения: опять будут насмешки, унижения...

Августовское тепло как-то быстро сменилось прохладой, пошли дожди. Учёба в «родном» классе казалась Лене такой же мрачной и грустной, как и наступившая ранняя осень.

Как-то раз на перемене Лена одиноко стояла у большого окна в школьном коридоре. По стеклу, словно слёзы, бежали мелкие струйки дождя.

За спиной послышались быстрые шаги, и Лена обернулась.

— Полина Ивановна,— робко обратилась она к проходившей мимо классной руководительнице параллельного класса,— возьмите меня, пожалуйста, в свой класс!

Полина Ивановна даже не выслушала Лену до конца и категорично покачала головой. Нет, она не может это сделать. Лена еле сдержалась, чтобы не расплакаться. В это время она увидела завуча, который торопливо вошёл в учительскую.

«Он добрый, может, подойти к нему? — подумала Лена. — Он наверняка разрешит...»

Окрылённая надеждой, Лена едва дождалась конца занятий. С сильно бьющимся сердцем она постучала в кабинет завуча.

— Войдите! — послышался знакомый голос.

За большим письменным столом, заставленным стопками книг и тетрадей, сидел уже немолодой мужчина с большими залысинами. Он выслушал просьбу Лены и, немного подумав, сказал:

— Мне Полина Ивановна уже говорила о твоём желании. Взять тебя в свой класс она пока не может. Так что я ничем не могу тебе помочь...

Лена ушла домой с печальным сердцем. Ей отказали в просьбе, но она продолжала молиться и просить Иисуса, чтобы Он исполнил её желание.

Лена не думала о том, нравится Господу её желание или не нравится. Мама уже несколько раз объясняла ей, что трудности очень нужны человеку, что они помогают приближаться к Богу, помогают лучше видеть Его благословения и защиту. Но Лена не хотела

прислушиваться к этим наставлениям и видела себя в полной безопасности только в другом классе.

Последняя четверть стала для Лены памятной. Её наконец-то перевели в «а» класс! Счастью девочки не было предела. Наконец она получила то, чего так долго хотела!

Одноклассницы приняли Лену в своё общество доброжелательно и быстро подружились с ней. Теперь Лену никто не обижал и не высмеивал.

Вскоре Лена заметила, что Надя и Олеся — общительные и весёлые подружки — всегда оказывались в центре всех классных событий. Девочки быстро находили выход из различных затруднений и удачно придумывали всякие шалости. Лена была застенчивой и нерешительной, но, глядя на подружек, не хотела отставать от них.

Незаметно для себя, Лена стала подражать Наде и Олесе. Ей уже ничего не стоило уйти с последнего урока или не подготовить домашнее задание, а потом наспех у кого-нибудь списать.

Как-то раз на уроке биологии Олеся с Надей что-то оживлённо выясняли между собой. Лена оглянулась. Девочки не обратили на неё никакого внимания. Лену разбирало любопытство. Ей непременно хотелось узнать, о чём они так оживлённо беседуют.

«Как же узнать? — озадачилась Лена и тут же придумала: — Напишу записку!»

К девочкам полетел белый бумажный квадратик. Подружки увлеклись перепиской. Они хихикали, вновь и вновь отсылая друг другу записки. Увлечённые своим делом, они даже не услышали замечания учительницы.

— Как вам не стыдно! — потянул Лену за рукав мальчик с соседней парты. — Вы же верующие!

Лена готова была провалиться сквозь землю. От её весёлого настроения не осталось и следа.

Слова одноклассника пронзили её сердце. Действительно, как они ведут себя? Почему так бессовестно нарушают школьную дисциплину? Осуждающие мысли одна за другой больно ранили сердце Лены.

Дома Лена рассказала маме о том, что произошло в школе.

— Я знаю секрет всех этих происшествий,— сказала мама.

Лена съёжилась. Что же мама сейчас скажет?

— Совсем недавно ты ушла от трудностей, которые помогли бы тебе больше молиться и смиряться перед Богом. Вот в этом весь секрет. Ты лишила себя Божьих благословений. А жизнь без трудностей приводит к греховному веселью, к пустоте и удаляет человека от Бога.

Открытый урок

Один из морозных зимних дней Вова пришёл из школы домой грустный и невесёлый. Мама подала ему обед и поинтересовалась, как у него дела.

— Нормально,— нехотя ответил он.

«Что-то скрывает, не хочет рассказывать...» — встревожилась мама и снова спросила:

— Чем вы сегодня занимались в школе?

— Учились... — Вова хотел ещё что-то сказать, но потом передумал.

Он быстро поел, поблагодарил за пищу и ушёл в свою комнату.

Мама осталась хлопотать на кухне, ожидая прихода старших детей и мужа с работы. Мысленно она взывала к Богу о помощи, чтобы Он послал ей мудрость поговорить с сыном и помочь ему.

Часа через два зазвонил телефон. Звонила учительница Валентина Георгиевна.

— Володя сказал, что вы завтра куда-то уезжаете и он не придёт в школу. Скажите, вы могли бы отложить эту поездку? — спросила она.

Мама удивлённо ответила:

— Мы никуда не собираемся.

— Значит, Володя придёт на занятия? — обрадовалась учительница. — Знаете, я на него рассчитываю! Завтра у нас будет открытый урок, и я некоторых детей предупредила, что они будут участвовать.

Мама забеспокоилась: наверное, не просто так Вова прибегнул к обману.

— А на какую тему будет открытый урок? — поинтересовалась она.

— Воображение,— охотно ответила Валентина Геор-

гиевна. — Ребята должны будут по памяти дорисовать хвост русалочке или же одеть гномика. Будут работы и с другими сказочными существами. Много всяких заданий будет...

— Наш сын не может участвовать в таком мероприятии,— твёрдо сказала мама, поняв суть урока.

— Почему? Это снова связано с вашей верой? О, как мне надоели ваши странности!

Учительница рассерженно положила трубку.

«Вот почему Вова решил не пойти завтра в школу...» — поняла мама.

Она застала Вову за чтением книги.

— Звонила Валентина Георгиевна. Почему ты мне не рассказал, что у вас произошло? Зачем ты её обманул?

Володя покраснел.

— Я не знал, что мне делать! Не хочу быть на таком уроке!

— Я тебя понимаю,— по-дружески сказала мама. — Христианин не должен иметь никакого дела с демоническими существами, хотя многие говорят, что это безобидные сказочные персонажи, и рисуют их улыбающимися и добрыми. Действительно, сама игрушка, изображающая, например, гнома, не страшна. Но гном олицетворяет неземную силу, и мы хорошо знаем, что это не Божья сила. Дьявол хочет увлечь детей этими интересными персонажами, чтобы связать их с бесами, и тогда они не будут служить Господу Иисусу. Нам надо бодрствовать, чтобы не поддаваться уловкам сатаны. Библия говорит, что связь с демонами — это мерзость. Хорошо, что ты твёрдо решил не участвовать в таких делах. Но ты пошёл путём обмана, а это тоже грех!

— Я не знал, что делать,— оправдывался Вова. — Всё произошло так неожиданно... Я ничего лучшего не смог придумать.

Вова вздохнул и отодвинул книгу.

— А помолиться ты забыл?

— Да... — Вова открыто посмотрел маме в глаза. — Я растерялся и даже не вспомнил, что нужно помолиться.

— У нас самих никогда не хватит мудрости для святых поступков. Поэтому нужно всегда просить помощи у Господа. А теперь тебе надо просить прощения у Валентины Георгиевны.

— Мама, давай мы с тобой помолимся, я попрошу прощения у Бога, и всё,— оживился Вова.

— Нет, не всё,— покачала головой мама,— ты же виноват перед учительницей! Если ты ей не признаешься,

она будет думать, что христиане легко могут обмануть, когда им это выгодно. Давай помолимся, и Господь поможет тебе попросить у неё прощения.

Утром Вова пошёл в школу вместе с мамой. Она хотела поговорить с учительницей.

Валентина Георгиевна была в хорошем настроении, чему мама обрадовалась.

— Я хочу пояснить, почему Вова не может участвовать в открытом уроке, о котором мы вчера говорили,— сказала мама. — Мы верим в живого Бога, любим Его и поклоняемся Ему. Мы признаём сверхъестественную силу, которая исходит от Бога и действует в жизни людей. Сказочным и мифическим персонажам тоже приписывают сверхъестественную силу, но она исходит не от Бога. Библия объясняет нам, как действует Бог и как действует дьявол, и запрещает всякое общение с бесами. Поэтому мы ограждаем своих детей от влияния на них демонических сил.

Валентина Георгиевна слушала внимательно, не перебивала.

— Я хочу подарить вам Библию,— мама достала из сумки книгу. — Почитайте её, пожалуйста!

— Спасибо! — поблагодарила учительница. — Я охотно почитаю эту святую книгу.

Вова попросил прощения за обман, и учительница добродушно его простила.

А дома они всей семьёй молились о том, чтобы Господь помог Валентине Георгиевне поверить всему, что написано в Библии.

Забитый гвоздь

Николай Афанасиевич устало опустился в кресло. В ожидании семьи, которая собиралась в гостиную для молитвы, он думал, что прочитать детям в этот вечер. Неожиданно его рука нащупала трещину в подлокотнике.

— Столько лет служило,— провёл он ладонью по блестящей ручке кресла,— и вот уже износилось. Надо бы починить...

— Сюда надо забить гвоздь! — сообразил восьмилетний Веня.

— Я забью! Можно? — оживился Костя, весёлый непоседа-первоклассник.

— Нет-нет,— остановил их отец,— гвоздь сюда нельзя забивать!

— Ну, папа, кресло же надо отремонтировать! — настаивал Костя.

— Да, его надо ремонтировать,— согласился отец,— только не гвоздями. Эту щель можно заделать специальным клеем.

На другой день Николай Афанасиевич по привычке сел в кресло и вдруг обнаружил в подлокотнике неумело забитый большой гвоздь.

— Дети, кто это сделал? — строго спросил он.

Все в недоумении смотрели на торчащую шляпку гвоздя, и один за другим стали отнекиваться:

— Это не я...

— И не я!

— Это не я, папа!

— А кто же? — тяжело вздохнул Николай Афанасиевич. — Чужие это сделать не могли.

С некоторых пор Николай Афанасиевич начал замечать, что дети стали обманывать, и это печалило его. Он

хотел, чтобы дети как можно раньше научились признаваться в своих проступках.

На отца невинно смотрели пять пар глаз. Кто же так умело маскируется? Взгляд Николая Афанасиевича остановился сперва на Вене, потом на Косте, на Диме.

«Кто-то из них,— предположил отец. — Девочки не станут этого делать».

— Веня, ты забивал гвоздь?

— Нет.

— Костя, ты?

— Нет,— испуганно взглянул он на отца.

— Дима?

— Нет, папа,— мотнул он головой.

Отец некоторое время наблюдал за детьми, ждал признания, но они молчали. И тогда он с печалью в голосе сказал:

— Жаль, что вы не признаётесь. Иисус Христос учит нас признаваться в своих грехах и просить прощения, чтобы совесть оставалась чистой. Хорошо, если и вы будете так делать, чтобы нам вместе служить Богу и идти в небо.

* * *

— Не догонишь! Не догонишь! — смеялся Дима, убегая от прыгающего на одной ноге Кости.

— Всё! Я не хочу больше играть в догонялки,— сел на пол раскрасневшийся от игры Костя. — Давай в прятки поиграем! Я первый буду прятаться.

Дима подчинился старшему брату. Он встал за дверь и зажмурил глаза.

— Один, два, три...

Костя пробежал глазами по комнате, ища место понадёжнее: «За шторой — быстро найдёт... Под кровать? Под вешалку? В шкаф?..» Его взгляд упал на большую коробку на шифоньере.

«Вот там он меня никогда не найдёт!» — подумал непоседа, и в его глазах блеснули озорные огоньки.

— ...Пять, шесть... — громко отчеканивал Дима за дверью.

Костя метнулся к шифоньеру. Он неслышно прыгнул на спинку кресла, ухватился за край шифоньера, легко подтянулся и взобрался наверх. Через мгновение он скрылся в коробке.

— ...Десять! Я иду искать! — выбежал Дима из-за двери.

Костя слышал, как братишка искал его по всей комнате: раздвигал шторы, заглядывал под кровать, в шкаф...

— Костя, где ты? — наконец жалобно позвал Дима.

Довольный Костя тихонько посмеивался в коробке: «Ты меня ни за что не найдёшь!»

Дима пошёл по второму кругу: заглянул в шкаф, полез под кровать. А Костя уже не мог столько времени лежать скрюченным и решил чуть-чуть повернуться. Он слегка вытянул одну ногу и в то же мгновение почувствовал, что коробка начала наклоняться.

В считанные секунды коробка вместе с Костей полетела вниз. Раздался пронзительный крик...

* * *

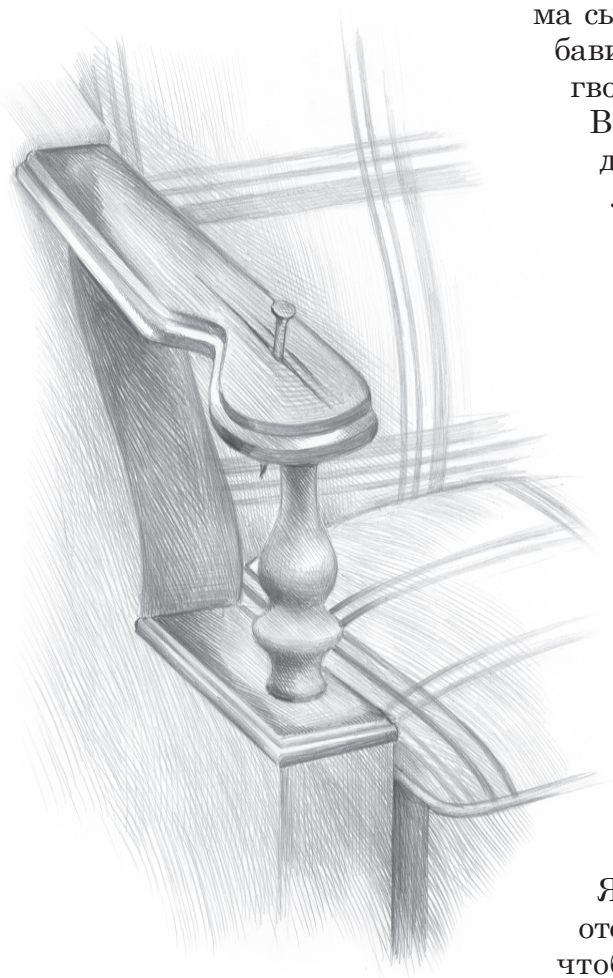
«Скорая помощь» доставила Костю в травматологическое отделение городской больницы.

— Ну и ну! — приговаривал хирург, осматривая пострадавшего. — Благодари, мальчик, Бога, что кости целые остались. Ну а рана заживёт...

Доктор промыл разорванную щёку и наложил швы.

— Смотри, больше так не падай! — пожелал он на прощание.

Было уже темно, когда Костю привезли домой. Никто ещё не спал. Все хотели видеть брата и знать, что с ним.



— Ну как, всё обошлось? Кости целы, ничего не сломал? — встретила мама сына на пороге и добавила: — Ох уж этот гвоздь!..

Все притихли, увидев повязку на голове Кости.

— Это я его забил... — превозмогая боль, чуть слышно произнёс Костя.

— Как жаль, что ты так поздно сознаёшься! — сказал Николай Афанасиевич, сочувствуя сыну. — А ведь можно было сделать это раньше. Может, и не случилось бы с тобой такой беды... Я хочу,— обратился отец ко всем детям,— чтобы вы запомнили очень важную истину: Господь хранит тех, у кого сердце чистое. И если вы согрешите, спешите просить прощения. Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха...

Неудавшаяся игра

ятилетний Марк нетерпеливо посматривал в окно поезда. Он ехал с отцом в гости к его давнишним друзьям, которые жили на юге Украины. Чем ближе они подъезжали к станции, тем серьёзнее становилось папино лицо. Марк понимал, что папа мысленно молится Богу и переживает о встрече, потому что его друзья неверующие.

— Марк, мы уже скоро приедем,— сказал отец. — Не забывай, что ты верующий и должен хорошо себя вести.

— Да, папа,— согласился Марк. — Я буду стараться.

Наконец поезд остановился. Папин друг встретил их прямо на перроне и, весело разговаривая, повёз на машине к себе домой. Там гостей ждал вкусный обед. Взрослые о чём-то оживлённо разговаривали, а Марку хотелось скорее выйти на улицу и с кем-нибудь познакомиться.

Отец, конечно, угадал желание сына и вышел с ним во двор. Посмотрев вокруг, он разрешил Марку поиграть на площадке возле дома.

— Не забывай только, о чём я тебя просил,— напомнил отец.

— Хорошо! — улыбнулся Марк.

На площадке играл какой-то мальчик. В тени на лавочке сидела его мама. Дети познакомились. Мальчика звали Захар.

— Давай поиграем,— предложил он.

— Давай,— согласился Марк.

— А у тебя есть игрушки?

— Нет.

— Ну, тогда будем играть моими!

Захар побежал к песочнице, увлекая за собой Марка.

Когда Марк увидел игрушки, он решительно остановился. В песочнице валялись фигурки солдат, а также пистолет, пушка и танк.

— Вот! — с гордостью выдохнул Захар и, не заметив ответного восторга, удивлённо спросил: — Что, тебе не нравятся мои игрушки? Ими можно поиграть в войну!

— Я не могу играть в войну,— серьёзно покачал головой Марк.

— Почему? — ещё больше удивился Захар.

— Я верующий, а верующим нельзя играть в войну. Иисус не разрешает стрелять и убивать.

Не зная, что ответить, Захар побежал к своей маме, а Марк пошёл к отцу и рассказал ему о том, что игра не получилась.

— Молодец, сынок, правильно ты поступил,— отец погладил Марка по голове. — Играть в войну не надо. Когда мальчик стреляет из игрушечного пистолета, он представляет себе, как падают убитые им люди. Так он приучает себя к страшному греху — убийству. Когда он вырастет, ему не страшно будет не только обижать других людей, но и убивать их. Это большое зло и великий грех. Ты хорошо сделал, что не согласился играть в плохую игру.

Через минуту в дверь кто-то постучал. Это пришёл Захар. Он позвал Марка на улицу.

— Иди, сынок,— разрешил отец. — Может, вы в другую игру поиграете.

— Если не можешь играть в войну, давай поиграем в «человека-паука»! — предложил Захар.

Марк не знал такой игры, но понимал, что человек не может быть пауком.

— В эту игру я тоже не буду играть,— покачал он головой.

Захар разозлился.

— Тогда сам играй! — крикнул он и побежал к маме.

Опустив голову, Марк вернулся к отцу.

— Ты почему такой невесёлый, сынок? — встретил его отец.

— Опять игра не получилась...

— Ну, не переживай! Ты очень хорошо поступил. Верующие всегда должны так делать. Господу Иисусу нравятся такие верные мальчики. Садись на диван, посмотри вот эту книгу о животных. Я поговорю ещё немного с друзьями, а потом мы с тобой поиграем, хорошо?

— Да! — улыбнулся Марк.

Не готов

тоял ясный зимний день. Солнце светило ярко и весело. В его лучах доверчиво нежились желтогрудые синички. Небольшой стайкой они сидели на рябине и чистили свои пёрышки. Всю ночь тихо сыпал снег. Теперь он лежал, словно толстое белоснежное покрывало, и искрился на солнце. То тут, то там на улицу выходили хозяева и расчищали дорожки к своим жилищам.

Иван Семёнович — почтенный седовласый старец лет восьмидесяти — тоже неторопливо убирал снег возле своего двора.

Отбросив очередную груду снега, он остановился и, опёршись на лопату, стал наблюдать за чирикающими синичками. Скрипнула соседская калитка, и на улицу вышел десятилетний мальчик Назар. Посмотрев по сторонам, он сразу заметил птичек на дереве и, слепив снежок, весело запустил им в невинную стаю. Перепуганные синички разлетелись в разные стороны, а ягоды рябины красным дождём посыпались в снег. Иван Семёнович покачал головой:

— Ох, Назар, Назар, смотрю на тебя: не готов ты к пришествию Господа!

Мальчик опустил голову, но через секунду, прищурив глаз, спросил:

— А вы, дедушка Ваня, готовы?

— Я готов!

— Хоть сейчас? — не унимался Назар.

— Можно и сейчас,— улыбнулся Иван Семёнович.

Назар с завистью посмотрел на соседа.

«Неужели дедушка совсем не грешит? — подумал он. — А может, он притворяется? Вот бы проверить! Надо что-нибудь придумать!»

Назар потёр руки. Он частенько шалил исподтишка, за что ему доставалось от отца. Его родители совсем недавно стали посещать собрания верующих и покаялись. Теперь в их семье всё было не так, как прежде. Назару что-то нравилось, а что-то нет. Он нехотя ходил на богослужения, молился тоже с неохотой, Евангелие было для него пока ещё скучной книгой. Читать детскую Библию с красочными картинками было куда интересней! Нравилось Назару и то, что в церкви на Рождество и на Пасху дарили подарки.

Верующий сосед Назару не очень нравился, хотя родители любили его. Не было такого дня, чтобы мама Назара чем-то его не угостила. Старик радовался угощению и всегда сердечно благодарил.

Несколько дней Назар пытался придумать какую-нибудь каверзу, чтобы досадить Ивану Семёновичу.

Однажды мама испекла пирожки и попросила Назара отнести их Ивану Семёновичу. Назар неохотно согласился. Неожиданно ему пришла в голову шаловливая мысль: «А что если...» Назар тихонько рассмеялся. Он открыл хлебницу, взял кусок сухого хлеба и положил в карман. По дороге к соседу он поменял пирожки на сухарь.

«Интересно, будет ли теперь дедушка благодарить маму?» — думал он.

Назар поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

— Заходи, Назар, заходи, гостем будешь! — обрадовался старик.

— Нет, я спешу,— отказался Назар. — Я вам гостинец принёс от мамы. Вот, возьмите!

Назар передал свёрток и сразу же убежал.

С тех пор он охотно брал у мамы угощения для дедушки и незаметно менял содержимое пакета на сухой хлеб. А Иван Семёнович продолжал благодарить соседей за их внимание.

«Неужели он искренне благодарит? — не верил Назар. — Как можно благодарить за сухой хлеб? Не понимаю!»

Однако глаза старца при встрече с соседями по-прежнему искрились приветливостью и добротой.

Как-то раз, возвращаясь от дедушки, Назар поскользнулся, упал и сильно ударился подбородком о промёрзшую землю. В голове стрелой пронеслась мысль: «Это наказание за то, что обижаю дедушку Ваню!» К вечеру подбородок посинел от ушиба и сильно разболелся прикушенный язык.

«Всё, надоело мне бегать к этому деду! Его, видать, ничем не проймёшь»,— досадовал Назар, вместо того чтобы раскаяться и перестать делать зло.

Чем больше Назар думал об Иване Семёновиче, тем больше он на него сердился, и тем больше ему хотелось вывести старика из терпения.

Однажды вечером Назар отпросился у отца к другу, якобы по срочному делу. Отец отпустил его, взглянув при этом на часы:

— Не поздновато ли?

— Я ненадолго! — пообещал Назар, на ходу надевая пальто.

Вечер был морозный. Затянутое тучами небо почти не пропускало лунного света. Во многих домах уже было темно. Назар подошёл к жилищу Ивана Семёновича и, войдя во двор, заглянул в окно. Старец готовился ко сну.

— Ага, недолго мне ждать! — прошептал Назар и поёжился от холода.

Иван Семёнович щёлкнул выключателем, и дом погрузился в ночную темноту. Назар немного подождал, затем громко постучал в окно и тут же спрятался за угол дома.

— Кто там? — послышался дедушкин голос.

Старец открыл дверь и выглянул на улицу.

— Кто здесь? — спросил он и, потоптавшись на месте, закрыл дверь.

Назар запрыгал от удовольствия, подбежал к окну и опять постучал, на этот раз ещё громче и настойчивее. В доме зажёгся свет, и старик, поднявшись с кровати, вновь выглянул на улицу. Вокруг было тихо, и только во дворе напротив залаял пёс. Он не любил Назара за то, что тот бросал в него снежки.

Когда Назар в третий раз постучал в окно к Ивану Семёновичу, пёс залаял так отчаянно, что его хозяйка вышла во двор.

— Ты чего лаешь?! Близко никого нет! — пожурила она собаку. — Видать, засиделся ты на цепи, иди-ка, погуляй!

Хозяйка отвязала пса и ушла в дом. Собака сразу же перебежала через дорогу. Назар испугался. С одной стороны дедушка уже открывал дверь, а с другой — приближался озлобленный пёс. Шалун беспомощно огляделся. Напротив крыльца стояла раскидистая ель. Её пушистые нижние ветви лежали прямо на снегу. Подгоняемый страхом, Назар юркнул под колючие еловые лапы и замер.

На крыльце появился Иван Семёнович в тулупе и тёплых валенках.

— Кто же тут стучит? — без тени раздражения спросил он.

Пёс подбежал к нему и завилял хвостом.

— Ты здесь никого не видел? — погладил его старик.

Пёс потянул носом и, зарычав, направился к дереву. Колючие иглы мешали ему пробраться сквозь ветки, и это ещё больше злило его.

Назар оцепенел от ужаса.

— На кого ты лаешь? — подошёл к ели Иван Семёнович. — Здесь, наверно, кот от тебя спрятался! Ну,

перестань, перестань, идём со мной, обойдём дом, двор осмотрим.

Увлекая за собой собаку, старик повернул за угол дома. Назар в одну секунду выкатился из-под ели и что было духу помчался домой.

В тот вечер Назар долго не мог уснуть. Он злился то на Ивана Семёновича, то на себя, то на соседского пса. И всё же ему пришлось согласиться с тем, что и этой проделкой он не смог вывести дедушку из терпения. Потом он вспомнил, что через неделю наступит Рождество, и его настроение сразу изменилось. Родители обещали подарить ему к празднику коньки. Он живо представил себя на льду с клюшкой в руках и незаметно уснул.

Несколько дней спустя отец пришёл с работы немного позже обычного и сразу же позвал к себе сына.

Назар робко вошёл в столовую и вопросительно посмотрел на отца. В последнее время его тревожило то, что родители узнают о его проделках, и тогда рождественского подарка ему не видать.

Но отец был приветлив. Указав на сумку, он улыбнулся:

— Можешь открыть.

Назар расстегнул замок и достал голубую коробку. Его сердце гулко забилось, а рыжие веснушки на лице стали ещё ярче.

— Коньки! Конечно же, коньки! Спасибо, папочка!

— Не только мне спасибо, маме тоже. Это она уговорила меня подарить тебе раньше праздника.

— Спасибо! Я так ждал эти коньки! — запрыгал от радости Назар.

На следующий день, в канун Рождества, Назар после школы отправился на лёд. С необыкновенным наслаждением кружил он по замёрзшему озеру. Скоро уже и ребята придут играть в хоккей. Теперь он вместе с ними будет гонять шайбу. Хотя в церкви и говорят, что в эту

игру лучше не играть, но ведь он только немножко поиграет...

Вдруг Назар увидел Ивана Семёновича. Старик медленно шёл по другой половине озера. Назар разогнался ему навстречу, хотел похвастаться коньками. Дедушка заметил его и тут же замахал руками, что-то крича в его сторону. Но Назар ничего не слышал.

— Назад! Назад! — донеслось наконец до его слуха.

И вдруг прямо перед собой Назар увидел прорубь. Он попытался повернуть в сторону, но было уже поздно. На всей скорости Назар влетел в ледяную воду. Он начал хвататься за края проруби, но намокшая одежда и тяжёлые коньки тянули его ко дну. Варежки соскочили с рук, и коченеющие пальцы совсем не слушались. Назаром овладел ужас. И лишь надежда на помощь Ивана Семёновича придавала ему сил. Старец тем временем осторожно подполз к самому краю проруби.

— Держись, внучек, я сейчас, сейчас. Господи, помоги нам! — шептал старик.

Он схватил Назара за воротник и, собрав все силы, рывком вытащил его из воды. Тяжело дыша, они лежали на льду. Назар никак не мог встать на ноги — мешали коньки. Иван Семёнович оттолкнул его подальше от края и попытался встать сам, но намокший лёд оказался настолько скользким, что старик не удержался и, к ещё большему ужасу Назара, соскользнул в воду.

— Дедушка! Дедушка! Помоги-и-те! — изо всех сил закричал Назар.

Но поблизости никого не было, никто не поспешил на помощь. Назар сбросил коньки и попытался пробраться к ледяной кромке.

— Назар! Не смей приближаться к воде, не устоишь на льду! — прохрипел старик, переводя дыхание. — Беги домой...

— А как же вы, дедушка?! — заплакал Назар.

— Обо мне не беспокойся. Я готов встретиться с Богом, а вот ты ещё не готов. Тебе нельзя умирать.

— Нет! Нет! — запротестовал мальчик. — Господи, прости меня и спаси дедушку!

Вдалеке показалась лошадь с санями.

— Дя-день-ка! — изо всех сил закричал Никита. — Дя... — и его голос перешёл в хрип.

Назар пришёл в себя оттого, что ему было очень тепло. Боль в мышцах от судорог прошла, и он ощущал приятную лёгкость во всём теле. Открыв глаза, он увидел перед собой маму и тут же вспомнил об Иване Семёновиче.

— А где дедушка? — еле слышно спросил он.

— Иван Семёнович на печи. Папа растирает его пихтовым маслом,— ответила мама.

— Я хочу к нему, можно?

— Только после того, как выпьешь горячий чай с липой...

Минут через двадцать Назар влез на печь, где лежал Иван Семёнович. От него, как и от Назара, пахло пихтой.

— Ну что, друг, Рождество на печи встречать будем? — приветливо встретил Назара старик.

Назар юркнул к нему под одеяло.

— Дедушка, простите меня,— прошептал он.

— За что?

— За то что на той неделе к вам в окно стучал, а ещё раньше гостинцы от мамы на сухой хлеб менял... Я хотел узнать: на самом ли деле вы готовы встретиться с Богом... — Назар немного помолчал, потом тихо добавил: — И Господь показал мне, что вы готовы, а я нет...

— У тебя ещё есть возможность всё исправить,— сказал Иван Семёнович.

Назар приподнялся:

— А когда надо начинать готовиться к пришествию Господа?

— Да вот прямо сейчас и начинай. Ведь время-то какое — канун Рождества! Попроси у Господа прощения за все свои грехи и пригласи Его войти в твоё сердце и жить в нём. Только с Его помощью ты сможешь быть всегда готовым к пришествию Господа.

Назар ещё никогда не был так счастлив, как в этот вечер. Он внимательно слушал то, что читал и говорил отец на их праздничном домашнем собрании: «...ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель...»

Для всех в доме была великая радость в том, что Спаситель родился и в сердце Назара, который признал себя грешником и попросил прощения за все свои проделки.

Нет ничего нового

ак не хочется огорчать девчонок...» — думала Лиля, вспоминая разговор с одноклассницами.

На последнем уроке учительница сообщила, что в субботу для старшеклассников будет организован вечер под названием «Бал цветов». Девушки могут проявить свою фантазию и украсить себя всевозможными цветами. Всё должно быть изумительно и блистательно!

— Обязательно придите все! Не подведите меня! — попросила учительница. — Лиля, ты тоже приходи, будет очень интересно!

Лиля покраснела от такого внимания.

После уроков девочки обступили Лилю — всем хотелось знать, придёт ли она на вечер.

— Вы же знаете, что я на танцы не хожу!

— Что в этом плохого? — недоумевали одноклассницы. — Это же впервые такой праздник — «Бал цветов»! Неужели тебе не интересно?!

— Если хочешь, я дам тебе своё нарядное платье,— сказала одна из девушек.

— А я сделаю тебе красивое ожерелье из живых цветов,— подхватила другая.

— Я не пожалею для тебя своих самых дорогих духов... — добавила третья.

Весь день все эти разговоры звучали у Лили в ушах.

«Скорее бы наступил вечер! — думала она. — Папа придёт с работы и поможет мне принять правильное решение».

Лиля часто рассказывала родителям о своих радостях и невзгодах и всегда получала от них необходимую поддержку. Хотя она училась уже в девятом классе, доб-

рый совет родителей никогда не мешал ей и не лишал самостоятельности.

Перед вечерней молитвой отец, словно зная о переживаниях старшей дочери, прочитал текст из Послания Иакова:

— Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его.

Едва он поднял глаза от Библии, как Лиля поспешно спросила:

— Папа, а придёт такое время, когда искушения уже не будут нас беспокоить?

— Думаю, на земле это невозможно,— отец покачал головой. — Пока мы в теле, мы будем подвергаться всяким искушениям. А вот на небе искушениям уже не будет места.

Лиля вздохнула.

— Я снова столкнулась с искушением. В субботу в школе будет «Бал цветов»... Меня персонально пригласили на этот вечер, как никогда...

— А тебе самой хочется пойти на этот бал? — поинтересовался отец.

— Нет. Но дело в том, что мне не хочется огорчать девочек. Они так добры ко мне! Я вижу, что они хотят сделать мне приятное...

— Тебя действительно постигло искушение,— согласился отец.

— Может, всё-таки пойти?.. — неуверенно спросила Лиля. — Просто посмотреть немного и уйти...

— Помнишь, в Библии написано, как Дина пошла посмотреть на дочерей Сихема? Там её увидел Еммор. Не она его увидела, а он — её, и потом случилась большая беда.

— Я не хочу быть на вечере, но как сохранить доброе расположение девочек? — спросила Лиля.

— Это сложно,— задумчиво сказал отец. — Скорее всего, даже невозможно. У нас, христиан, совершенно другие цели в жизни. Разумеется, твои одноклассницы будут довольны, если ты согласишься провести с ними вечер. А тебе от этого будет плохо, ты только осквернишь свою душу.

— Для чего Господь допускает искушения? — опустила голову Лиля. — Всё было так хорошо, и вдруг...

— Господь воспитывает нас таким образом,— сказал отец. — В искушениях проверяется наша вера, обнаруживается, чем мы больше дорожим, кого больше слушаем и любим.

Отец сочувственно посмотрел на Лилю.

— Слушаю тебя и невольно вспоминаю свою юность. У меня тоже были подобные испытания. Действительно, «что было, то и будет... нет ничего нового под солнцем». Так сказано в Библии, так оно и есть. Бог помог мне тогда выдержать экзамен.

Дети застыли в ожидании рассказа.

— Когда мои родители стали верующими, они сразу же перестали сквернословить, воровать, гнать самогон. В общем, стали не такие, как все. Я тогда учился в седьмом классе. После обращения родителей нашу семью невзлюбили. Появились проблемы и на работе, и в школе. В газете про нас однажды напечатали клеветническую статью. Один раз даже обыск сделали — забрали христианские книги, магнитофон. В нашем доме часто проходили собрания верующих, и за это родителей штрафовали.

Как-то раз в нашей школе должен был состояться общешкольный вечер. Учительница объявила, что прийти должны все до одного. Я знал, что там обязательно будут танцы. На перемене одноклассники пригрозили мне, что побьют, если не приду.

Конечно, на вечер я не пошёл. В понедельник у вхо-

да в школу меня поджидали почти все мальчики из моего класса. Когда я подошёл к ним и поздоровался, в ответ один сильно ударил меня в спину. За этим ударом последовали пинки, и я влетел в школьное фойе, словно футбольный мяч.

Целый день меня никто не трогал, никто со мной не разговаривал. А после уроков мальчики предупредили: «Мы слова не ветер не бросаем! За то что не пришёл в субботу, получишь сполна!»

После занятий я сразу пошёл домой, умоляя Бога, чтобы Он помог мне перенести побои и не дать сдачи.

Мне нужно было проходить через рощу. Поднявшись на пригорок, я увидел группу одноклассников. Они шли мне навстречу. Один из них, самый задиристый, остановился и, выставив ногу, сказал: «Стой, святоша!» Потом он кивнул ребятам: «Кто будет бить первым?» — «Я!» — крикнул другой мальчик и кинулся ко мне, но задира опередил его и что есть силы ударил меня кулаком в лицо. Они свалили меня на землю и долго пинали, обзывали нехорошими словами.

Неужели меня стоило так бить только за то, что я не пошёл на танцы? Неужели это так серьёзно? Нет, конечно, это вовсе никому не нужно было, в том числе и моим одноклассникам. Но здесь разыгрывалась духовная битва. Сатана восставал на мою душу, чтобы сбить с христианского пути. Он использовал учителей, наполнял их злобой, а они в свою очередь подстрекали мальчиков, чтобы те силой заставили меня отказаться от евангельских принципов.

Мне было больно, конечно. Я шёл домой и плакал, но на сердце всё же была радость, ведь я пострадал за верность Господу! Я понимал, что не могу идти в ногу с неверующими, что мне нечего делать на их вечеринках.

Несколько дней я ходил с синяками, но никому не жаловался. Мальчики меня больше не трогали. С тех

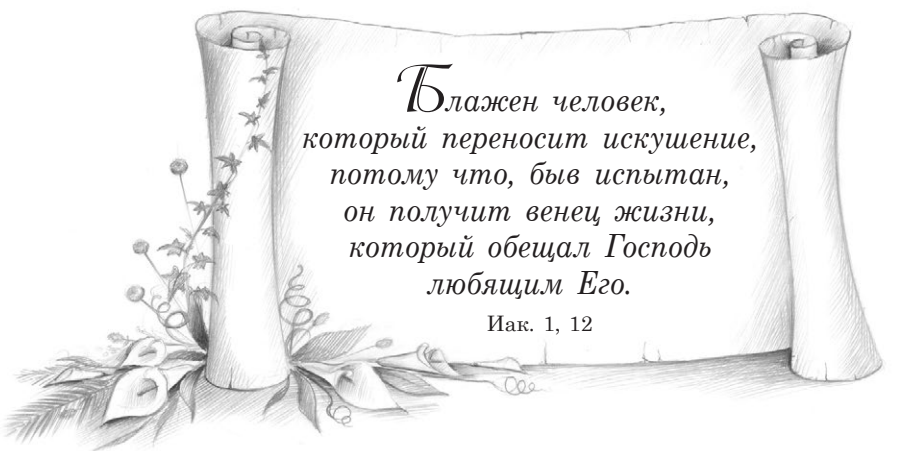
пор ни на какие вечера меня не приглашали.

Широко открытыми глазами дети смотрели на отца. Он никогда ещё не рассказывал им этого.

— Дорого пришлось тебе платить за свои убеждения,— тихо сказала Лиля. — Сейчас за это в школе уже не бьют. Сейчас модно верить в Бога.

— Да, раньше в ход шли кулаки, а сейчас дьявол поменял тактику. Пришло время обольщения, и он заманивает в свои сети лестью. Он старается внушить христианам, что мирские развлечения — это не грех, что можно верить в Бога и в то же время ничем не выделяться среди неверующих. У дьявола одна цель — погубить душу, и он прикладывает все усилия, чтобы достичь этой цели.

— Я поняла,— уверенно сказала Лиля. — Мне нечего делать на вечере. А неверующие девочки никогда не поймут меня, потому что не знают Бога.



Спасительная встреча

а пологом берегу сибирской реки Ангары расположился небольшой посёлок. Весть о спасении через веру в Иисуса Христа достигла и этого места, здесь тоже есть христиане, которые любят Господа и ожидают Его пришествия за церковью.

Слава — сын верующих родителей — покаялся в двенадцать лет. В первое время он особенно ревностно заботился о чистоте своего сердца, старался слушаться родителей, быть примерным учеником в школе. Но прошёл год, и Слава сначала понемногу, а потом всё больше и больше стал увлекаться тем, что противно Богу. Нет, он не курил и не пробовал спиртное, но ему нравилось общаться с неверующими друзьями и вместе с ними изощряться на всякие глупости и смехотворство.

Отец Славы был служителем церкви и часто брал сына с собой на богослужения то в один, то в другой посёлок. Славе нравилось посещать группы христиан и наблюдать, с какой любовью относятся верующие к его отцу. После таких поездок Славе особенно хотелось быть настоящим христианином, серьёзно относиться к делу Божьему, хотелось избавиться от всего греховного и нехорошего, что проявлялось у него.

Однако осуществить свои добрые желания Слава не мог. Встречаясь с друзьями в школе, он забывал о своих благих намерениях и беспечно веселился, участвовал в греховных делах, а потом обманывал родителей, чтобы избежать наказания.

Славе исполнилось четырнадцать лет, когда к ним в посёлок переехала семья, в которой была тринадцатилетняя Ангелина. Она сразу понравилась Славе, и он стал искать всякие причины, чтобы пообщаться с ней.

Он показывал ей рыболовные снасти, с восторгом рассказывал о видах и породах рыб в их реке, преувеличивал, рассказывая о своих подвигах на рыбалке. Ангелина слушала молча и только изредка улыбалась. Она выросла в городе и не представляла себе, как выглядит хариус, таймень или сорога. Её скромность и наивность ещё больше подзадоривали хвастунишку.

Вначале Слава осмелился пригласить Ангелину на рыбалку, а потом и на совместную прогулку. Сперва он переживал, что скажут родители по поводу этой дружбы, а потом успокоил себя тем, что Ангелина верующая, ходит на собрания, значит, с ней можно дружить. Он приглашал Ангелину посмотреть красивые места в близлежащем лесу, на берегу реки.

Нередко Славе вспоминались предостережения отца. Он говорил, что дружба с девочками может привести к таким грехам, из-за которых он никогда не сможет стать служителем церкви, даже если покается. Это страшило Славу. Но к Ангелине его тянуло словно магнитом, и он поддавался своим чувствам, пренебрегая голосом совести.

Слава старался встречаться с Ангелиной в таких местах, где бы их никто не увидел. Обострять отношения с родителями ему не хотелось.

Ранняя весна радовала теплом. На пригорках щедро цвели первоцветы, тут и там пестрела медуница. Полноводная Ангара манила рыбаков. Слава любил рыбачить. Он бы каждый день сидел на берегу с удочкой, да мама ему не разрешала, считая это пустой тратой времени. Она побуждала сына больше времени выделять для чтения Библии, для заучивания стихов, потому что подростковый возраст — лучшая пора для этого. Слава же часто проявлял непокорность.

В тот памятный день мама просила его не ходить на рыбалку. В рыбе нужды не было, и она советовала ему почитать хорошую книгу. К тому же вечером должно

быть молодёжное собрание, и мама хотела, чтобы Слава тоже пошёл на это собрание.

Но Слава не послушался. Он положил в рюкзак котелок, спички, взял продукты и рыболовные снасти, свистнул двух собак — чёрную и рыжую — и отправился. С приподнятым настроением шагал он через посёлок в сторону реки, даже не предполагая, что этот день станет поворотным днём в его жизни.

Минуя поросший кустарником берег, Слава свернул на лесную дорогу. Через пару километров он устроится в удобном месте и будет рыбачить.

Слава быстро преодолел небольшое расстояние и наконец на хорошем ровном берегу раскрутил свою телескопическую удочку. Насадив червяка, он ловко закинул удочку в воду. Поток лихо потянул леску куда-то вперёд. Крючок то и дело цеплялся за ветки и невидимые под водой коряги. Рыбачить не получалось. Освобождая очередной раз зацепившийся за что-то крючок, Слава наклонился и не заметил, как из нагрудного кармана выскользнула банка с наживкой. Она упала прямо в воду! Бурное течение подхватило банку, словно соринку, и понесло в неведомую даль. Несколько раз показав красную крышку, банка скрылась из виду.

Слава с досадой посмотрел на пустой крючок. Уходить не хотелось. Стрелка на наручных часах показывала двенадцать. Самое время для рыбалки! Только без наживки здесь делать нечего!

Вскинув на плечи рюкзак, Слава натянул вязаную шапку пониже на лоб и медленно побрёл по тропинке вдоль берега. Погружённый в свои невесёлые думы, он от горькой досады пинал попадающиеся под ноги камешки.

«И почему сегодня не получилось порыбачить? Надо же было так нелепо потерять наживку! — горевал он. — Может, надо было в другом месте закинуть удочку?

А может, сегодня и вовсе не надо было идти на рыбалку?» Слава вспомнил разговор с мамой.

«Вот результат моего упрямства,— подумал он. — А что будет со мной, если придётся расплачиваться за непослушание, за все грехи?..»

Славе стало жарко и от укоров совести, и от весеннего солнца. Он расстегнул куртку, снял шапку и заткнул её за пояс. Домой он не торопился. В некоторых местах река вышла из берегов и затопила тропинку, и Слава свернул в лес.

Увидев красивую поляну, он разложил костёр и решил поесть. В котелке Слава вскипятил воду и бросил туда веточки одного из кустарников. Получился ароматный чай. Слава поел сам, покормил собак и решил идти домой. Из леса ещё тянуло холодом и сыростью.

Слава вышел на неширокую дорогу, которую проложил трактор, и бодро зашагал навстречу солнцу. Собаки, обнюхивая каждый пень и прошлогодний валежник, бежали впереди. Слава видел, как среди кустов мелькал то рыжий, то чёрный хвост.

Неожиданно собаки подняли яростный лай.

«Кого-то поймали!» — определил Слава.

— Вот тебе и дворняжки! — удивлённо воскликнул он, увидев заманчивую картину.

На высоком расщеплённом пне сидел большой бурундук. Озираясь по сторонам, он тревожно посвистывал и дразнил собак, подёргивая пушистым хвостиком. Увидев хозяина, собаки с ещё большей яростью залаяли, но достать зверька не могли: пень был высокий. Слава поднял палку и хотел было скинуть бурундука на землю, но тот оказался опытным. Он юркнул в расщелину и притаился, ожидая, когда Слава со своими собаками уйдёт. Слава понял, что бурундука ему не достать, отбросил палку и пошёл дальше.

Неудачная рыбалка забылась. Слава шёл по лесу,

с интересом разглядывая верхушки высоких деревьев, прислушивался к весёлому щебету птиц, которые заботливо устраивали свои гнёзда.

Пленённый красотой весеннего леса, Слава не обращал внимания на отчаянный лай собак. Чуть правее дороги тянулись заболоченные места. Надрывный лай раздавался где-то совсем рядом.

«Теперь этот бурундук никуда не денется! Я его непременно поймаю!» — подумал Слава и, свернув с дороги, направился на лай собак.

Среди серых, ещё голых кустов мелькала то чёрная, то рыжая дворняжка. Вдруг там же промелькнуло что-то большое, тёмное. Слава остановился. Неужели это... Неужели... Сердце учащённо забилось, ноги стали как ватные. Слава понял, что это вовсе не безобидный бурундук. Голова закружилась, и Слава был не в силах сделать шаг.

Собаки дразнили... медведя! А он без передышки гонял их по лесу. Почуяв вблизи хозяина, дворняжки кинулись к нему. Медведь — за ними. Славу охватил ужас. Собаки и огромный медведь мчались прямо на него. В считанные секунды собаки, тяжело дыша, встали по обе стороны от Славы. Ещё мгновение — и медведь накинется на свою жертву. В отчаянии Слава попятился. От огромного хищника его отделяло всего метра три.

Не зная, как быть в этой ситуации, Слава неожиданно сделал два шага навстречу зверю и тут же почувствовал горячее, зловонное дыхание. Медведь остановился и отступил назад. Слава шагнул решительнее и, глядя прямо в острые глаза хищника, закричал что было сил: «Господи, спаси меня!»

Не переставая, Слава надрывно кричал, звал на помощь Бога. Медведь медленно отступил метров на десять, затем недовольно фыркнул и прыгнул в сторону мальчика. Слава закричал ещё громче и отчаяннее и

опять шагнул навстречу медведю. Зверь снова попятился. У Славы от собственного крика звенело в ушах и стучало в висках.

Медведь отошёл в сторону и сел между корнями огромного дерева. Поджав под себя одну лапу, он вытянул другую, положил на неё мохнатую морду и уставился на Славу своими зловещими чёрными глазами.

«По-видимому, здесь и нашли его собаки»,— догадался Слава.

Зверь успокоился и стал выжидающе следить за мальчиком. А Слава не переставал кричать. Кричал до хрипоты. Его голос срывался, переходил на свист, но он не переставал вопить: «Господи-и, спаси-и!»

Слава не знал, что в это самое время его старший брат, узнав, что непокорный братишка ушёл на рыбалку, молился о нём Богу. Брат часто бывал в лесу и знал, что весной пробудившиеся от зимней спячки голодные медведи бродят по лесу в поисках пищи и иногда безбоязненно подходят к самому посёлку.

Солнце уже спряталось за деревьями, близился вечер, а картина в лесу не менялась. Собаки несколько раз пытались приблизиться к медведю, но тот, как бы обороняясь, хлопал тяжёлой лапой по земле. От этих ударов сухие ветки и прошлогодние листья разлетались веером, и собаки, поджав хвост, пугливо пятились и отчаянно лаяли.

Несколько часов подряд Слава не смел сдвинуться с места. Спина и ноги занемели настолько, что он не чувствовал самого себя. Из рассказов охотников Слава знал, что звери нападают со спины, поэтому уходить нельзя. И он ждал. Ждал, когда медведь уйдёт первым.

Наконец у Славы не стало не только сил, но и голоса, чтобы кричать. Тогда ему пришла в голову мысль разжечь костёр. Может, огонь спугнёт медведя? Рядом росла молодая берёзка. Не спуская со зверя глаз, Слава

оборвал с неё кору, сгрёб ногой сухие веточки и, затаив дыхание, присел на корточки. Через минуту зажжённая спичка воспламенила сухие листья.

Лёгкий дымок окутал бересту. Медведь приподнялся, повертел своей большой головой, шумно потянул носом и с видом мирного лесного хозяина улёгся на прежнее место. Быстро вспыхнувший огонь захрустел, обнадёживающе защёлкал и, к великому разочарованию Славы, так же быстро погас. Густой белый дымок легко растаял в весеннем воздухе. Костёр не получился.

«Что же делать?» — думал Слава, пытаясь вспомнить советы старых охотников. Но на память ничего не приходило. И тогда Слава от всего сердца стал молиться:

— Боже, помилуй меня! Прости мне все мои грехи! Я заслуживаю наказания за то, что не слушался родителей, что пренебрегал их наставлениями и дружил с Ангелиной. Мне нравилось жить так, как живут неверующие, я любил этот мир. Но сегодня я переоценил свою жизнь. Я называю всё это грехом и прошу у Тебя прощения. Я хочу служить Тебе! Господи, очисти моё сердце и спаси меня от медведя!»

Лес притих. Ни звука. Неожиданно медведь поднялся. Встал на четыре лапы. Слава встрепенулся. Собаки прижались к ногам хозяина в напряжённом выжидании. Огромный хищник, обогнув своё логово, не спеша заковылял прочь. В тишине раздался звонкий хруст веток.

— Господи, благодарю Тебя! — прошептал Слава. — Это Ты заставил его уйти!..

Осторожно, стараясь не наступать на ветки, Слава попятился. Сделав несколько шагов, он остановился. Прислушался. Тишина. Он снова сделал несколько шагов назад и прислушался, пристально всматриваясь в кусты, за которыми скрылся хищник. Тихо.

Неожиданно над самой головой, громко хлопая кры-

льями, пролетела какая-то птица. Слава вздрогнул. Сердце бешено колотилось, ноги сами влекли его прочь с этого страшного места. Но бежать Слава боялся. Он ступал осторожно, время от времени вглядываясь вглубь леса, куда ушёл медведь. И только выйдя из лесу на просёлочную дорогу, Слава что было сил пустился бежать. Собаки, словно сочувствуя своему хозяину, мчались рядом.

Лишь забежав во двор, Слава почувствовал себя в безопасности. Встревоженные родители, выслушав страшный рассказ сына, слёзно молились вместе с ним и благодарили Бога за избавление от смерти. А Слава вновь признавал перед Богом и перед родителями свои грехи и просил за них прощения.

Теперь его сердце всецело принадлежало Богу, Который будет заниматься его воспитанием и с большой любовью будет направлять Своё дитя на путь истины.

Содержание

Заветное желание 3
Ключи. 47
Ослик по-новому 53
Осторожно! 58
Чудо 64
Стрелок. 68
Необычный сон 80
Суровый отец. 87
Приговор к смерти 90
Проходи, баптистка 96
Не лишний. 100
Не говори плохое о других 105
Украденный подарок 110
Тётя Рита 114
Рождество — это праздник святых 120
Муки совести 124
Больно и надолго 129
Слепое желание 132
Открытый урок 138
Забитый гвоздь 142
Неудавшаяся игра 146
Не готов 149
Нет ничего нового 158
Спасительная встреча 163